

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

6
2021

НОЯБРЬ •

ДЕКАБРЬ •

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. Робинсон (главный редактор),
И.Е. Адельгейм, М.М. Валенцова, Г.К. Венедиктов, М. Гардзанини (Италия),
А.А. Гиппиус, Н.С. Гусев, М. Зеленка (Чехия), В.И. Косик, М.В. Лескинен, Л.В. Луховицкий,
Г.Ф. Матвеев, Л. Матейко (Словакия), В.В. Мочалова, К.В. Никифоров, В. Павлович (Сербия),
В.Я. Петрухин, Р. Прешленова (Болгария), М.Н. Саенко, А.С. Стыкалин, Б.Н. Флоря, О.В. Хаванова.

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Отделы: И.Е. Адельгейм (зав. отделом литературоведения),
Е.В. Байдалова, И.И. Баринев, О.В. Белова (зав. отделом культурологии),
М.М. Валенцова (зав. отделом лингвистики), Е.Б. Лопатина,
А.С. Стыкалин (зав. отделом истории).

Заведующая редакцией Г.А. Михеева

Сотрудники редакции: Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения — до 30 тыс., рецензии — до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (не менее 100 слов) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу: <https://ras.jes.su/slav>

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <https://inslav.ru/page/pravila-publikacii-v-zhurnale-slavyanovedenie-information-authors>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

Содержание

СТАТЬИ

Сазонова Л.И. (Москва). Симеон Полоцкий драматург: новые аспекты изучения.....	5
Плотникова А.А. (Москва). Специфика хорватской народной мифологии	24
Валенцова М.М. (Москва). Этимологические методы в этнолингвистических исследованиях мифологической лексики	38
Агапкина Т.А. (Москва). Коллекции украинского магического фольклора в архивных собраниях РГО и ОЛЕАЭ	55
Белова О.В., Ясинская М.В. (Москва). Аббревиатуры и формулы в мемориальной эпиграфике Подляского воеводства	68
Вендина Т.И. (Москва). Мотивационный признак диалектного слова в зеркале аналитической диалектологии	87
Дробышева М.М. (Москва). Почему на стенах Софии Киевской оставляли надписи о «козе»?	99

СООБЩЕНИЯ

Останчук О.А. (Москва). «Азбучные войны» в истории и современности славянских языков: заметки на полях книги Артура Стемплевского	110
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Толстая С.М. M. Rak. Jan Karłowicz w świetle materiałów archiwalnych. Dialektologia, etnolingwistyka i lituanistyka	123
Белова О.В. А.А. Лазарева. Толкование сновидений в народной культуре	129
Старикова Н.Н. T. Virk. Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja	133
Дубовик О.А. М. Илиева. България в своя езиков свят (лингвокултурологично и етнопсихологично изследване)	140

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Седакова И.А. Лингвистическая конференция в Институте болгарского языка БАН	143
---	-----

НЕКРОЛОГИ

Памяти Лидии Константиновны Гаврюшиной (1956–2020)	147
Пилипенко Г.П. Памяти Галины Парфеньевны Нешименко (1933–2021).....	149
Старикова Н.Н. Памяти Александра Александровича Гутнина (1941–2021).....	151
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2021 году	153

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Slavic Studies

Slavic Studies

6
2021

FOUNDED IN JANUARY 1965

PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

NOVEMBER •

DECEMBER •

*Published under the Division of History and Philology
of the Russian Academy of Sciences*

THE EDITORIAL BOARD:

M.A. Robinson (editor-in-chief),
I.E. Adelgeim, **M.M. Valentsova**, **G.K. Venediktov**, **M. Gardzaniti** (Italy), **A.A. Gippius**, **N.S. Gusev**,
M. Zelenka (Czech Republic), **V.I. Kosik**, **M.V. Leskinen**, **L.V. Lukhovitski**, **G.F. Matveev**,
L. Matejko (Slovakia), **V.V. Mochalova**, **K.V. Nikiforov**, **V. Pavlović** (Serbia), **V.J. Petrukhin**,
R. Preshlenova (Bulgaria), **M.N. Saenko**, **A.S. Stykalin**, **B.N. Florya**, **O.V. Khavanova**.

A.S. Stykalin (executive secretary)

Departments: *I.E. Adelgeim*, *E.V. Baidalova* (Literature);
O.V. Belova (Cultural studies); *M.M. Valentsova* (Linguistics);
I.I. Barinov, *E.B. Lopatina*, *A.S. Stykalin* (History).

Head of the Editorial office: *G.A. Mikheeva*

Copy Editors: *L.A. Avakova*, *E.V. Ponomareva*, *I.J. Veslova*

Address: 119991, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A

Phone: +7 (495) 938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Contents

ARTICLES

<i>Sazonova L.I.</i> (Moscow). Simeon Polockij as a playwright: New study aspects	5
<i>Plotnikova A.A.</i> (Moscow). The specifics of Croatian folk mythology	24
<i>Valentsova M.M.</i> (Moscow). Etymological methods in ethnolinguistic research into mythological vocabulary.....	38
<i>Agapkina T.A.</i> (Moscow) Ukrainian magical folklore in the archive collections of the RGO and OLEAE	55
<i>Belova O.V., Yasinskaya M.V.</i> (Moscow). Fixed formulas and acronyms in the memory epigraphics of Podlasie province (Poland)	68
<i>Vendina T.I.</i> (Moscow). Motivation of the dialectal word in reflection of the analytic dialectology	87
<i>Drobysheva M.M.</i> (Moscow). Why did they leave inscriptions about the “goat” on the walls of St. Sophia Cathedral in Kiev?	99

ESSAYS

<i>Ostapchuk O.A.</i> (Moscow). «Alphabet wars» in the history and modernity of Slavic languages: side-notes to the Artur Steplewski’s book.....	110
--	-----

REVIEWS

<i>Tolstaya S.M.</i> M. Rak. Jan Karłowicz w świetle materiałów archiwalnych. Dialektologia, etnolingwistyka i lituanistyka.....	123
<i>Belova O.V.</i> A.A. Лазарева. Толкование сновидений в народной культуре	129
<i>Starikova N.N.</i> T. Virk. Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja	133
<i>Dubovik O.A.</i> M. Илиева. Българинът в своя езиков свят (лингвокултурологично и етнопсихолингвистично изследване)	140

SCHOLARLY LIFE

<i>Sedakova I.A.</i> Linguistic conference at the Institute for Bulgarian Language of BAS.....	143
--	-----

OBITUARIES

Remembering Lidia Kostantinovna Gavrushina (1956–2020)	147
<i>Pilipenko G.P.</i> In memory of Galina Parfenyevna Neshchimenko (1933–2021).....	149
<i>Starikova N.N.</i> In memory of Alexander Aleksandrovich Gugin (1941–2021).....	151
Index of articles and other content published in the journal in 2021.....	153

Симеон Полоцкий драматург: новые аспекты изучения

© 2021 г. Л.И. Сазонова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
(Москва, Российская Федерация)

Lsazonova@mail.ru

Аннотация. Изучение драматургического комплекса, дошедшего до нас в рукописной книге, созданной в 1680-х — начале 1690-х годов в Москве (хранится в Австрийской Национальной библиотеке, Вена), позволило установить, что объем драматургического наследия Симеона Полоцкого не исчерпывается двумя пьесами (о Навуходоносоре и блудном сыне) в составе «Рифмологиона». Оно включает также моралите о борьбе Церкви с «ратью неверных» и семь интермедий, известных ранее по единственному списку как безымянные сочинения первой трети XVIII в. Анализ историко-культурного контекста времени создания моралите, а также лексика, в частности редкая лексема (*Турчин*), и литературные приемы, характерные для текстов Симеона Полоцкого (использование литургических текстов как структурно-тематических мотивов), не оставляют сомнений в его авторстве. О Симеоне Полоцком как авторе интермедий свидетельствуют наблюдаемые между ними содержательные, сюжетно-тематические, стилистические, лексические переклички. Отдельные ситуации, сюжетные мотивы, лексика «междосредий» находят себе соответствие в контекстуальном поле его творчества («Вертоград многоцветный», «Рифмологион» и др.).

Ключевые слова: драматургическое наследие, рукописный кодекс, моралите, интермедии, теория драмы XVI–XVII вв., авторство.

Ссылка для цитирования: Сазонова Л.И. Симеон Полоцкий драматург: новые аспекты изучения // Славяноведение. 2021. № 6. С. 5–23. DOI: 10.31857/S0869544X0017672-2.

Simeon Polockij as a playwright: New study aspects

© 2021. L.I. Sazonova

Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Lsazonova@mail.ru

Abstract. The study of the dramaturgic complex which has come to us in a manuscript created in the 1680s — early 1690s in Moscow (kept in the Austrian National Library, Vienna) established that the dramaturgic heritage of Simeon Polockij was not limited to two plays (about Nebuchadnezzar and the prodigal son) in the «Rythmologion». It also includes morality play

about the struggle of the Church with the «host of infidels» and seven interludes, previously known from a single list as an anonymous works of the first third of the 18th century. The analysis of the historical and cultural context of the time the morality play was created, as well as its vocabulary, in particular, a rare lexeme (*Turchin*) and literary techniques typical for the texts of Simeon Polockij (using of the liturgical texts as a structural and thematic motives), leave no doubt about the authorship. Simeon Polockij is also the author of the interludes that can be proven by the content, plot-thematic, stylistic and lexical calls observed between them. Certain situations, plot motives and the vocabulary of the interludes can be identified in the context of Simeon's works («Vertograd mnogostvetnyj», «Rythmologion», etc.).

Keywords: dramatic legacy, handwritten codex, morality play, interludes, theory of drama of the XVI–XVII c., authorship.

Reference for citation: Sazonova L. I. Simeon Polockij as a playwright: New study aspects // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences=Slavyanovedenie. 2021. № 6. Pp. 5–23. DOI: 10.31857/S0869544X0017672-2.

Вопросу о возникновении русского театра в XVII в. посвящено немало исследований. Серия «Ранняя русская драматургия» (в пяти томах), подготовленная Институтом мировой литературы Академии наук (1972–1982), содержит фундаментальное исследование и публикацию памятников начального периода развития русской рукописной драмы — от возникновения в 1672 г. первого в России придворного театра царя Алексея Михайловича до создания в 1750 г. первого профессионального театра Ф.Г. Волкова. Расширение круга источников и привлечение, в частности, дипломатических донесений позволило ввести в научный оборот сведения о театральных действиях, разыгранных европейскими актерами-любителями перед царским двором в феврале–мае 1672 г., что на полгода удлиняет историю театра в России [1; 25]. Традиционно рождение русского театра принято вести от 17 октября 1672 г., когда в подмосковной резиденции царя в селе Преображенском состоялось исключительное по своей историко-культурной значимости событие — великолепный спектакль по пьесе «Артаксерксово действо»¹, написанной по указу государя на сюжет библейской «Книги Есфирь».

Открывающие историю русского театра «Артаксерксово действо» (1672) и «Иудифь» (1673) написаны на немецком языке и переведены на русский для сценического воплощения. Русские же стихотворные пьесы, предназначавшиеся для придворного театра, написал первый в России профессиональный поэт Симеон Полоцкий (1629–1680) и включил их в свою стихотворную книгу «Рифмологион» (1678–1680), связанную с разными аспектами жизни московского двора: это «Комидия притчи о блудном сыне» (1673–1678) и «Трагедия о Навходоносоре царе, о теле злате и о трех отроках, в печи не сожженных» (1673–1674)² (сведения об их постановке до нас не дошли).

К настоящему времени мы располагаем еще одним источником, позволяющим более полно выявить объем драматургического наследия писателя. Имеется в виду созданный в конце 1680-х — начале 1690-х годов в Москве рукописный

¹ См.: Артаксерксово действо. Первая пьеса русского театра XVII в. / подг. текста, ст. и коммент. И.М. Кудрявцева. М.; Л., 1957. Немецкий стихотворный текст пьесы пастора И.-Г. Грегори и его перевод в прозе на русский язык, выполненный переводчиками Посольского приказа, см.: Первые пьесы русского театра / под ред. А.Н. Робинсона. М., 1972. С. 101–350 (Серия «Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.)»).

² ГИМ. Син. № 287, л. 604–625; изд.: Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / подг. текста, ст. и коммент. И.П. Еремина. М.; Л., 1953. С. 161–202 (Серия «Лит. памятники»).

кодекс, хранящийся ныне в Австрийской национальной библиотеке (Вена) – Cod. slav. 174³. В нем содержатся сочинения Симеона Полоцкого, его ученика и друга Сильвестра Медведева (1641–1691), также придворного поэта⁴.

Драматургический комплекс австрийской рукописи включает «Трагедию о Навходоносоре» Симеона Полоцкого, а также моралите о борьбе Церкви с «ратью неверных» и семь интермедий.

«Трагедия о Навходоносоре» неоднократно издавалась по рукописи «Рифмологиона»⁵, содержащей самый ранний список пьесы о Навуходоносоре. Венский кодекс предоставляет в распоряжение исследователей второй список⁶, наиболее близкий по времени к книге придворно-церемониальной поэзии и обладающий примечательной особенностью. Одноактная пьеса о Навуходоносоре, содержащаяся в нем, разделена на семь «явлений» (в отличие от «Рифмологиона»). Текст произведения не только читали, с ним работали: на внешних полях рукописи, а в ряде случаев между строк, почерком XVIII в. внесены соответствующие пометы («Явл. 2», л. 162об.; «Явление третье», л. 163; «Явление 4», л. 164; «Явл. 5», л. 165; «Я II 6», л. 166; «Я / 7», л. 166об.). Они свидетельствуют о вдумчивом прочтении пьесы читателем, которому была ясна внутренняя структура «Трагедии о Навходоносоре». Интерес в XVIII в. к пьесе Симеона Полоцкого о Навуходоносоре поддерживался высоким статусом библейского источника (Дан 3:1–97), прославляющего стойкость в вере, а деление пьесы о Навуходоносоре на «явления» отражает, возможно, намерение постановщика превратить ее в сценический текст.

В отличие от «Трагедии о Навходоносоре», авторство которой удостоверено самим Симеоном Полоцким, включившим ее в состав «Рифмологиона», вопрос о составителе других драматургических произведений в венском кодексе не столь очевиден ввиду отсутствия каких-либо авторских указаний. До того момента, как короткая одноактная пьеса на тему борьбы Церкви с «нечестивыми» и интермедии были обнаружены в австрийской рукописи, они были известны по единственному списку XVIII в. сборнике: «Varia carmina Ruthena scripta in hoc libro 1737 Anno mense Martis et sententiae variae scriptae sapientissimorum auctorum elegantissimorum» («Разные русские стихотворения, списанные в эту книгу в марте 1737 г., и разные изречения, написанные мудрейшими авторами»)⁷. В 1919 г. Н.К. Гудзий обнаружил в этой рукописи анонимный текст без заглавия (л. 179–181об.) и назвал его «Борьба Церкви

³ Описание рукописи см. [24. S. 166–170]; см. также [15].

⁴ Имена авторов произведений в венской рукописи не указаны. В описании Г. Биркфелнера все входящие в нее сочинения приписаны авторству Симеона Полоцкого: «Simeon Polockij (Simeon Emel'anovič Sitnianovič-Petrovskij) – Ausgewählte Dichtungen». Об авторстве Сильвестра Медведева ряда сочинений, вошедших в данную рукопись наряду с текстами Симеона Полоцкого, см. [11. С. 199–205].

⁵ Новейшее изд. см.: Симеон Полоцкий. Рифмологион: Собрание придворно-церемониальных стихов / подг. текста, ст. и коммент. А. Хипписли, Х. Роте и Л.И. Сазоновой. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2017. Т. 2. С. 487–498 (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen. Bd. 27 / 2).

⁶ Кроме списка «Рифмологиона», ранее был известен лишь поздний список – XIX в., см.: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / гл. ред. А.Н. Робинсон. М., 1972. С. 324. (Серия «Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.)».

⁷ РГБ. Ф. 299. Собр. Н.С. Тихонравова. № 43. Л. 139–145.

с дьяволом»⁸. В 1929 г. историк театра В.И. Резанов опубликовал сочинение вновь⁹. Затем последовало переиздание в серии «Ранняя русская драматургия»¹⁰. Дата 1737 г., указанная в названии сборника из собрания Н.С. Тихонравова, служила основанием для отнесения пьесы о борьбе Церкви с «ратью неверных» к XVIII в. Венский кодекс, имеющий более раннюю хронологическую локализацию, позволяет пересмотреть датировку сочинения и переместить его из первой трети XVIII в. в конец XVII в.

В австрийской рукописи и моралите, и семь интермедий обозначены понятием «Междосредие». Слово это – калька латинского понятия *inter-medium* (*inter* – меж/между, *medium* – «то, что находится в середине или в промежутках») – интермедия; в сценической практике она могла исполняться и как отдельная сценка вне драмы. В согласии с теорией драмы своего времени, сочинение о борьбе Церкви с «ратью неверных» может рассматриваться как «диалог». В отличие от декламации, в которой исполнители поочередно, один за другим выступают перед присутствующими, здесь наблюдается взаимодействие персонажей, что соответствует требованию, предъявляемому к диалогу, о «наличности по меньшей мере двух собеседников» [9. С. 10]. В театральной практике XVII–XVIII вв. «диалогом» называли драму вообще, спектакль, сценическое представление. В.И. Резанов воспользовался понятием «моралите»¹¹, обозначающим аллегорическое и дидактическое театральное представление. Произведение называют также «пьесой»¹². Его жанровая природа допускает подобную взаимозаменяемость и взаимодополнительность приведенных терминов. Пьеса написана 11-сложным стихом с парной рифмовкой (с единичными отклонениями от изосиллабизма).

Действие разыгрывается, как в мистерии и в барочной драме, в трехуровневом сценическом пространстве – земля, небо, ад. Здесь происходит противоборство божественного и дьявольского начал, борьба верных и иноверных, христиан и ополчившихся против них язычников, иудеев и мусульман. Пьеса открывается аллегорией христианской Церкви, выступающей в образе «Христовой невесты»: «Изыдет Невѣста в солнцы и луна под ногама ея вѣнец имущи от звѣзд 12». Невеста – жена, облеченная в солнце (Христа), имеющая под ногами луну, а вокруг головы венец из двенадцати звезд – образ Церкви, восходящий к Откровению Иоанна Богослова (Откр 12:1).

Персонифицированная аллегория Церкви появляется на театральных подмостках вместе с христианами и Архангелом Михаилом, который поясняет зрителям: «Сия есть Церковь любезная Богу, / юже от злых враг страждет пакость многу». «Рать неверных» атакует Невесту-Церковь. Михаил оказывает ей духовную поддержку, ободряет и заверяет: «Врата адова ты не одолѣют, / врази исчезнут твои и истлѣют. / Мужайся крѣпко, на брань готовися...». Затем «из Ада исходит» Змий-дьявол, но, увидев защитника Церкви Михаила, «рыча и яряся», удаляется «за завесу».

⁸ Гудзий Н.К. К истории русского театра. I. Еще одна школьная декламация // Изв. Таврического ун-та. Симферополь, 1919. Кн. 1. С. 147–150.

⁹ См.: Резанов Вол. Драма українська. Київ, 1929. Вип. 6. С. 133–136.

¹⁰ Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. / гл. ред. А.Н. Робинсон. М., 1975. С. 154–157, 619–621 (коммент. О.А. Державиной). (Серия «Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.)»).

¹¹ Резанов Вол. Драма українська. С. 53.

¹² Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. С. 620.

Конфликт развивается в серии однотипно устроенных реплик с угрозами Церкви со стороны ее врагов, которые представлены обобщенными образами разных иноверных народов. Драматург воплотил их, воспользовавшись национальными персонификациями: Жидовин, Турчин, Татарин, Кузулбаш (Т¹³: Козылбаш), Вашкирец (Башкирец), Мордвин, Арапин (Т: Арапик). Они, «любезные друзья» Дьявола, один за другим появляются на сцене и нападают на христиан. «Изыдет Жидовин с оружием»: «Гдѣ есть Церковь Христова? Хошу ю рубити», да не будет «христиан родити». С саблей оттоманской выбегает Турчин: «Како отыде мати христианска? / Хошет ю сѣщи сабля отоманска». Спешащие им на помощь Татарин, Кузулбаш и Мордвин напрягают свои луки «на христиане». Вашкирец вопрошает: «Гдѣ христианѣ, братие? Скажите!», — и призывает всех, имеющих оружие, преследовать христиан. К ним присоединяется Арапин, желающий умереть за Магомета. Исходящий из Ада Дьявол приветствует свою рать, потворствуя совершению злодеяний: «[...] вси на Церковь сильно нападайте / род христианский вконец истребляйте!».

На помощь христианам приходит Архангел Михаил с мечом: «Раби Христи, на враги дерзайте! / Бог вам помощник, силно побѣждайте!». Они побеждают врагов («погонят нечестивых»). К погибшим христианам сходят Ангелы и уносят их души на небеса. Падших иноверных тайно похищают выходящие из Ада демоны и уносят «во Ад». Церковь торжествует победу. После одоления врагов христиане направляются в храм, чтобы поблагодарить Бога за победу. Поскольку показывать храм на сцене недопустимо, исполнители удаляются «за завесу», откуда доносится «сладкое и тихое» пение славословий: «Тебе, Бога, хвалим» (торжественный гимн Амвросия Медиоланского, исполняемый в Неделью Торжества Православия) и «Слава во вышних Богу» (Великое славословие рождественского богослужения, Ангельская песнь, рождественский тропарь).

В последней части пьесы изображается борьба Ангелов с демонами за души погибших христиан, которые проходят через «мытарства». По словам одного из персонажей: «Время мытарства душам преминати» (Т: «преходить»). В христианском богословии «мытарства» трактуются как борьба добрых и злых сил за посмертную судьбу души человека. Дьявол возбуждает Ангелам вознести души праведников через расступившиеся облака на небо: «Нам сия души взяти подобает». Но Ангел не уступает: «Исчезни, враже, се души спасенны, / слезами, кровию снежно убеленны!». Мотив мытарств разыгрывается, как в народной сказке, троекратно. Дьявол трижды заступает путь на небеса душам убитых христиан, и трижды Ангел ударяет его мечом. В заключение звучит его морализирующая реплика, обращенная к Дьяволу: «Злый клеветниче! Бога возлюбиши! / Сии за Нь главы своя положиша: / За то им з Богом подобает быти, / ты же не мози им здѣ пакостити!». Заключительная ремарка сообщает, что Демон «отбежит» в Ад, а небо «откроется», и души праведников уносятся ввысь, через расступившиеся облака. Звучит ангельское пение: «Свят, свят, свят, Господь Саваоф!» (древний христианский гимн, используемый как в католической, так и в православной церкви, славословит Троицу как Саваофа). Потом двери и небеса закроются, облака сомкнутся. «И будет мусикия».

Разночтения в тексте пьесы между венским кодексом и рукописью из собрания Н.С. Тихонравова, хотя и не столь значительные, свидетельствуют

¹³ Указывая здесь и далее источники, откуда приводятся разночтения, пользуемся следующими сокращениями: Т — список из собрания Н.С. Тихонравова, В — венский кодекс.

о том, что эти списки не связаны между собой генетически. В них наблюдается лексическая и стилистическая вариативность. Так, строки из венского списка «За то им з Богом подобает быти, / ты же не мози им здѣ пакостити!» несколько отличаются в сборнике Н.С. Тихонравова: в первой из них вместо глагола «быти» — «жити», а во второй — выражение «здѣ пакостити» заменено сложно устроенным и не вполне прозрачным по смыслу оборотом: «противен здѣ быти». В ремарке, где упоминаются песнопения, исполняемые христианами после победы, — «[...]“Тебе, Бога, хвалим” или “Слава во вышних Богу” или что подобно» (В, л. 181), оборот «или что подобно» написан в тихонравовской рукописи по-латыни: «aliud isti simile», что может означать связь переписчика с кругом Славяно-греко-латинской академии, или, возможно, данное чтение содержалось в источнике, которым он располагал. Некоторыми деталями отличаются и заключительные ремарки. В австрийской рукописи сообщается, что души христиан «внидут» за Ангелом в заоблачную высь: «Тамо же небо, вращающееся, отверзется и внесены будут души». Раскрывается тем самым любопытная подробность, относящаяся, по-видимому, к использованию театральной машинерии при устройстве верхнего — небесного — уровня сценического пространства. В позднем списке вместо упоминания о «вращающемся небе» лаконично сказано: «и внесены будут души в Раи». Последняя фраза венского списка — «И будет мусикия понеже само дѣло» — акцентирует внимание на том, что музыка звучит в финале пьесы после того, как завершится само действие. Союз «понеже» отражает здесь временные отношения и соответствует значению «после того как» [19. С. 50]. В позднем списке от концовки осталась только первая часть: «И будет мусикия».

Четкое в венской рукописи написание «понеже» исследователь передал: «по ней же [т.е. после музыки] само действие»¹⁴ и, основываясь на неверном прочтении, выдвинул предположение, что «перед нами не самостоятельная школьная декламация, а пролог к драматическому представлению», а именно: «это пролог к пьесе Симеона Полоцкого “О Навходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцах”» [6. С. 425]. Теория драмы XVI–XVII вв. содержит специальные предписания относительно пролога. По М.К. Сарбевскому, трагедия не предполагает его наличие, а пьеса Симеона о Навуходоносоре, судя по жанровому определению, присутствующему в ее названии, и есть «трагедия». Николая Коссен (1583–1651), старший современник Симеона, в своих стихотворных трагедиях «не дает отдельного от актов пролога» [8. С. 356].

Я. Понтан признает пролог для трагедии как «обращенную к зрителям речь, произносимую перед началом пьесы», чтобы подготовить слушателей к восприятию предстоящего зрелища. Теоретик различает по содержанию «четыре вида пролога: а) поэт говорит о самом себе (poeta commendatur), б) он дает ответ на обвинения своих завистников и недоброжелателей, в) излагается содержание пьесы и г) в содержании пролога может быть совмещено разом и то, и другое, и третье. Произносится пролог лицом, не участвующим в самом действии пьесы», пролог «можно опускать или присоединять к пьесе без вреда для последней» [8. С. 255]. «Poetica practica» (1648), отражая сложившуюся ко времени ее составления драматургическую практику, описывает пять видов пролога (см. [8. С. 332–334]). Ни одному из них сочинение о борьбе Церкви с «ратью неверных» не соответствует. Прологом, т.е. вступительной частью

¹⁴ Данное прочтение повторно воспроизведено в изд.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 18. XVII век / подг. текстов и коммент. С.И. Николаева. СПб., 2014. С. 632.

к «Трагедии о Навходоносоре», оно не является. Перед нами самостоятельное произведение. Закрывающая его фраза «И будет мусикия» — знак окончания пьесы и театрального представления. Реплика с упоминанием музыки следует также в завершение «Комидии притчи о блудном сыне»: «Ту вси, изшедше, поклонятся, а мусикия запоет и тако разыдутся гости». В конце «Трагедии о Навходоносоре» — песнопение «Многа лета» и «Игание»¹⁵.

До сих пор не прояснен вопрос об историко-культурном контексте времени создания моралите, от которого, в свою очередь, зависит решение проблемы авторства текста. По словам О.А. Державиной: «Автор пьесы неизвестен, неизвестно также, где и по какому поводу она была написана, когда и кем исполнялась и исполнялась ли вообще». Исследователь предполагает, что «пьеса возникла на Украине, где православные вынуждены были отстаивать свою веру в борьбе с наступающим с Запада католицизмом»¹⁶. Л.А. Софронова также полагает, что «противопоставление католичества и православия задает тематические особенности сценических монологов и диалогов. Отзвуки их противостояния можно услышать явственно во многих пьесах» [20. С. 40]. Среди них названа и пьеса «Борьба Церкви с дьяволом». Заметим, однако, что текст ее не дает оснований для таких предположений. Ни упоминаний католицизма, ни представляющих его персонажей в пьесе нет, что, кстати, подтверждает: пьеса создана не на Украине.

В отличие от Украины, где полемическая, антикатолическая литература широко потоком вливалась в культуру [10. С. 129—152], в России проблема противостояния католицизма и православия не имела такой остроты. Действующие лица пьесы — иудей (Жидовин), мусульмане (Турчин, Татарин, Кузулбаш, Башкирец) и язычники (Мордва, Арапин). Это народы, населяющие Россию, или живущие в относительной близости от ее границ, как, например, турки сунниты, татары крымские, кочевые тюркские племена кызылбашей, подданных Сефевидского государства, которые постоянно совершали набеги на соседние немусульманские страны во имя «войны за веру». В моралите все они равно представлены как враги христианства.

Предположение О.А. Державиной о создании пьесы на Украине основано на том, что там, по ее словам, «зачастую православные храмы оказывались в руках евреев-арендаторов. Именно там подобная пьеса могла быть актуальной и иметь определенный успех у зрителей»¹⁷. Однако тема противостояния иудаизма и христианства, будучи на протяжении веков общим местом в литературе, не имеет явной исторической привязки к указанному геокультурному пространству и, соответственно, служить аргументом при установлении места и времени создания пьесы не может. Роль играют совершенно другие признаки, которых исследователь не касается, оставляя в стороне вопрос о том, почему вдруг среди действующих лиц появляются довольно редкие персонажи — Мордвин и Башкирец. Обращение драматурга к ним не ограничивается приемом литературной условности и обусловлено конкретными историческими обстоятельствами.

По башкирским землям во второй половине XVII в. прокатились волны восстаний, в частности, в 1660-е годы. Для умирения беспокойных подданных правительство предприняло попытки христианизации башкирского населения,

¹⁵ Слово «игание» означает: «игра на музыкальных инструментах, исполнение музыкального произведения; песня» [17. С. 81].

¹⁶ Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. С. 620.

¹⁷ Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. С. 620.

исповедовавшего ислам суннитского типа. Со всей остротой вопрос этот поставлен как государственно-политическая задача в 1670–е годы, в связи с чем 16 мая 1681 г. появился Указ, провозгласивший курс на насильственную христианизацию. Реакцией на него стало очередное восстание башкир в 1681–1683 гг. Миссионерские попытки привнесения христианства в мордовский край как часть национальной политики в целях идеологической интеграции местного населения в российское государство вызывали негативную реакцию народа мордвы, считавшего православие чужеродной религией. «В ряде случаев глухое брожение переходило в открытую борьбу. В начале XVII в. алатырская мордва дважды топила в реке Суре игуменов Троицкого монастыря, в 1655 г. убит архиепископ Рязанский Мисаил». В 1670–1671 гг., во время мятежа Степана Разина, получившего поддержку у народов Поволжья, среди которых находились и мордвины, «восстание в мордовских деревнях чаще всего начиналось с убийства священников» [22. С. 67–72; 23. С. 142–143].

События, связанные с воинственным противостоянием христианству иных конфессий, получили художественное воплощение в виде обобщенных образов Башкирца и Мордвина. Другие персонажи – Турчин и Татарин выступают в пьесе как олицетворение Оттоманской Порты и ее вассала Крымского ханства. В геральдико-эмблематической поэме «Орел Российский» (1667) Симеон Полоцкий в духе идеологической концепции «Москва – Третий Рим» видит в России наследницу Византии, призванную освободить православные земли от турецкого ига: «Ты, Византию, узришь от России / Орла, расторгша главу лютой змии». «Бисурмянской Луне» дается совет склонить свои «роги» «Орлу под ноги» – такой акт символизировал бы не только политическое и военное поражение, но и религиозное. Некрещенные народы, пребывающие в духовной тьме, сравниваются с птицами ночи – совами и «вранами». К слову сказать, к сборнику богословских бесед, куда вошли как оригинальные сочинения Симеона Полоцкого, так и его переводы (ГИМ. Син. 660, Син. 289), писатель добавил в 1677–1679 гг. ряд поучений, полемически заостренных против ислама (фрагменты из «Speculum Historiale» Винсента из Бове).

Значительное место антиосманская тема занимает в стихах «Рифмологиона». Яркой лексической приметой ее является редкое, но для поэтических контекстов Симеона характерное слово «Турчин»¹⁸ (польск. *turczyn*):

«На врага люта, на *Турчина* злаго,
на державу ти нашествующаго»¹⁹.

«Злочестивый враг *Турчин*, иже Тя не знает
Бога быти, и вѣрных гонитель бывает»²⁰.

«Врага *Турчина* полки поразити,
царства предѣлы славно разширити»²¹.

«Чтит зѣло крест Твой царь благочестивый,
враг же кресту Ти – *Турчин* нечестивый»²².

¹⁸ Лексема «Турчин» отсутствует в исторических словарях русского языка. В Национальном корпусе русского языка названы два памятника, в которых употреблено слово «турчин»: «Пророчество из Кракова о гибели Польши» (1558–1665) и «Скифская история» (1692) А. Лызлова. Для понятия «мусульмане» в старорусских текстах используется эквивалент «агаряне».

¹⁹ Симеон Полоцкий. Рифмологион. Т. 1. С. 71.

²⁰ Симеон Полоцкий. Рифмологион. Т. 1. С. 281.

²¹ Симеон Полоцкий. Рифмологион. Т. 2. С. 7.

²² Симеон Полоцкий. Рифмологион. Т. 2. С. 9.

«Яко Максентии древле крестом побѣжденны,
такo Турчин да будет онѣм пораженны»²³.

«Враг есть Турчин Цареви, враг и Христу Богу,
во христианех дѣет обиду премногу»²⁴.

«Да, яко демон от креста гонзает,
такo и Турчин, раб его, бѣгает»²⁵.

«Яко Амалик, Турчин наступает,
воинство наше избити желает»²⁶.

«Турчин всегордый со вселютым ханом
на мучительство бѣдным христианом»²⁷.

Строки в «Рифмологионе» о «победных песнях» в знак благодарности Христу за помощь в борьбе с агарянами — «Да побѣдныя пѣсни пишем Тебѣ, / буди нам в помощь во тяжѣй потребѣ» («Стиси краесогласнии в день происхожденья честнаго и животворящаго креста Господня»²⁸) — напоминают слова из призыва одного из персонажей пьесы после одоления «неверных» почтить Бога «победительными песнями»: «Внидем в дом Божий славу Ему дати, / побѣдителны пѣсни воспѣвати!».

Обе части, составляющие содержание моралите, завершаются исполнением церковных песнопений. По случаю победы христиан над иноверными звучат, как уже отмечено, торжественный гимн «Тебе, Бога, хвалим» и «Слава во вышних Богу»; восхождение праведников в Рай увенчивается славословием «Свят, свят, свят, Господь Саваоф!». Обращение к литургическим текстам как структурно-тематическим мотивам для построения сценических ситуаций соединяет эту пьесу с «Трагедией о Навходоносоре» Симеона Полоцкого и другими его сочинениями в «Рифмологионе». В стихах рождественского цикла цитируется Ангельская песнь при рождении Спасителя, она присутствует во всех приветствиях, начиная с поздравлений на Рождество Христово Царю, Царевичу, Царевне и вплоть до «Стихов общих», предназначенных для всех и для каждого. Стихиру «Слава в вышних Богу», исполняемую перед чтением канонов в день Рождества Христова, поют в «Рифмологионе» ангелы: «Слава во вышних Богу, восклицают, / и на земли мир людем, провѣщают»²⁹. В «Трагедии о Навходоносоре» и в моралите многозначное понятие «дѣло» использовано в одном и том же смысле: театральное действо («То комедиино мы хошем явити / и аки само дѣло представи...» — В, л. 162; «И будет мусикия понеже само дѣло» — В, л. 181об.). Лексическую переключку образуют слова «любезнии друзи» / «любимии друзи», «истиннии слуги» в реплике дьявола из моралите («Гой-гой-гой, любезнии друзи, / князя моего истиннии слуги!») и в обращении царя в «Трагедии о Навходоносоре» («Благодарю вы, любимии друзи, / Бога живаго истиннии слуги...»).

Таким образом, анализ историко-культурного контекста времени создания пьесы на тему борьбы Церкви с «нечестивыми», лексика, в частности редкая

²³ Симеон Полоцкий. Рифмологион. Т. 2. С. 511.

²⁴ Симеон Полоцкий. Рифмологион. Т. 2. С. 513.

²⁵ Симеон Полоцкий. Рифмологион. Т. 2. С. 529.

²⁶ Симеон Полоцкий. Рифмологион. Т. 2. С. 531.

²⁷ Симеон Полоцкий. Рифмологион. Т. 2. С. 532.

²⁸ Симеон Полоцкий. Рифмологион. Т. 2. С. 529.

²⁹ Симеон Полоцкий. Рифмологион. Т. 1. С. 18; см. подробно [14. С. 487–501].

лексема («Турчин»), характерная для контекстов «Рифмологиона», а также литературные приемы, свойственные писательской манере Симеона Полоцкого (использование литургических текстов в качестве структурно-тематических мотивов), не оставляют сомнений в его авторстве. Создание произведения, отвечающее политическому и историко-культурному контексту 1670-х годов, относится к тому же периоду, когда на свет появились и другие пьесы автора.

Далее в венском кодексе читаются семь интермедий («О Пияницы», «Старик и Малец», «Старик и Учитель», «Старик и Смерть», «О Летяге», «Богатырь и Воин», «Астролог»), известных ранее, как и моралите о борьбе Церкви с «рабью неверных», в единственном списке по той же рукописи 1737 г. из собрания Н.С. Тихонравова (№ 43). Предположения, связывавшие ранние интермедии русского театра с историей культуры и литературы XVIII в., утратили, таким образом, научную актуальность, так же как и широко распространенное мнение о том, что интерлюдии, предназначенные для исполнения между актами «Комидии притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого, не сохранились, и об их существовании «мы узнаем только из пролога и из помет после каждого акта “будет Intermedium”» [5. С. 330, 116]. По словам И.П. Еремина, «текст этих интермедий нам не известен» [3. С. 251; 27. С. 66–70]³⁰. Новые данные не были учтены в издании «Памятники литературы Древней Руси» (1994), где высказано устаревшее суждение об интермедиях, публикуемых по сборнику Н.С. Тихонравова: они «относятся к началу XVIII в.»³¹; неточность исправлена в переиздании (2014)³².

Четыре из названных интермедий разыгрывались на сцене еще в начале XX в., и у постановщиков спектакля не вызывало сомнений ни авторство, ни датировка этих текстов, связанных с драмой Симеона Полоцкого о блудном сыне. Подтверждением тому служит сохранившийся редкий документ под названием «Некое предуведомление, сиречь роду православному извещение». Это пригласительный билет-программа представления «Притчи о Блудном Сыне» Симеона и сопровождающих ее интермедий.

«...1910 февраля в 26-й день в Царствующем и Богоспасаемом Великом граде Москве действием благородных великороссийских отроков Новосияющих Славяно-Латинских Афин, сиречь преславного коллегіума имени-тых людей Медведниковых воображено будет:

1) Комедия Симеона Полоцкаго “Притча о Блудном Сыне” пятью частями, а в ней интерлюдии³³: “Лакомый”, “Старик и Малец”, “Малец и Старик”, “Астролог”, в ней же арганное гудение и певцы поют. (17 в.). [...]

³⁰ См. также: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / гл. ред. А.Н. Робинсон. М., 1972. С. 341; в «Содержании» книги на с. 368 «Интермедии» значатся как сочинения Димитрия Ростовского (автор комментариев А.С. Демин)

³¹ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3 / сост. С.И. Николаева и А.М. Панченко. М., 1994. С. 576.

³² В переиздании (Библиотека литературы Древней Руси. Т. 18. XVII век / подг. текстов и комментарии С.И. Николаева. СПб., 2014. С. 636) интермедии отнесены к концу XVII в. в соответствии с предложенной мною датировкой венского кодекса, см. [11. С. 199–205; 12. С. 61–88]. В описании Г. Биркфелнера венская рукопись датирована XVIII в. [24. С. 166].

³³ К началу XX в. пьеса «Комидия притчи о блудном сыне» издавалась неоднократно. Внимание постановщиков спектакля привлекло, вероятно, издание, в котором опубликованы и названная пьеса, и интермедии: Тихонравов Н.С. Русские драматические произведения. 1672–1725 гг. СПб., 1874. Т. 1. С. 296–326 (пьеса). С. 400–418 (интермедии).

Оное вышереченное позорище действом явится в вечеру в исход восьмого часа» (впервые воспроизведено в [13. С. 672]).

Гимназия Медведниковых отличалась высоким образовательным уровнем и особой творческой атмосферой. В ее школьном театре под руководством преподавателей русского языка и литературы учащиеся ставили старинные русские пьесы «с точным соблюдением стиля эпохи»; «такие постановки обставлялись блестяще, стоили больших денег и захватывали полностью юношей, принимавших участие в спектаклях» [4. С. 152].

Интерлюдии исполнялись между актами драмы с целью развлечения зрителей — «утѣхи ради». Так объясняет их назначение Симеон Полоцкий в «Прологе» к пьесе о блудном сыне, ибо все, что «едино без премѣн бывает», наводит скуку («стужает»). Однако в рукописи «Рифмологиона», содержащей «Комедию притчи о блудном сыне», тексты интермедий закономерно отсутствуют. Исполняемые в антрактах короткие комические сценки, шуточные и бытовые, с забавным, смешным сюжетом, разговорным языком буффонадных персонажей не соответствовали эстетической природе «Рифмологиона» как книги, связанной с высокой придворно-церемониальной культурой.

В первой из интермедий под названием «О Пяницы» (л. 181об.—182об.) участвует, кроме Пяницы, персонаж с говорящим прозвищем Блудный (как и в пьесе Симеона о блудном сыне) в форме субстантивированного прилагательного *от глагола* блудити — заблуждаться, ошибаться, уклоняться от истины, заводить не туда, куда нужно [16. С. 244]. В интермедии обыгрывается эпизод из «Комидии притчи о блудном сыне», в котором Блудный велит дать ему чашу вина, а слугам — налить «по десяти чаш полных» и испить за его здоровье. Они выпивают, приветствуя своего господина пожеланием здравия. Их реплики имеют откровенно пародийный характер: «[...] буди здрав, Государь наш, не многа лѣта! Здѣ, пивше запоят «Не многа лѣта!». В рукописи «Рифмологиона» пародийная форма «Не многа лѣта!» употреблена четырежды; первоначально писцом было написано «На многа лѣта!»; предлог «На» в рукописи последовательно исправлен в «Не»: «Не многа лѣта!». Формула многолетия использовалась Симеоном Полоцким в придворно-церемониальной поэзии применительно к царю, членам царской семьи, придворной аристократии, церковным иерархам, и она не могла быть вложена в уста плутоватых слуг в качестве здравицы Блудному. Обыгрывание этой формулы в «Комидии притчи о блудном сыне» для достижения эффекта пародийности ситуации осталось, к сожалению, незамеченным в популярных изданиях³⁴.

В интермедии Блудный, искушая Пяницу, кладет на дно кубка с вином сто червонных. Испив чашу и «взяв деньги», Пяница «повалится». Блудный велит слугам положить его спать и не выпускать из вида «златницы»: «да цѣлы будут златницы, блюдите». Пяница «начнет аки умирати». Приходит Демон, забирает его душу и уносит в Ад. Интермедияльная сценка не только по содержанию связана с «Комидией притчи о блудном сыне». Наблюдаются также сюжетные элементы, соединяющие ее со стихотворением «Пяница душу продаде демону» из обширного цикла стихов, посвященных теме пьянства в «Вертограде многоцветном»³⁵. Событие происходит «в дому винопродажном». Один

³⁴ См.: Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3. С. 378, 381; Библиотека литературы Древней Руси. Т. 18. XVII век. С. 495—496, 498.

³⁵ Симеон Полоцкий. Вертоград многоцвѣтный / подг. текста, статья и комментарий А. Хипписли и Л.И. Сазоновой. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1999. Т. 2. С. 495—496.

из посетителей кабака заявляет, что если бы нашелся купец, который изволил бы купить его душу, то было бы «за что вино сладко пити», и можно было бы вернуть свой долг. И тотчас объявился «муж нѣкий»: «[...] аз куплю, токмо оцѣните, серебро имам готово». После того, как он выдал запрошенную сумму, начались веселые возлияния, все расхваливали душепродавца. С наступлением вечера купец похитил несчастного: «душу купно и с тѣлом в геенну понес есть. / И тако окаянный погипе во вѣки». А «собесѣдники» поняли, что имели разговор с самим «демоном лютым». Рассказ завершается моралью: «Оле пиянства злаго! К чесому приводит? / Во вѣчную погибель грѣшника низводит».

Пьянство и сопряженная с ним денежная плата, перенесение винопийцы демоном в ад — эти сюжетные мотивы являются общими для интермедии «О Пияницы» и стихотворения «Пияница душу продаде дѣмону» из «Вертограда многоцветного». Кроме того, эти тексты имеют также редкую, для разговорного языка того времени, не характерную, общую лексему, объединяющую парадигматические формы одного слова: «Собесѣдник» — в интермедии, «Собесѣдници», «сѣбесѣдовавшая» — в стихотворении. Нет сомнений в том, что изучаемая интермедия написана Симеоном Полоцким³⁶.

Содержание двух следующих интермедий — похвала учению и порицание невежества — имеет внутренние связи со смыслом «Пролога» к пьесе «Комидия притчи о блудном сыне». Прославляя Бога, давшего «науку» и «разум благий», Отец призывает своих сыновей: «Мудрость стяжите, правда буди с вами, / лжа не изыди вашими устами»³⁷. В смехотворной форме демонстрируются прискорбные результаты нежелания и неумения учиться. В интермедии «Старик и Малец» (л. 182об.—184) томимый жаждой знания Старец допытывается у публики, не знает ли кто, в каких лавках разум продается, а то купил бы «аршин з десять». Если можно было бы повернуть время вспять, рассуждает он, и стать молодым, то принялся бы «за книгу руки и зубами, / да бы ума набити в главу кулаками». Помочь вызывается «Малец-учитель з свитком и с плетью». Показав Старцу свиток, в котором якобы «есть разум», он приказывает съесть его, разрезав на мелкие части. Старец жалуется, что такая наука тверда и трудна для усвоения, «вкус» ее «жесток есть, хочется блевати». Но «Малец школьный» оправдывает свой способ обучения расхожей сентенцией о горьком труде и сладком его плоде: «Горек труд нынѣ, но сладкий плод будет, / Егда в главѣ ти ума прибудет». Ситуация обучения Старца азбуке разрешается его избиением, что дает свой результат: Старец «гласно» читает названия начальных литер алфавита. Интермедия завершается на серьезной ноте моралью: «Кто ся не хошет в юности труждати, / должно тому есть в старости страдати».

О Симеоне Полоцком как авторе интермедии свидетельствует не только соотнесенность с «Прологом» пьесы о блудном сыне, но и дважды звучащий мотив *купи — продажи ума*. Он связывает данную интермедию с шутивным стихотворением Симеона Полоцкого «Стихи утешные к лицу единому», написанным, судя по тексту, еще до его переезда в Москву. Ироническое автобиографическое признание поэта, ищущего достойное применение своим, как он полагал, недюжинным способностям, выразилось в строках: «Видите мене,

³⁶ Суждение о связи интермедии «О Пиянице» с пьесой Симеона Полоцкого о блудном сыне ранее высказывалось без доказательств только как гипотеза, см. [7. С. 156–157; 2. С. 522].

³⁷ Симеон Полоцкий. Рифмологийон. Т. 2. С. 463.

как я муж отраден, / возрастом велик и умом изряден? [...] / Ума излишком, аж нѣгде дѣвати, — купи, хто хочет, а я рад продати³⁸.

Следующая интермедия «Старик и Учитель» (л. 184–186) является дальнейшим развитием предыдущей. Выступают те же персонажи, а события происходят на другой день. Старик представляется зрителям как их давний знакомый, который накануне был без разума, а сегодня умудрен трудным вчерашним учением: всю ночь болела голова, чрево, снесшее ум, «много говорило», так, что «самому зѣло тошно было». Но все же он снова пришел на урок. В ироничной манере Учитель советует Старику: если тот хочет «еще мудрее быть», нужно «тупой ум» свой «добрѣ наострити». Брусом наставник острит «главу» Старца, вырывая «ради мудрости» «власы», и приговаривая: «Главо дурная! брусом сим острися! / Старче безумный, к сохѣ возвратися!». Тот кричит от сильной боли: «О, тяжко зѣло мудрость есть стяжати, / уне бяше никогда не знати». Главный урок мудрости, который Учитель дает своему великовозрастному ученику, — отправляться домой и пахать землю: «Паши хлѣб, токмо при сей мудрости не познаеши от глада трудности». Учитель резюмирует: невозможно научить «премудрости» глупого старца, даже если пытаться вгонять ее кнутами: «Соха, борона — то-то дѣло его. / Ей, не забудет учения моего». Морализирующая концовка образует смысловую перекличку со строками стихотворения «Старость честная» из «Вертограда многоцветного»: «Полза есть во юности благо разум стяжати, / да бы о нем в старости благо пребывати». Украшение молодости — твердая память и острый ум, они помогут и в «бессильной старости»³⁹.

Четвертая интермедия «Старик и Смерть» (л. 186–187об.) следует сюжету эзоповской басни⁴⁰. В библиотеке Симеона имелся иллюстрированный Эзоп в форме эмблематической книги в стихотворном переложении на латинский язык профессора Йенской академии, поэта Иеремии Осии (1574)⁴¹. На гравюре к стихотворению «De sene et morte» («Старик и смерть») изображены смерть в образе костлявой фигуры с косой и сидящий перед ней пожилой человек с вязанкой дров и тяжелым тюком⁴².

В интермедии сюжет драматургически обработан. «Исходит» Старик, изнемогающий под бременем тяжких недугов и прожитых лет: «Живый хожду труп», — признается страдалец. Его горестный монолог построен на использовании древнего мотива пяти телесных чувств, столь привлекательного для поэтов эпохи барокко. Из пяти чувств состоит «мир малый человек». В широком спектре значений — от дидактического до панегирического — топос пяти телесных чувств раскрывается в стихах «Вертограда многоцветного», см. [13. С. 292–298]. Бедственное состояние Старца изображено в интермедии в планах четырех телесных чувств: зрения («очи видят мало»), слуха («уши не слышат»), вкушения («зубы хлѣба не могут сожвати»), осязания («не служат и руцѣ»). В «Песни о прелести мира», переведенной Симеоном Полоцким «из полскаго диалекта [...] на славенский»⁴³, смерть, гибель и распад человеческой плоти также представлены как утрата организмом телесных чувств.

³⁸ ГИМ. Син.731. Л. 97–98об.

³⁹ Симеон Полоцкий. Вертоград многоцвѣтный. Т. 3. С. 195.

⁴⁰ Впервые связь данной интермедии с басней Эзопа отмечена в работе [5. С. 332].

⁴¹ Phryx Aesopus habitu poetico Hieronymi Osii Tyrigetae Professoris in Academia Ienensi publici... Francofurti ad Moenum, 1574; см. [26. P. 18].

⁴² Phryx Aesopus habitu poetico Hieronymi Osii. P. 121.

⁴³ Симеон Полоцкий. Рифмологион. Т. 2. С. 187–190.

Возвращаясь с непосильно тяжелой ношей, несчастный печалится, что лучше умереть, чем жить в нужде, но смерть слепа, «мало в ней ума», она забирает юных, а его, старого, оставляет: «О Смерти! Гдѣ ты? камо заблудила?». Она тут же появляется на призыв: «Имя ми есть Смерть». Старик просит ее помочь «дрова на плеча взложить». Но Смерть упрекает его в хитрости и лукавстве, ведь известно же, что ремесло ее — «телеса» людей «во гроб хищати». Коснувшись дров косою, она отправляет Старца домой и велит готовиться сойти наутро в могилу. Старик сокрушается, что дерзнул пригласить к себе Смерть: «[...] званием Смерти не гнѣвайте Бога!» Поучение, звучащее из его уст, возвращается к морали эзоповской басни: «всякий человек любит жизнь, как бы он ни был несчастен».

В пятом «междосредии» — «О Летяги сие» (л. 187об.—188об., 190–190об.) — разыгрывается популярный анекдот о мошенниках, обманывающих друг друга. Персонаж по прозвищу Летяга, означаемому ‘гуляка праздный’ (см. [18. 222]), похваляется тем, что нашел на дороге мешок со ста рублями и решил истратить их на кутеж с приятелями. Подслушав его рассказ, плутоватый Лукавый (он же Лакомый, см. [18. С. 166], Лакомец) изображает великое горе из-за того, что якобы потерял накануне мешок с той же самой суммой денег, и с горя идет топиться. Утешая его, Летяга предложил разделить добычу поровну, ведь за найденное «потребно платити». Лакомый не уступил, и Летяга согласился на меньшее вознаграждение, «мало бо трудился» — всего лишь подобрал на дороге мешок, поэтому «за тритцать рублей сто тебѣ отдаю». И поспешил в кабак. Лакомый же, пытаясь разжиться еще больше, пустился в денежно-торговые операции и в итоге потерпел полное фиаско. Третий персонаж, названный «Обманщиком», сбыв ему за тридцать рублей «мешочек» как будто бы с «сорока соболями», но, как оказалось, с тряпьем. Каждый из мошенников уверен, что ловко обвел вокруг пальца другого. В выигрыше остались Летяга и Обманщик. Лакомый же, намеревавшийся всех провести, сам был обманут и жестоко наказан за жадность лишением денег: «Раздах вся денги, а в домѣ нѣсть хлѣба!». Интермедия заканчивается его саморазоблачением и отчаянным воплем: «Вконец погубихся, / своим лакомством излиха прельстихся [...] Аз хотѣх их прельстити / но сам прелщен есм». Лакомый хочет «смерти искати» и идет, куда глядят глаза.

Шестая интермедия — о Богатыре и Воине (л. 189; фрагмент текста из-за утраты листа, происшедшей при брошюровке рукописи еще до ее нумерации) представляет собой переработку популярного бродячего сюжета, известного со времен античности, в частности из комедии Плавта «Хвастливый воин», (ок. 205 до н.э.)⁴⁴. Победителем высокомерного Богатыря, национальная принадлежность которого в интермедии не обозначена, выступает Русский воин. Заключительная ремарка сообщает, что, побивая хвастливого силача, он плетью вгоняет в его память наказ, приговаривая трижды: «Не хвалися!». Победу одержал не тот, кто кичился своей богатырской храбростью, но кто не на словах, а на деле ею действительно обладал, — такой моральный урок автор преподнес своим зрителям и читателям.

Интермедией «Астролог» (л. 189–189об., 191–191об.) завершается венский кодекс. В ней обрабатывается сюжет эзоповской басни «Звездочет», получившей

⁴⁴ В библиотеке Симеона Полоцкого имелись два издания комедий Плавта: *Plautus T. M. Comoediae XX*. Wittenberg, 1617; *Plautus T. M. Fabulae superstites XX*. Frankfurt, 1617; см. [26. P. 115–116].

чрезвычайно широкую популярность. Герой у Эзопа, устремившись всеми мыслями в небеса, нечаянно провалился в колодезь; услышав его плач и крики, некий человек подошел и сказал ему: «Эх ты! хочешь рассмотреть, что делается в небе, а что на земле, того не видишь?». Краткий эпизод развернут в интермедии в драматургическое действие, состоящее из нескольких предсказаний Астролога на разные случаи жизни. Появляется также дополнительное сюжетное звено: вор крадет у астролога одежду. Всматриваясь в заоблачную высь, звездочет изрекает некую аксиому, не осознавая, что она может быть отнесена и к нему самому — мудрые в чужих делах о своей беде ничего не знают: «В чуждых потребках мудрыми бывают, сами в своей бедѣ ничесо же знают». Начинается ливень. Астролог хочет накрыться епанчей, но не находит ее. Он снова обратился к звездам, дабы узнать, когда же поймает вора. Окрыленный небесным напутствием на «щасливый путь» в поисках «татя», Астролог побежал и угодил в яму. Ситуацию резюмировал «мужик простой»: «Лучше под ноги прилѣжно смотрѣти, / землю орати, неже в звѣзды зрѣти». Земля ведь не обманет — она «хлѣб родит», астрология же ставит «глупых» в нелепые положения. Мотив — «землю орати» — перекликается с советом, который Учитель дал Старцу в интермедии «Старик и Учитель»: «Паши хлѣб, токмо при сей мудрости не познавши от глада трудности».

Симеону Полоцкому эзоповский сюжет был известен также в обработке немецкого проповедника Матфея Фабера. В стихотворении «Оплазивость. 2» («Любопытство. 2») из «Вертограда многоцвѣтного» (1676–1680) выступают, как и в проповеди Фабера⁴⁵, персонаж под именем Фалес и «рабыня» (Thales, ancilla). Но Симеон освободил античный сюжет от контекстуальных связей с проповедью и возвратил его в форму басни, придав рассказу сценичность и четко оформленную краткую мораль: «[...] научимся наша дѣла знати, / а яже выше нас суть, на та не дерзати»⁴⁶. Далекие от реалий русской жизни «Фалес» и «рабыня» не подходили на роль интермедийальных персонажей, поэтому в интермедии «Астролог» действуют безымянный звездочет и крестьянин («мужик простой»).

Язык своих сочинений, написанных в Москве, Симеон Полоцкий определял как «славенский» — это церковнославянский (книжный) язык московской редакции. Текст интермедий, как и его пьес о Навуходоносоре и о блудном сыне, состоит из нейтральной лексики, используются церковнославянизмы «аз», «аше», «яже» и др.; отмечаются лексические белорусизмы: «сляцается» («Старик и Смерть»), «готую» («Старик и Учитель»); используется характерное для текстов Симеона Полоцкого употребление предлога «з» вместо «с» (пьеса о борьбе Церкви с «нечестивыми») и др. В его поэме «Орел Российский» (1667) встречается однокоренное с глаголом «сляцается» слово «наляцает». В «Рифмологине» находим десятки случаев употребления форм «готую», «готует».

Драматургические жанры, с характерным для них доминированием диалога, демонстрируют богатство языка автора, его владение разными регистрами — торжественно-высоким и бытовым, разговорным, из которого рождаются пародийные и парадоксальные высказывания, ирония, каламбуры, игра словами, просторечие, шутки.

В интермедиях наблюдаются однотипно построенные формулы, начинающиеся эмоциональными междометиями и выражающие сетование, чувства

⁴⁵ Симеон Полоцкий. Вертоград многоцвѣтный. Т. 3. С. 623.

⁴⁶ Симеон Полоцкий. Вертоград многоцвѣтный. Т. 3. С. 424.

печали, досады, огорчения. Лакомый притворно восклицает: «Увы мнѣ грѣшну! люте погибаю! / не хочу жити, иду утопаю». Обманутый продавцом-мошенником, он сокрушается: «Увы мнѣ бѣдному! что се созерцаю? ... Горе мнѣ, горе!» («О Летяги сие»). Комментатор интермедии о Летяге полагает, что «подобное фразеологическое сходство не дает оснований приписывать» ее Симеону Полоцкому, поскольку оба автора «пользовались общим стилистическим шаблоном»⁴⁷, и приводит в качестве доказательства цитату из фольклорно-книжной Повести о Горе-Злочастии (рубеж XVII–XVIII вв.): «Ахти мне, злочастие горинское! / До беды меня, молотца, домыкало». Данный аргумент не убедителен. Сожалея о своей беспутной жизни, Молодец пользуется разговорно-бытовым, просторечным междометием «Ахти⁴⁸ мне». Не только в интермедии о Летяге, но и в остальных «междосредиях» присутствует иной тип фразеологизма — издавна известная книжная форма «Увы мне...». В интермедии «Старик и Смерть»: «Увы мнѣ, бѣдну, весь изнемогаю», «Увы мнѣ, увы! что имам творити? / вскую аз дерзнух смерть к себѣ гласити?»; в интермедии «Старик и Учитель»: «Увы! болит глава. / Ох, тяжцѣ придет премудрости слава!»; в интермедии «Астролог»: «Увы мне! яко в небо засмотрихся, / опончи, шапки чрез воров лишихся». Тот же прием и те же фразеологизмы Симеон Полоцкий использовал в своих пьесах. В «Комидии притчи о блудном сыне» разоренный своими слугами персонаж горько причитает: «Увы мнѣ! Увы мнѣ! Что се сотвориша?»; избитый за то, что не справился с работой в свинарнике, он, «плача, глаголет»: «Увы мнѣ! Увы! Что имам творити? / Свини погубих, хотят мя убити». В «Трагедии о Навуходоносоре» раскаивается вавилонский царь, приговоривший отроков к сожжению: «Увы мнѣ, увы! Аз, грѣшныи, прельстихся, / на рабы Бога живаго ярихся».

Подведем итог. Между изучаемыми интермедиями наблюдаются содержательные, сюжетно-тематические, стилистические, лексические переклички, однотипно построенные формулы. Каждая из интерлюдий имеет стимулировавший ее появление контекст, связанный с содержанием пьесы «Комидия притчи о блудном сыне» или другими литературными источниками, обрабатываемыми автором. Как удалось установить, отдельные ситуации, сюжетные мотивы, лексика «междосредий» находят себе соответствие в контекстуальном поле творчества Симеона Полоцкого («Вертоград многоцветный», «Рифмологион» и др.). В результате приведенного анализа имеется достаточно оснований полагать, что объем драматургического наследия писателя не исчерпывается двумя пьесами, вошедшими в «Рифмологион» («Трагедия о Навуходоносоре» и «Комидия притчи о блудном сыне»), и включает пьесу-моралите о борьбе Церкви с «ратью нечестивых» и семь интермедий. Поэтому в дальнейшем данные тексты следует публиковать под именем Симеона Полоцкого⁴⁹.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Артаксерсово действо. Первая пьеса русского театра XVII в. / подг. текста, ст. и коммент. И. М. Кудрявцева. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 345 с.
Библиотека литературы Древней Руси. Т. 18. XVII век / подг. текстов и коммент. С. И. Николаева. СПб.: Наука, 2014. 640 с.

⁴⁷ Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. С. 343 (автор коммент. А. С. Демин).

⁴⁸ Данное междометие не зафиксировано в издании [21].

⁴⁹ В новейшем издании интермедии («междосредия») опубликованы как безымянные сочинения: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 18. XVII век. С. 574–590.

ГИМ. Син. № 287; № 731.

Гудзий Н.К. К истории русского театра. I. Еще одна школьная декламация // Изв. Таврического ун-та. Симферополь, 1919. Кн. 1.

Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3 / сост. С.И. Николаева и А.М. Панченко. М.: Художественная литература, 1994. 652 с.

Первые пьесы русского театра / гл. ред. А.Н. Робинсон. М.: Наука, 1972. 511 с. (Серия «Ранняя русская драматургия. XVII— первая половина XVIII в.»).

Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. / гл. ред. А.Н. Робинсон. М.: Наука, 1975. 734 с. (Серия «Ранняя русская драматургия. XVII — первая половина XVIII в.»). РГБ. Ф. 299. Собр. Н.С. Тихонравова. № 43.

Резанов Вол. Драма українська. Київ: Українська академія наук, 1929. Вип. 6. 264 с.

Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / гл. ред. А.Н. Робинсон. М.: Наука, 1972. 368 с. (Серия «Ранняя русская драматургия. XVII — первая половина XVIII в.»).

Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / подг. текста, ст. и коммент. И.П. Еремина. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 282 с. (Серия «Лит. памятники»).

Симеон Полоцкий. Вертоград многоцвѣтный / подг. текста, статья и комментарий А. Хипписли и Л.И. Сазоновой. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1999. Т. 2. 657 с.; 2000. Т. 3. LIV, 764 с. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen: N. F.; Bd.10 /2–3).

Симеон Полоцкий. Рифмологион: Собрание придворно-церемониальных стихов / подг. текста, ст. и коммент. А. Хипписли, Х. Роте и Л.И. Сазоновой. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2013. Т. 1. CLX, 480 с.; 2017. Т. 2. XXXVIII, 601 с. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen. Bd. 27 /1–2.).

Тихонравов Н.С. Русские драматические произведения. 1672–1725 гг. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1874. Т. 1. 509 с.

Phryx Aesopus habitu poetico Hieronymi Osii Tyrigetae Professoris in Academia Ienensi publicus... Francofurti ad Moenum, 1574. 172 p.

Plautus T.M. Comoediae XX. Wittenberg, 1617. 882 p.

Plautus T.M. Fabulae superstites XX. Frankfurt, 1617. 804 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джессен К., Майер И. Придворный театр в России XVII в. М.: Индрик, 2016. 200 с.
2. Гудзий Н.К. История древней русской литературы. М.: Просвещение, 1966. Изд. 7-е. 542 с.
3. Еремин И.П. Симеон Полоцкий — поэт и драматург // Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / подг. текста, ст. и коммент. И.П. Еремина. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. С. 223–260.
4. Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до февральской революции 1917 г. М.: Учпедгиз, 1956. 247 с.
5. Морозов П.О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. IX, 398, XL с.
6. Николаев С.И. Русские интермедии XVII в.: новые материалы // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. 55. С. 423–426.
7. Петров Н.И. Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков. Киевская искусственная литература XVII–XVIII вв., преимущественно драматическая. Киев, 1911. [2], IV, 532 с.
8. Резанов В.И. К истории русской драмы. Эскурс в область театра иезуитов. Нежин, 1910. VI, [2], 464 с.
9. Резанов В.И. К вопросу о старинной драме: Теория школьных «декламаций» по рукописным поэтикам // ИОРЯС. 1913. Т. 18. Кн. 1. С. 1–40.
10. Сазонова Л.И. Украинские старопечатные предисловия конца XVI — первой половины XVII в. (борьба за национальное единство) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М.: Наука, 1981. С. 129–152 (Серия «Русская старопечатная литература XVI — перв. четв. XVIII вв.»).
11. Сазонова Л.И. Симеон Полоцкий: Новые страницы творчества // Исследования по древней и новой литературе / отв. ред. Л.А. Дмитриев. Л.: Наука, 1987. С. 199–205.
12. Сазонова Л.И. Ранние московские декламации Симеона Полоцкого в контексте конфликта царя Алексея Михайловича и патриарха Никона // Славяноведение. 1998. № 2. С. 61–88.
13. Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 896 с.

14. Сазонова Л.И. Отражение церковных песнопений в панегирических контекстах «Рифмологiona» Симеона Полоцкого // Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für H. Rothe zum 80. Geburtstag / hrsg. von D. Christians, D. Stern und V.S. Tomelleri. München, Berlin: Verlag Otto Sagner, 2009. S. 487–501 (=Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe. Bd. 3).
15. Сазонова Л.И. Московская рукопись конца XVII в. в собрании Австрийской Национальной библиотеки (К проблеме культурного трансфера) (в печати).
16. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975. Вып. 1. 371 с.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1979. Вып. 6. 360 с.
18. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1981. Вып. 8. 352 с.
19. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1991. Вып. 17. 296 с.
20. Софронова Л.А. Старинный украинский театр. М.: РОССПЭН, 1996. 327 с.
21. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: имп. Академия наук, 1893. Т. 1. А–К. 771 с.
22. Юрчёнков В.А. Обретение мордовским народом православия // Саранские епарх. ведомости. 1998. № 3/4. С. 67–72.
23. Юрчёнков В.А. Начертание мордовской истории. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Респ. Мордовия, 2012. 611 с.
24. Birkfellner G. Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich. Wien: Der Österreichischen Academie der Wissenschaften, 1975. 540 S.
25. Jensen C., Maier I. et al. Russia's Theatrical Past: Court Entertainment in the Seventeenth Century (Russian Music Studies). Bloomington: Indiana University Press, 2021. 316 p.
26. Hippisley A., Luk'janova E. Simeon Polockij's Library: A Catalogue. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2005. 226 p.
27. Lewin P. Intermedia wschodnio-słowiańskie XVI–XVIII wieku. Wrocław [etc.]: Ossolineum, 1967. 154 s.

REFERENCES

- Birkfellner G. *Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich*. Wien, Der Österreichischen Academie der Wissenschaften, 1975, 540 S. (In German)
- Dzhensen K., Maier I. *Pridvornyi teatr v Rossii XVII v.* Moscow, Indrik Publ., 2016. 200 p. (In Russ.)
- Eremin I. P. Simeon Polockij – poet i dramaturg. *Simeon Polockij. Izbrannye sochineniia* / podg. teksta, st. i komment. I. P. Eremina. Moscow; Leningrad: Akademiia nauk USSR Publ, 1953, pp. 223–260. (In Russ.)
- Gudzii N.K. *Istoriia drevnei russkoi literatury*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1966. 7th ed., 542 p. (In Russ.)
- Hippisley A. and Luk'janova E. *Simeon Polockij's Library: A Catalogue*. Köln; Weimar; Wien, Böhlau Verlag, 2005, 226 p. (In English)
- Iurchionkov V.A. Obretenie mordovskim narodom pravoslavia. *Saranskie eparkhial'nye vedomosti*. 1998. № 3/4, pp. 67–72. (In Russ.)
- Iurchionkov V.A. *Nachertanie mordovskoi istorii*. Saransk: NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia, 2012, 611 p. (In Russ.)
- Jensen C., Maier I. et al. *Russia's Theatrical Past: Court Entertainment in the Seventeenth Century (Russian Music Studies)*. Bloomington, Indiana University Press, 2021, 316 p. (In English)
- Konstantinov N.A. *Ocherki po istorii srednei shkoly. Gimnazii i real'nye uchilishcha s kontsa XIX v. do fevral'skoi revoliutsii 1917 g.* Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956, 247 p. (In Russ.)
- Lewin P. *Intermedia wschodnio-słowiańskie XVI–XVIII wieku*. Wrocław [etc.]: Ossolineum, 1967. 154 s. (In Polish)
- Morozov P.O. *Istoriia russkogo teatra do poloviny XVIII stoletii*. St. Petersburg, 1889, IX, 398, XL p. (Russ.)
- Nikolaev S.I. Russkie intermedii XVII v.: novye materialy. *TODRL*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2004, t. 55, pp. 423–426. (Russ.)
- Petrov N.I. *Ocherki iz istorii ukrainskoi literatury XVII u XVIII vekov. Kievskaiia iskusstvennaia literature XVII–XVIII vv., preimushchestvenno dramaticheskaiia*. Kiev, 1911, IV, 532 p. (In Russ.)
- Rezanov V.I. *K istorii russkoi dramy. Ekskurs v oblast' teatra iezuitov*. Nezhin, 1910, VI, 464 p. (In Russ.)
- Rezanov V.I. K voprosu o starinnoi drame: Teoriia shkol'nykh «deklatatsii» po rukopisnym poetikam. *IORIAS*. 1913, t. 18, kn. 1, pp. 1–40. (In Russ.)
- Sazonova L.I. Ukrainskie staropechatnye predislovia kontsa XVI – pervoi poloviny XVII v. (bor'ba za natsional'noe edinstvo). *Tematika i stilistika predislovii i posleslovii*. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 129–152 (Seriia «Russkaia staropechatnaia literatura XVI-perv. chetv. XVIII vv.»). (In Russ.)

- Sazonova L.I. Simeon Polotskii: Novye stranitsy tvorchestva. *Issledovaniia po drevnei i novoi literature* / otv. red. L.A. Dmitriev. Leningrad, Nauka, 1987, pp. 199–205. (In Russ.)
- Sazonova L.I. Rannie moskovskie deklamatsii Simeona Polotskogo v kontekste konflikta tsaria Alekseia Mikhailovicha i patriarkha Nikona. *Slavianovedenie*. 1998, № 2, pp. 61–88. (In Russ.)
- Sazonova L.I. *Literaturnaia kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremia*. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur, 2006, 896 p. (In Russ.)
- Sazonova L.I. Otrazhenie tserkovnykh pesnopenii v panegiricheskikh kontekstakh «Rifmologiona» Simeona Polotskogo. *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für H. Rothe zum 80. Geburtstag*, hrsg. von D. Christians, D. Stern und V.S. Tomelleri. München, Berlin, Verlag Otto Sagner, 2009. S. 487–501 (=Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe. Bd. 3). (In Russ.)
- Sazonova L.I. Moskovskaia rukopis' kontsa XVII v. v sobranii Avstriiskoi Natsional'noi biblioteki (K probleme kul'turnogo transfera), in print (In Russ.)
- Sofronova L.A. *Starinnyi ukrainskii teatr*. Moscow: ROSSPEN Publ., 1996, 327 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Сазонова Лидия Ивановна,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН. Москва,
Российская Федерация.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7457-3926>
E-mail: lsazonova@mail.ru

Information about author:

Lidiia I. Sazonova,
Doctor of Filology, Main Researcher,
Institute of World Literature
of Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russian Federation.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7457-3926>
E-mail: lsazonova@mail.ru

Славяноведение, 2021, № 6, с. 24–37

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 6, pp. 24–37

DOI: 10.31857/S0869544X0017673-3

Оригинальная статья /
Original Article

Специфика хорватской народной мифологии

© 2021 г. А.А. Плотникова

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

annaplotn@mail.ru

Авторская работа осуществлена при финансировании РФФИ
(проект № 20-012-00300).

Аннотация. Статья посвящена ареальному распределению хорватских мифологических персонажей с учетом общей картины народной мифологии в пространстве Южной Славии. Рассматриваются демонологические образы, специфические для Адриатики, южной и северной (в том числе – для полуострова Истрия), для северо-западной Хорватии (нередко представляющей собой единое целое с соседним словенским ареалом), для Славонии и хорватов, проживающих в окружении инокультурного и иноязычного большинства (подравские хорваты в Венгрии и градищанские хорваты в Австрии и Венгрии). Необходимость анализа персонажных типов, принимая во внимание соседние южнославянские регионы (боснийские, сербские, словенские), обусловлена единой системой распределения культурных диалектов и соответствующей терминологии народной духовной культуры на южнославянской территории. При ареалогическом изучении народной мифологии, и шире – культурных диалектов, в круг внимания этнолингвиста закономерно попадают заимствования в наименовании демонологических персонажей: итальянские, германские, венгерские и др.

Ключевые слова: этнолингвистика, ареалогия, культурные диалекты, народная мифология, заимствования, архаические черты, Хорватия, Адриатическое побережье, Истрия.

Ссылка для цитирования: Плотникова А.А. Специфика хорватской народной мифологии // *Славяноведение*. 2021. № 6. С. 24–37. DOI: 10.31857/S0869544X0017673-3.

The specifics of Croatian folk mythology

© 2021. A.A. Plotnikova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

annaplotn@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the areal distribution of Croatian mythological characters, taking into account the general picture of folk mythology in the space of Southern Slavia. The author regards demonological images specific to the Adriatic, southern and northern parts of Croatia (including the Istrian peninsula), northwestern Croatia (often representing a single whole with the neighboring Slovenian area), Slavonia and Croats living in the environment of a foreign-cultural and foreign-speaking majority (Drava's Croats in Hungary and Burgenland's Croats in Austria and Hungary). The need to analyze character types considering the neighboring South Slavic regions (Bosnian, Serbian, Slovenian) is caused by the common system of distribution of cultural dialects and the corresponding terminology of folk culture in the whole South Slavic territory. As far as the geolinguistic study of folk mythology is concerned, and more broadly — cultural dialects, the ethnolinguist's attention naturally falls on borrowings in the names of demonological characters: Italian, German, Hungarian, etc.

Keywords: ethnolinguistics, arealogy, cultural dialects, folk mythology, borrowings, archaic features, Croatia, Adriatic coast, Istria

Reference for citation: Plotnikova A.A. The specifics of Croatian folk mythology // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2021. No 6. P. 24–37. DOI: 10.31857/S0869544X0017673-3.

Хорватская народная традиция характеризуется широкими пространственными рамками. С одной стороны это далматинское побережье с примыкающим к нему полуостровом Истрией (причем в ряде случаев Истрия и Кварнерские острова образуют отдельный ареал специфической лексики и соответствующих народных верований), с другой — Славония на северо-востоке страны, с третьей — северо-западная часть Хорватии (по линии регионов: Вараждин—Загреб—Карловац). Последняя имеет ряд особенностей, которые во многом близки словенским культурно-языковым изоглоссам и изодоксам. В контексте народных представлений первичной территории Хорватии уместно рассматривать и островные традиции хорватов, проживающих в настоящее время на территории Австрии, Венгрии, частично — Словакии и Чехии (если не учитывать более поздние языковые и культурные заимствования, о способах идентификации которых см., например, [40]).

Изучение хорватских народных демонологических персонажей филологами-фольклористами и этнологами отличается ярко выраженными ориентирами на фольклорные тексты — нарративы разного типа (мемораты, былички и т.п.). Такой подход был характерен для выдающегося фольклориста XX в. Майи Бошкович-Стулли, в дальнейшем ей последовали и другие хорватские коллеги — Дж. Франкович, И. Лозица, Л. Шешо, Э. Рудан, Л. Маркс и др. Наиболее архаические поверья сохраняются у хорватов, проживающих в иноязычном и инокультурном окружении, как показывает фольклорный и этнолингвистический материал из Бургенланда в Австрии и Венгрии, Подравины в Венгрии, чему в данном исследовании будет уделено особое внимание¹.

¹ Автор статьи лично собирал полевой этнолингвистический материал в Градище (Бургенланде) на территории Австрии в 2007–2014 гг. (подробнее см. [13. С. 127–134]), Венгрии в 2017 г. (села около Шопрона: Хорватский Жидан, Присика, Унда) и в 2019 г. совместно с Д.Ю. Вашенко (села около Сомбатхей: Нарда, Горни Четар, Хорватские Шице, Петрово Село), а также Словакии в 2018 г. совместно с Д.Ю. Вашенко (приграничные с Венгрией села Яровце и Чуново). В Хорватии в 2016 г. была предпринята этнолингвистическая экспедиция в регион Вараждина совместно с М.Н. Толстой (села Пресечно, Реметинец, Стрмец Реметинечки).

Ряд персонажных типов в народной мифологии хорватов имеет черты, характерные для всей Южной Славии, т.е. и для соседних Сербии, Боснии и Герцеговины, Словении, а также Черногории, Македонии, Болгарии. К таковым следует отнести образ прекрасной *вилы* (хорв., серб. *вила*, макед. *самовила*, болг. *самодива* и др., подробнее см. [11. С. 199–212, 614–624]), которая может как помогать человеку, так и вредить ему. При этом *вила* в хорватской народной традиции имеет и некоторые особые черты, которые в большей степени распространены именно в этом культурно-языковом пространстве. Так, например, в западной Хорватии, особенно в Истрии, бытуют поверья о строительстве вилами больших древних сооружений, о переносе построек на крыльях в разные другие места [29. S. 196; 19. S. 120; 34. S. 308], в самых разных регионах проживания хорватов встречаются представления о детях и семьях вил, ср. быличку о «стране вил» (*vilovski orsag*) у подравских хорватов в окружении венгров (примечательно, что в «стране вил» у них якобы есть старейшина и дети, которых они никогда не берут с собой к людям [21. S. 175]). Как и в соседней Боснии и Герцеговине, у хорватов известны поверья о способности персонажей заплетать косички на гривах коней, которые хозяин не должен отрезать, иначе лишится коня. Важным сходством с аналогичными словенскими персонажами следует признать их приверженность к земледельческим занятиям (например, выпекать хлеб, что сохранилось у градищанских хорватов Австрии [13. С. 152]), давать знаки людям своим пением о том, что пришла пора сеять хлеб. Считается, что там, где они оставляют свои вещи (платок, подковку со своих конских или оленьих копыт), будет счастье, удача либо невиданный урожай, особенно если подобная вещь найдена человеком в поле [21. S. 172; 22. S. 140–141]. Наибольшее число признаков рассматриваемого хорватского персонажа встречается повсеместно в южнославянских регионах: способность перемещаться по воздуху, красиво петь, танцевать в хороводе (с.-х. *коло*, болг., макед. *оро*), отчего трава впоследствии в этом круге иная: желтая, ярко-зеленая или затоптанная, с грибами по краю и пр. (подробнее см. [11. С. 626–632]), забирать к себе человека, который им понравился (ср. также былички о том, что если им перечить, то случится несчастье, при этом они поощряют и одаривают человека, который их слушается, вежливо с ними разговаривает, угощает и т.п. [22. S. 142–143]). Повсеместно они представляются очень красивыми, с длинными волосами, которые любят расчесывать, сидя на деревьях, но как демонические существа имеют какие-либо особые, отличающие их от людей признаки: например, копыта вместо ног, ноздри без носа (подравские хорваты [22. S. 145–146]).

Общими для всех южных славян персонажными типами следует признать демонов судьбы *судженицы* (хорв. *suđenice*, *sudbenice*, *sudnice* и под.), которые появляются в первые дни после рождения ребенка и определяют дальнейшую судьбу младенца (подробнее см. [11. С. 243–249, 694–711]). В северо-западной Хорватии на границе со Словенией (район Вараждина) зафиксированы их наименования типа *rojenice* [23. S. 36] (восходящее к **rod-*), что свидетельствует о глубокой архаике западной периферии южнославянского культурно-языкового пространства и коррелирует с другой периферией на востоке Южной Славии (ср. в.-серб. *уродушће* — предсказательницы судьбы младенца [11. С. 245]).

В связи с поверьями о рождении ребенка и его дальнейшей судьбе отметим очень редкий для Южной Славии мотив подмены² демонологическими

² Данный мотив широко распространен в народной мифологии у восточных и западных славян, см., об этом, например, в статье «Подменыш» в энциклопедическом словаре «Славянская мифология» [3].

персонажами новорожденного у хорватов в среднем течении р. Драва: *coprnice... bi došle i bi podmetnile dete* [ведьмы бы пришли и подменили ребенка] [22. S. 31]. У подменыша, который у подравских хорватов называется *podvršće* (букв. «подкидыш»), к семи годам начинает непропорционально расти голова, тогда (или раньше, когда ребенку исполняется год) растапливают печь и готовятся посадить туда ребенка, чтобы в этот момент прибежала ведьма и возвратила родителям их настоящее чадо [22. S. 31]. По другим поверьям из тех же краев, подмену ребенка осуществляют *вилы*, при родах или в течение первых сорока дней: *te vile uzmu od mame dete kad mama u kimpetu... Da uzme dete i odneso, premene* (Эти вилы забирают у матери ребенка, когда она его рождает... Берут и уносят ребенка, подменяют) [22. S. 30], ср. аналогичные поверья у боснийцев в окрестностях Високо (соб. зап. 2012, подробнее об этом [13. С. 193]).

Обращаясь к хорватским мифологическим образам, нельзя не отметить лингвогеографическую вариативность наименований хорошо известного всем южным славянам демонического существа, которое можно условно обозначить как «змей летающий»³. Персонаж представляется в виде дракона, называемого *aždaja*, *ala*, *šarkanj*, а также и *zmaj*, с характерной функцией приносить людям непогоду, при этом в хорватских регионах полностью отсутствует позитивное восприятие летающего змея как защитника сел, полей и угодий, что наблюдается в восточной части Южной Славии, особенно ярко — в восточной Сербии (см., например, [11. С. 658–665]). Наибольшая концентрация поверий о летающем змее-драконе относится к северной части Хорватии — Славонии и северо-западу страны. В Славонии на востоке и севере края прослеживается мотив борьбы змееподобных демонов, что вызывает град и бурю. По поверьям из сел в районах Вировитицы, Слатины, Осиека, Винковцев, во время битвы змееподобных демонов они бросаются друг в друга ледяной крупой, в результате чего на землю выпадает град, уничтожающий урожай. В северных регионах Хорватии, по архивным данным «Этнографического атласа Югославии» (подробнее см. [12. С. 55–56]), демон, называемый *ala* (славизм, как показывают последние исследования [1]), *aždaja* (турцизм [37. S. 108]), *šarkanj* (унгаризм, из венг. *sárkány*, ср. также другие карпатские параллели: з.-укр. *шаркánь*, рум. *șărcán*), является в образе большой черной тучи, сильного ветра, вызывающего бурю и непогоду. Славонский мифологический персонаж *šarkanj* имеет те же функции, что и вредоносный змей-дракон, известный под иными наименованиями в других частях Южной Славии: например, в районе Слатины считается, что каждый край имеет своего «шарканя», и он дерется с другими, а на земле того, кто терпит поражение, начинает падать град (с. Вашка)⁴. Вместе с тем образ «шарканя» вбирает и несколько новых карпатских черт под влиянием венгерской традиции: прилетая на землю, он становится человеком («грабанцияшем», хорв. *grabancijaš*) или же носит на спине человека-«грабанцияша»; любит пить кислое молоко, за которым спускается с небес к местным жителям; в случае отказа засыпает их поля и угодья градом; град вызывает ударом большого хвоста; пьет воду из реки и т.д. [22. S. 114, 129–131].

³ В словаре «Славянские древности» на тему «змея летающего» представлено две статьи «Змей летающий» (для южных славян) и «Змей огненный» (для восточных и западных славян) на основании того, что у восточных и западных славян отсутствует связанный с этим персонажем мотив управления тучами и градом [17. Т. 2. С. 330–333], что на самом деле требует уточнения — мотив управления тучами характерен и для карпатского ареала, т.е. для части западных и восточных славян.

⁴ Etnološki atlas Jugoslavije. Arhivska građa. Filozofski fakultet u Zagrebu.

В западных частях Хорватии фиксируются поверья об огненной ипостаси летающего змея, например: «Aždaja ili zmaj – to je kao veliko tele koje riga vatru, hoće “osmuditi”. Njime plaše danju a stvori se po noći. To nije nitko nikad vidio» (Аждая или змей – это как огромный теленок, который изрыгает огонь, стремится «опалить». Им пугают детей, появляется ночью. Это никто никогда не видел) (с. Река, р-н Копривницы)⁵. Подобные поверья отмечаются и у градишанских хорватов Австрии, переселившихся в северные земли Европы в средние века: *ognjeni zmaj* (букв. «огненный змей») может пролетать над селом как большой огненный шар (с. Трайштоф, Северный Бургенланд, соб. зап., 2007 г.), считается, что когда-то он сжег огнем целое село Филеж (Средний Бургенланд, с. Мьеново, соб. зап., 2013 г.), а однажды упал в местный колодец, где и находился долгое время, высушив его, поэтому к опасному месту боялись подходить (Средний Бургенланд, соб. зап., 2013 г.), вступает в сексуальные отношения с местными ведьмами, влетая как огонь в трубы их печей (подробнее см. [13. С. 153]).

Отметим, что в хорватском Бургенланде представления о летающем в виде огненного шара змее-драконе часто переплетаются с воззрениями на «огненные» ипостаси душ умерших, погибших несправедливой смертью. *Ognjeni* в виде огонька якобы садится на край телеги и перемещается вместе с ней: если возница, почувствовав дополнительную тяжесть, ни разу в сердцах не помянет дьявола (не ругнется), то такая душа считается спасенной и отправляется в рай, в противном случае – плачет со словами: «Опять иду на покаяние» (Средний Бургенланд, соб. зап., 2007 г.). В рассказах и быличках используется наименование персонажа, сокращенное до первой части – *ognjeni* как субстантивированное прилагательное. Также им пугают детей (без указания на более точную внешнюю характеристику страшилища). Хорваты, проживающие в Бургенланде на территории Венгрии южнее Шопрона, верили, что *ognjeni* (pl.) – это души умерших чиновников, когда-то неправильно мерявших наделы земли крестьянам и теперь блуждающих в ночи по полям и лесам, где их можно встретить в виде либо огоньков, либо огненных столбов на прежних земельных границах (с. Хорватский Жидан, соб. зап., 2017 г.). Похожие представления о душах людей, несправедливо измерявших участки плодородных полей, сохраняются как в северо-западной Хорватии, так и в Славонии. В частности, в окрестностях Вараждина известны поверья о человеке со свечой, но без головы, называемом *svijećnjak* или *svečkar* (сс. Пресечено, Стрмец Реметинечки, соб. зап., 2016 г.). У подравских хорватов на границе Венгрии данный персонаж фигурирует под разными именами: *vatreni čovek* ‘огненный человек’ (реже – *ognjeni čovek*) или имеет прозрачные по внутренней форме обозначения: *inđeler* (ср. с.-х. *inženjer* ‘инженер’), *mernek* – букв. «замерщик» [22. S. 133, 137–138]⁶.

Два сходных мифологических образа – ведьма и мора – также регулярно встречаются у хорватов. Если первый известен всем славянским и шире – европейским и другим народам, то второй (хорв. *mora*) у южных славян может рассматриваться как подтип первого: согласно многочисленным этнографическим и фольклорным данным из разных регионов Хорватии, прежде всего далматинских (и соседних динарских), незамужняя девушка становится «морой» (как правило, если она родилась «в рубашке» – *u košuljici* – особенно красного, голубого, зеленого цвета), а после замужества – ведьмой (хорв. *vještica/višćica/veščica/viška*,

⁵ Etnološki atlas Jugoslavije.

⁶ Ср. аналогичные поверья у словенцев в Прекмурье и Порабье [9. С. 70].

coprница/copernica/cipernica, štriga)⁷, см., например, [7. С. 5, 126–127; 5. С. 161; 26. С. 282]. Повитуха, чтобы позволить ребенку избежать такой судьбы, громогласно объявляет всему селу (например, с крыши дома, где произошли роды) о рождении младенца со сверхъестественными свойствами в будущем — ведьмы (моры) или колдуна⁸ (если на свет появился мальчик). По свидетельству собирателя местных суеверий из Имотского на переломе XIX–XX вв. С. Кутлеши, *mora* — это реальная молодая девушка с плохим характером и «злой кровью». Постоянно жаждет «молодой крови», поэтому давит и мучает молодых людей во время сна (начинает с ног и затем добирается до груди). Может довести до смерти человека, к которому «прицепится», предпочитает больше парней: мучает и наваливается на них из-за своего вожделения, а на девушек — из зависти и мести [26. С. 386]. Следует отметить, что в хорватской и соседних южнославянских традициях (боснийской, сербской, черногорской) с образом «взрослой» ведьмы также связываются мотивы кровожадности: она пьет кровь младенцев, поедает их сердца и т.д., не чурается и поедать живьем местный скот.

С ведьмами связаны многочисленные рассказы об их совместном сборе — шабаше на высокой горе, на дереве или на поляне под деревом. При этом обычно указывается и определенный топоним, например «на Клеку вблизи Огулина»; «в окрестностях Сплита вблизи Трогира под одним грецким орехом», «под городом Осиек на одной груше», «под орехом вблизи местечка Промина» в Буковице и т.д. [7. С. 29]. Подобные сведения до сих пор отмечаются и у градищанских хорватов Австрии и Венгрии: например, в южном Бургенланде указывают луг у реки вблизи с. Ново Село (соб. зап., 2014 г.), гору между Венгрией и Австрией вблизи Нарды (с. Нарда, соб. зап., 2019 г.) и др. Фиксируется и магическая формула, которую произносят ведьмы, предварительно намазавшись чудотворным снадобьем, чтобы взлететь и попасть на место своего сбора (например: «Ni o drvo, ni o kamen, neg' pod oras, pod Prominu» (Не об дерево, не об камень, а под орех под Проминой), Буковица в Далмации [18. С. 306]), как и ее неудачный повтор обычным человеком — незадачливым подражателем, который в результате бьется о камни и попадает на сборище ведьм покалеченным, подробнее см. [13. С. 151]⁹. У градищанских хорватов до сих пор сохраняются представления о том, что летящие на свой сбор ведьмы поднимают сильный вихрь и ветер (ср. то же в Полицах и других местах Хорватии [7. С. 34]). Специфическим средиземноморским мотивом можно считать и способность ведьмы (а также и некоторых других демонических персонажей) перебираться через море в Италию в яичной скорлупе «*viške i more mogu prijeći preko mora samo u ljupini od jajeta*» (ведьмы и моры могут перебраться через море в одной лишь скорлупе от яйца), о-в Крк [30. С. 236]. Помимо повсеместно известных у славян типичных «ведьмарских» функций — отбирать урожай, молоко

⁷ Географию наименований ведьмы в хорватском культурно-языковом пространстве см. [11. С. 649–650]. Распределение названий ведьмы соответствует основным потокам заимствований в терминологической лексике духовной культуры со стороны внедрения германизмов или романизмов, что можно заметить еще по материалу из монографии середины XX в. Т. Джорджевича, где указываются и наиболее частые для того или иного южнославянского региона ее наименования [7. С. 5], в частности, на территории Хорватии: *vještica* (*виштица*) в Славонии, *виштица*, *вишка* в Далмации, *штрига*, *штригна* в Далмации на островах Хвар и Брач, а *цопрница* (Самобор) и *циперница* (Лобор) — на северо-западе хорватского этнокультурного пространства.

⁸ Соответствующий мужской персонаж обычно обозначается наименованиями от аналогичных производных: *višćun*, *štrigun*, *coprnjak* и под.

⁹ Подборку формул с указанием конкретных мест конечного «прибытия» ведьмы после полета см. в [7. С. 32–33], там же и рассказы о последователях-неудачниках.

у коров, насылать болезнь на людей у хорватов Истрии и примыкающих к ней регионов, в том числе и словенских, ведьмы и ведьмаки наделяются особыми вредоносными действиями: они вызывают (а чаще говорится «делают», «творят») град и непогоду.

В качестве редкого для славян в целом следует рассмотреть специфический хорватский образ, называемый *krsnik* (*krisnik*, *kršnjak*, *gršnjak*), имеющий прямые аналогии лишь у словенцев. По многочисленным поверьям из Истрии и прилегающих к ней Кварнерских островов (есть также единичные свидетельства из региона Горни Котар севернее Риеки), это мифологический персонаж, который представляет собой человека со сверхъестественными свойствами: он обладает способностью бороться с колдунами и ведьмами и защищает угодья родного селения от их пагубного воздействия на погоду и урожай. Образ этого героического демонологического персонажа, внутренняя форма имени которого подталкивает к различным этимологическим интерпретациям, не раз становился объектом изучения этнографов, фольклористов, лингвистов, как в Хорватии, так и в Словении, где ему соответствует очень сходный персонаж (словен. *kresnik*, *krsnik*, *krstnik*), см. подробнее [25; 8; 38, 12. С. 59–64]. Хорватские ученые М. Бошкович-Стулли, Л. Шешо, Э. Рудан и другие в целом не отрицают единство рассматриваемого образа на всех западных территориях южнославянского культурно-языкового пространства, но выделяют при этом черты, специфические для хорватского мифологического персонажа [19. S. 147–153, 224–237; 36; 34. S. 173–174]. Если словенский образ реконструируется как восходящий к основному мифу борьбы героя с змееподобным противником, то аналогичный хорватский персонаж оказывается, по их мнению, более «приземленным»: его основная функция — защищать угодья непосредственно своего края от вредоносных сил, прежде всего града, бури и сходных явлений, которые, в свою очередь, производит ведьмак, колдун (*štrigun*), ведьмы (*štrige*, *vešće*). М. Бошкович-Стулли приводит свидетельства из XVII в., цитируя итальянский источник об обычаях и поверьях в Истрии, где указывается, что люди, родившиеся под влиянием созвездий и те, которые появляются на свет в некоей мембране, называются *cresnichi* и *uuncodlachi*¹⁰, их дух бродит по ночам, пугая людей и принося ущерб окружающим; те и другие обычно встречаются на больших перекрестках, где воюют друг с другом за изобилие или бесплодие всех видов урожая [20. S. 208–209, 225; 39. S. 519]. С учетом данных «Этнологического атласа Югославии», публикаций XIX–XX вв. и современных полевых записей ученых можно констатировать, что основные мотивы, связанные с хорватским «кресником» в Истрии сохраняются: это необычное рождение младенца — в «шапочке» (з.-хорв. *baretica*) или «рубашечке»; борьба с обитающим в данной местности колдуном (или ведьмой) по достижении зрелого возраста с целью защитить свое село от градобития (см., например, [19. S. 139–145; 30. S. 195; 24. S. 98]). В настоящее время более часто фиксируются целительные и знахарские функции данного персонажа — героя той или иной местности [34. S. 174, 193–200].

¹⁰ Ср. наименование вампира в западной части Южной Славии *vukodlak* и под., а в Истрии и западной Хорватии также и *kudlak*, *fudlak* и под. [11. С. 634–638, там же литература]. Необходимо отметить, что на западе Южной Славии, где вампир или ходячий покойник называется *vukodlak* и под., его образ может иметь архаические черты волка-оборотня, волколака, т.е. персонажа, известного в белорусской, украинской и польской традициях (см. подробнее [6]): например, в окрестностях Иванич-Града, на востоке от Загреба, *vukodlak* — это умерший, вырастающий в огромного злого волка, который обладает способностью превращаться в любое другое животное [7. С. 154].

Защитниками села и прилегающих угодий в других частях Хорватии могут выступать подобные описанному выше «креснику» люди со сверхъестественными свойствами: *vrimenjак* (от с.-х. *vrijeme* ‘погода’) (Синьский край) [15. С. 395], *vedovnjак*, *vedovit човек* (ср. **věd-* ‘знать, уметь’, о сверхспособностях человека) (подравские хорваты) [22. С. 98–100]¹¹, *legromanti*, *nagromanti* (из итал. *negromante* «колдун») (южная Далмация) [15. С. 395]. Все эти хорватские персонажи имеют аналоги в восточной части Южной Славии — у боснийцев, сербов, черногорцев, болгар, где названия иные, но функция — управлять погодой, приводить или отводить от села град, бороться с себе подобными за урожай края — та же (см. [11. С. 222–231, 658–665]).

Специально следует рассмотреть далматинские образы мифологических персонажей, имеющие итальянское происхождение, но при этом вобравшие в себя ряд особенностей, свойственных славянской и особенно южнославянской народной демонологии. Речь идет о так называемых маниморго, орко и ряде других, специфичных для далматинского побережья в целом (включая острова на Адриатике и полуостров Истрию). Чудовище *orko* (из итал. *orco* ‘людоед, страшилище, монстр’, представленное в Далмации и прилегающих регионах также лексемами *lorko*, *lorgo*, *orvo*, *orbo*, *orkul*, *marin*, *orkomarin*, *orhomarin*, *manjinjorko*, *manjimorgo*, *maninorso* и под. (подробнее см. [28. С. 42; 16. С. 411]), имеет на этих славянских территориях не столь кровожадные черты. Основная сохраненная характеристика данного культурно-языкового заимствования — непомерно огромные размеры мифологического персонажа, причем наиболее устойчивая черта, зафиксированная практически во всех источниках, — это способность увеличиваться в размерах, если прохожий садится на него верхом, принимая его за ослика, коня и пр., и тогда демон вырастает размером с дерево, дом, гору и уносит человека далеко от места неожиданной встречи. В качестве типичного для адриатического побережья Хорватии можно привести рассказ об *orko*, который принимает вид маленького ослика и таким образом подбирается под человека или соблазняет путника, чтобы тот сел на него верхом, после чего делается огромным и уносит человека на высокую колокольню и оставляет его там (окрестности Шибеника [29. С. 66]). Если человек начинает догадываться, что это чудовище *orko*, то может предпринять ряд оборонительных действий, например колоть демона острыми предметами, чтобы тот все-таки доставил его домой (Истрия [19. С. 137–138]). Соблазняющее путника существо, как правило, встречается в виде животного на известном в округе перекрестке или на дороге, вырастая под севшим на него прохожим до nepостижимых размеров, после чего уносит его к морю или в другие края, откуда три-четыре дня ходу до дома (Имотско в Средней Далмации [26. С. 400–401]). Нередко мифологический персонаж с этим именем отождествляется с дьяволом (чертом)¹², вампиром или ставшей ходячим покойником ведьмой после смерти, духом умершего некрещеным ребенка, косматым привидением,

¹¹ Во время битвы в небе *vedovnjaki* обращаются в быков разного цвета: например, белый («свой») дерется с зеленым или черным, которого убивает либо прогоняет [22. С. 105–109].

¹² В этом случае возникают и дополнительные наименования персонажа, например ругательное *poprdan* наряду с *manjijorgo*, а сам образ расширяется: так, сначала демоническое существо является мельнику как человек в белом и начинает жарить рядом с ним лягушку, когда тот готовит мясо (типичный балканославянский мотив), после чего попадает на дороге в облике соседского ослика, на которого тот садится без опаски, но демон вырастает под седоком до размеров большого дома и уносит его в соседний округ, откуда пострадавший с трудом возвращается домой на следующее утро [26. С. 401].

наконец — любым ночным или даже дневным пугалом (Имотско, Нижняя Неретва в Хорватии, Конавли около Дубровника и др. [28. S. 70, 45–47; 26. S. 401; 5. С. 172–174]).

Типологически сходным в тех же краях Адриатического побережья оказывается мифологический персонаж, обозначаемый лексемами славянского происхождения: *mrak*, *mračina*, *mračnjak*, *potmračnjak* и подобными производными (<**morkъ*) (см. варианты наименования в: [28. S. 42]). По мере удаления от Адриатики этот образ, олицетворяющий ночную темноту, густой непроглядный туман, обнаруживает иные черты, более близкие традиционным славянским «ночницам», которые вредят, прежде всего, младенцам. В северной части Далмации можно встретить оба типа поверий о персонаже «мрак». Прежде всего, это представления о таких его способностях, как раздуться, расти, становиться огромным, наряду с распространенными здесь функциями «соблазнять путника», «уносить далеко от дома», «оставлять в незнакомом месте». В Истрии записана быличка об охотнике, который долго плутал по одному месту, а потом задремал, а когда проснулся, то был без шапки и почему-то в своем винограднике, но не знал, как выйти к своему дому. Тогда охотник вывернул наизнанку одежду и смог добраться до дома, а по пути нашел свою шапку. Все эти приключения привели рассказчика к выводу, что его сильно попутал персонаж *mrak*, который затем и перенес его в виноградник, но на лету с головы упала шапка [19. S. 138]. На Каставшине вблизи Риеки бытуют рассказы о том, как люди, вышедшие из дома до рассвета, сталкиваются с демоническим существом *mračina*, который уже не дает им вернуться домой и преследует, перепрыгивая со скалы на скалу в виде густой, черной тени. С наступлением зари демон бесследно исчезает (см. [25. S. 107]). По поверьям с острова Крк, *mrak* — это великан, который шагает от дерева к дереву, от крыши к крыше. Плохо будет тому, кто пройдет под ним. Считается, что он обычно ведет себя спокойно, будучи очень ленивым, однако хватает детей и уносит их далеко от дома [31. S. 227]. В этом, приведенном последним, описании конца XIX века хорошо прослеживаются черты контаминации, с одной стороны, персонажа-великана, уносящего людей на большие расстояния, с другой — и ночного страшилища, причиняющего вред детям. В других севернодалматинских рассказах об этом мифическом существе хорошо вычленяются его функции, общие для всех славянских ночных демонов типа «ночницы»: персонаж может вызывать ночной плач ребенка, бессонницу, болезнь, особенно если в вечернее время остаются вне дома развешенные одежда или пеленки младенца, а также если демоническое существо оказывается в контакте с самим ребенком («видит» его, «приближается» к нему, «садится» на него и т.д.). Так, в Каставском крае детскую одежду, которая сушилась во дворе после захода солнца, прокаливают на огне, потому что ее видел «мрак», а тот, кто ее наденет, заболит. Если ребенок всю ночь плачет, то считается, что он был завернут в пеленки, которые на улице видел «мрак» [24. S. 107]. В Истрии до наступления сумерек стремятся унести маленького ребенка в дом, где усаживают около огня, чтобы огонь охранял его от «мрака». Если кто-то приходит в дом после захода солнца, хозяйка бросает перед ним тлеющие угли, отгоняя таким образом «мрака», который, возможно, вместе с пришедшим проникает в дом [29. S. 63]. В селах Лики до наступления темноты стараются внести в дом одежду ребенка, иначе на ребенка нападут «мраки», а посетители должны сначала подойти к печи и взять угли, чтобы «мраки» не причинили вред ребенку [28. S. 70]. В северо-западной Хорватии (окрестности Вараждина) пеленки ребенка вносят в дом сразу после захода

солнца, иначе бы «*mraki upali na pelene*» («мраки бы упали на пеленки»), что вызывает крик и болезнь ребенка (с. Пресечно, соб. зап., 2016). В западной Хорватии мифологический персонаж может напрямую связываться с демонами, которые появляются при родах: считается, что «мраки» ожидают снаружи, когда женщина рождает, пуская некие лучи через окна дома, но как только муж поднимается и смотрит в окно, вредоносные демоны исчезают. Если же «мраки» добираются до младенца, то он непрерывно плачет ночью, и по этой причине его стараются не выносить из дома в темное время суток (окрестности Самобора [27. S. 146]). Подобные представления очень близки соседним словенским (см., например, [32. S. 46]), а также имеют прямые соответствия с поверьями хорватов из Южного Бургенланда в Австрии, где мифологический персонаж называется *mrak*, *mračnjak* и имеет те же функции — наносить вред (болезнь) маленькому ребенку, нападать на ребенка, наваливаться на него и т.д. В связи с подобными представлениями в некоторых селах предписывалось не только убирать на ночь со двора все пеленки младенца, но и не гасить свет в помещении, где он спит (сс. Нова Гора, Пинковац, соб. зап., 2014)¹³.

Особое внимание следует уделить специфическому для Адриатики мифологическому персонажу, известному под наименованиями *macić*, *malik*, *macaklić* и под., а также *tintilin*, *nevidinčić*, *škrat* и др. (см. [28. S. 42]), причем в качестве инвариантной черты данного персонажного типа определяется его облик в виде маленького мальчика в красной шапочке [19. S. 202–211; 28. S. 42]. В данном случае в номинации персонажа выступают заимствования из итальянского (*tintilin* — предположительно из итал. *tentennino* ‘дьявол’ [35. Т. 3. S. 471]), тогда как *macaklić*, *macaruo*, *maciruo* связываются с латинскими и итальянскими обозначениями ночного духа, бродящего по дому [35. Т. 2. S. 345]) и немецкого (хорв. чак. *škrat*, а также его кайкавские формы *škratec* и под., возводятся к ст.-в.-нем. *scrato* ‘дьявол, злой лесной дух’ [35. Т. 3. S. 401–402])¹⁴, как и собственно славянские названия, мотивированные характеристиками персонажа: невидимостью (*nevidinčić* ‘невидимка’), малым ростом (*malik*, *malić* ‘малышок’). При этом в последнем случае не исключено наложение итальянской и славянской лексем, связанных с обозначением «крошечного духа дома», ср. также *macić*, *mačić* (подобнее об этом см. [35. Т. 2. S. 345]). Основная характеристика внешнего облика персонажа — малыш в красной шапочке также может варьироваться: на о-ве Црес фиксируется *masmalić* в виде «маленького красивого человечка, одетого в голубоватые штанишки и живущего под землей, где много соли» [35. Т. 2. S. 345]. В целом можно отметить, что в данном приморском мифологическом образе в зависимости от места фиксации совмещаются два генетически разных типа представлений: с одной стороны, связанных с блуждающей душой умершего некрещеным ребенка, с другой — с духом дома, приносящим хозяевам богатство, своего рода гномиком, который заботится об имуществе дома. Л. Раденкович выделяет единый тип демонологического персонажа, происходящего от души умершего некрещеного ребенка: в пределах хорватского побережья это *tintilin*, *tintilinić*, *titilin*, *tinto* (окрестности Дубровника, п-ов Пелешац), где существуют также и поверья о том, что это существо можно было «вывести» из куриного яйца, которое человек тайно держит

¹³ Заметим, однако, что в результате отсутствия у хорватов Бургенланда представлений о вредоносном персонаже *mora*, функция «давить на грудь человеку во время сна» в южной части Бургенланда приписывается «мраку», «мрачнюку», подробнее см. [13. С. 154–155].

¹⁴ Ср. также многочисленные западнославянские образы приносящих богатство демонов и их наименования типа пол. *skrzątek*, чеш. *škřítek*, словац. *škriatok* и под., ср. [2. С. 136–137].

за пазухой в течение 40 дней [14. С. 377]¹⁵. Но о-ве Млет и в Конавлях демон мог показываться ночью в облике бродячего огонька, а в средней Далмации (о-ва Хвар, Брач, Корчула и Полицы у побережья), где наиболее распространены наименования, связанные с *macić*, считается, что мифическое существо приносит людям деньги, но при этом, если они его прогонят, имеет способность мчаться вместе с ветром, а ночью и в полдень превращается в осла: если человек садится на него верхом, то несется со скоростью ветра, сбрасывая седака [14. С. 378]. Такие характеристики сближают рассматриваемый персонаж с описанным выше далматинским мифологическим образом *manjimorgo*. Примечательно, что образ невидимого плачущего ребенка, называемого *medivančić* (здесь возможна метатеза с заменой *n* на *m*, от хорв. *nevidinčić* ‘невидимка’), встречается и в северо-западной Хорватии: в Пригорье их представляют как маленьких детей с шапочками на головах, громким криком зовущих по ночам мать [33. С. 150–151].

Как показывает вышеизложенный материал, для хорватской этнокультурной территории характерна высокая степень ареальной дифференциации, при этом неразрывными представляются их связи с персонажами соседних южнославянских традиций (прежде всего словенской, боснийской, герцеговинской). Ареальный подход в изучении народной мифологии помогает выявлять южнославянские персонажные типы, несмотря на хитросплетения их имен и функций, особенностей внешнего облика, связанных с ними мотивов (подробнее о сетке признаков мифологических персонажей см. [4. С. 40–44]). В данном случае необходимо учитывать и инославянское влияние: итальянское — для Адриатики в целом, германское — в основном для северо-западной части Хорватии и венгерское — для славонских областей.

Следует также отметить, что при подробном изучении народной мифологии на территории основного проживания хорватов значительно укрепляется версия об основном потоке в Средневековье славянского населения на север (на земли современного Бургенланда) из регионов Огулина, Йосипдола, Лики, т.е. соседствующих с прибрежными областями. Выявляется и определенная общность поверий градищанских хорватов с северохорватскими традициями, которая, возможно, сформировалась в более позднее время под влиянием словенско-хорватских связей за время пребывания славян в иноязычном и инокультурном окружении на новых землях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Etnološki atlas Jugoslavije. Arhivska građa. Filozofski fakultet u Zagrebu.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бјелетић М.* Духовна култура Словена у светлу етимологије: јсл. (х)ала // *Dzieje Słowian w świetle leksyki. Pamięci profesora Franciszka Ślawskiego*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2002. С. 75–82.
2. *Валенцова М.М.* Словацкая демонология. Краткий обзор // *Славяноведение*. 2020. № 4. С. 128–145.
3. *Виноградова Л.Н.* Подмече // *Словенска митологија. Енциклопедијски речник*. Београд: Zepter Book World, 2001. С. 431–432.

¹⁵ Мотив выведения из яйца демона, приносящего богатство, известен и другим славянским народам, в частности русинам в Закарпатье (соб. зап., 2010–2011 гг., см. [10. С. 143]), словакам [2. С. 136].

4. Виноградова Л.Н., Толстая С.М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М.: Наука, 1994. С. 16–44.
5. Вулетић-Вукасовић В. Призријевање // Српски етнографски зборник. 1934. Књ. 50. С. 155–195.
6. Гура А.В., Левкиевская Е.Е. Волколак // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Москва: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 418–420.
7. Ђорђевић Т. Вештица и вила у нашем народном веровању и предању. Вампир и друга бића у нашем народном веровању и предању // Српски етнографски зборник. 1953. Књ. 66. С. 1–146.
8. Михайлов Н.А. Фрагмент словенской мифопоэтической традиции // Концепт движения в языке и культуре. М.: Индрик, 1996. С. 127–141.
9. Пилипенко Г.П., Ясинская М.В. Язык и культура словенцев в Порабье и Прекмуре // Славяноведение. 2018. № 6. С. 60–73.
10. Плотникова А.А. Народная мифология в закарпатской Верховине // Славянский и балканский фольклор. 2011. Винограде. К юбилею Людмилы Николаевны Виноградовой. М.: Индрик, 2011. С. 141–148.
11. Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 768 с.
12. Плотникова А.А. Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. 384 с.
13. Плотникова А.А. Славянские архаические ареалы: архаика и инновации. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. 320 с.
14. Раденковић Љ. Некрштенац // Словенска митологија. Енциклопедијски речник. Београд: Zepher Book World, 2001. С. 376–378.
15. Раденковић Љ. Облачари // Словенска митологија. Енциклопедијски речник. Београд: Zepher Book World, 2001. С. 393–395.
16. Раденковић Љ. Орко, лорко // Словенска митологија. Енциклопедијски речник. Београд: Zepher Book World, 2001. С. 411–412.
17. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Москва: Международные отношения, 1995–2012. Т. 1–5.
18. Ardalić V. Godišnji običaji (Bukovica u Dalmaciji) // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. 1915. Knj. 20. S. 32–52.
19. Bošković-Stulli M. Istarske narodne priče. Zagreb: Institut za narodnu umjetnost, 1959. 189 s.
20. Bošković-Stulli M. Usmena književnost kao umjetnost riječi. Zagreb: Mladost, 1975. 266 s.
21. Franković Đ. Vile kod Hrvata u Podravini // Etnografija Južnih Slavena u Mađarskoj. Budimpešta, 1982. № 4. S. 167–183.
22. Franković Đ. Mítska bića u Podravske Hrvata. Narodne predaje // Etnografija Južnih Slavena u Mađarskoj. Budimpešta, 1990. № 9. S. 1–195.
23. Grafenauer I. Slovensko-kajkavske bajke o Rojenicah-Sojenicah // Etnolog. Ljubljana. 1945. Knj. 17. S. 34–51.
24. Jardaš J. Kastavština // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. 1957. Knj. 39. S. 1–416.
25. Kelemina J. Bajke in pripovedke slovenskega ljudstva z mitološkim uvodom. Ljubljana: Založništvo Humar, 1997. 334 s.
26. Kutleša S. Život i običaji u Imotskoj Krajini. Imotski: PIK Vrbovec, 1993. 552 s.
27. Lang M. Samobor: Narodni život i običaji // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. 1914. Knj. 19. Sv. 1. S. 39–152.
28. Ložica I. Poganska baština. Zagreb: Golden marketing, 2002. 222 s.
29. Mikac J. Vjeronanja (Brest u Istri) // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. 1934. Knj. 29. Sv. 2. S. 195–200.
30. Milčetić I. Mora i polegač. Krk, Kastav i hrvatski kajkavci // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. 1896. Knj. 1. S. 235–237.
31. Milčetić I. Mrak i bučan. Otok Krk // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. 1896. Knj. 1. S. 227–228.
32. Morato N. Mrak eno jutrnja: štorje iz Slovenske Istre. Ljubljana: Kmečki glas, 2002. 312 s.
33. Rožić V. Prigorje. Narodni život i običaji // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. 1908. Knj. 13. № 1. S. 16–112.

34. Rudan E. Vile s Učke. Žanr, kontekst, izvedba i nadnaravna bića predaja. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2016. 600 s.
35. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1971–1974. T. 1–4.
36. Šešo L. O krsniku: od tradicijske pojave u predajama do stvarnog iscjelitelja // *Studia Ethnologica Croatica*. Zagreb, 2003. Br. 14–15. S. 23–53.
37. Škaljić A. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo: Svjetlost, 1979. 655 s.
38. Šmitek Z. Kresnik: An Attempt at a Mythological Reconstruction // *Studia mythologica Slavica*, Ljubljana, 1998. Vol. 1. S. 93–117.
39. Tommasini G.-F. Costumanze nell' Istria. Nei Commentari Storici-Geografici della Provincia dell' Istria // *Archeografo Triestino*. Trieste, 1837. Vol. IV. P. 1–554.
40. Vashchenko D., Plotnikova A. Cultural and language hungarian borrowings in folk tradition of Burgenland's Croats in Hungary and Slovakia // *Hungarian Studies*. 2021. (In edition).

REFERENCES

- Ardalić V. Godišnji običaji (Bukovica u Dalmaciji). *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena*, 1915, knj. 20. Pp. 32–52. (In Croat.)
- Bjeletich, M. Duhovna kultura Slovena u svetlu etimologije: jsl. (h)ala. *Dzieje Słowian w świetle leksyki. Pamięci profesora Franciszka Sławskiego*, Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, pp. 75–82. (In Serb.)
- Bošković-Stulli M. *Istarske narodne priče*. Zagreb, Institut za narodnu umjetnost, 1959, 189 p. (In Croat.)
- Bošković-Stulli M. *Usmena književnost kao umjetnost riječi*. Zagreb, Mladost, 1975, 266 p. (In Croat.)
- Đorđević T. Veštica i vila u našem narodnom verovanju i predanju. Vampir i druga bića u našem narodnom verovanju i predanju. *Srpski etnografski zbornik*, 1953, knj. 66, pp. 1–146. (In Serb.)
- Franković Đ. Vile kod Hrvata u Podravini. *Etnografija Južnih Slavena u Mađarskoj*. Budimpešta, 1982, No 4, pp. 167–183. (In Croat.)
- Franković Đ. Mitska bića u Podravnih Hrvata. Narodne predaje // *Etnografija Južnih Slavena u Mađarskoj*. Budimpešta, 1990, No 9, pp. 1–195. (In Croat.)
- Grafenauer I. Slovensko-kajkavske bajke o Rojenicah-Sojenicah. *Etnolog*. Ljubljana. 1945, knj. 17, pp. 34–51. (In Sloven.)
- Gura A. V., Levkijevskaia Je. Je. Volkolak. *Slavianskije drevnosti: Etnolingvističeskii slovar'*, pod obshch. red. N.I. Tolstogo. Moscow, Mezhdunarodnyje otnosheniia, 1995, t. 1, pp. 418–420. (In Russ.)
- Jardas J. Kastavština. *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena*, 1957, knj. 39, pp. 1–416. (In Croat.)
- Kelemina J. *Bajke in pripovedke slovenskega ljudstva z mitološkim uvodom*. Ljubljana, Založništvo Humar, 1997. 334 p. (In Sloven.)
- Kutleša S. *Život i običaji u Imockoj Krajini*. Imotski, PIK Vrbovec, 1993, 552 p. (In Croat.)
- Lang M. Samobor: Narodni život i običaji. *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena*, 1914, knj. 19, sv. 1, pp. 39–152. (In Croat.)
- Lozica I. *Poganska baština*. Zagreb, Golden marketing, 2002, 222 p. (In Croat.)
- Mikac J. Vjerovanja (Brest u Istri). *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena*. 1934, knj. 29, sv. 2, pp. 195–200. (In Croat.)
- Mikhailov N.A. Fragment slovenskoi mifopoeticheskoi traditsii. *Kontsept dvizheniia v iazyke i kul'ture*. Moscow, Indrik Publ., 1996, pp. 127–141. (In Russ.)
- Milčetić I. Mora i polegač. Krk, Kastav i hrvatski kajkavci. *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena*. 1896, knj. 1, pp. 235–237. (In Croat.)
- Milčetić I. Mrak i bučan. Otok Krk. *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena*. 1896, knj. 1, pp. 227–228. (In Croat.)
- Morato N. *Mrak eno jutrnja: štorje iz Slovenske Istre*. Ljubljana, Kmečki glas, 2002, 312 p. (In Sloven.)
- Pilipenko G.P., Iasinskaja M.V. Iazyk i kul'tura sloventsev v Porab'je i Prekmur'je. *Slavianovedeniye*, 2018, No 6, pp. 60–73. (In Russ.)
- Plotnikova A.A. Narodnaia mifologiiia v zakarpatskoi Verkhovine. *Slavianskii i balkanskii fol'klor*. 2011. *Vinograd'je. K iubileiu Liudmily Nikolajevny Vinogradovoi*. Moscow, Indrik Publ., 2011, pp. 141–148. (In Russ.)
- Plotnikova A.A. *Etnolingvističeskaia geografiia Iuzhnoi Slavii*. Moscow, Indrik Publ., 2004, 768 p. (In Russ.)
- Plotnikova A.A. *Iuzhnyje slaviane v balkanskom i obshcheslavianskom kontekste: Etnolingvističeskie ocherki*. Moscow, Institute for Slavic Studies RAN, 2013, 384 p. (In Russ.)

- Plotnikova A.A. *Slavianskije arhaicheskiye arealy: arkhaiika i innovatsii*. Moscow, Institute for Slavic Studies RAN, 2016, 320 p. (In Russ.)
- Radenković Lj. Nekištećenac. *Slovenska mitologija. Enciklopedijski rečnik*. Beograd, Zepter Book World, 2001, pp. 376–378. (In Serb.)
- Radenković Lj. Oblačari. *Slovenska mitologija. Enciklopedijski rečnik*. Beograd, Zepter Book World, 2001, pp. 393–395. (In Serb.)
- Radenković Lj. Orko, lorko // *Slovenska mitologija. Enciklopedijski rečnik*. Beograd, Zepter Book World, 2001, pp. 411–412. (In Serb.)
- Rožić V. Prigorje. Narodni život i običaji. *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena*, 1908, knj. 13, No 1, pp. 16–112. (In Croat.)
- Rudan E. *Vile s Učke. Žanr, kontekst, izvedba i nadnaravna bića predaja*. Zagreb, Hrvatska sveučilišna naklada, 2016, 600 p. (In Croat.)
- Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb, Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1971–1974, t. 1–4. (In Croat.)
- Slavianskije drevnosti: Etimologičeskii slovar'*, pod obshch. red. N.I. Tolstogo. Moskva, Mezhdunarodnyye otnosheniia Publ., 1995–2012, t. 1–5. (In Russ.)
- Šešo L. O krsniku: od tradicijske pojave u predajama do stvarnog iscjelitelja. *Studia Ethnologica Croatica*, Zagreb, 2003, br. 14–15, pp. 23–53. (In Croat.)
- Škaljić A. *Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku*. Sarajevo, Svjetlost, 1979, 655 p. (In Serb.)
- Šmitek Z. Kresnik: An Attempt at a Mythological Reconstruction. *Studia mythologica Slavica*, Ljubljana, 1998, vol. 1, pp. 93–117. (In Sloven.)
- Tommasini G.-F. Costumanze nell' Istria. Nei Commentari Storici-Geografici della Provincia dell' Istria. *Archeografo Triestino*. Trieste, 1837, vol. IV, pp. 1–554. (In Ital.)
- Valentsova M.M. Slovaškaia demonologija. Kratkii obzor. *Slavianovedeniye*, 2020, No 4, pp. 128–145. (In Russ.)
- Vashchenko D., Plotnikova A. Cultural and language hungarian borrowings in folk tradition of Burgenland's Croats in Hungary and Slovakia. *Hungarian Studies*, 2021. (In edition).
- Vinogradova L.N. Podmeće. *Slovenska mitologija. Enciklopedijski rečnik*, Beograd, Zepter Book World, pp. 431–432. (In Serb.)
- Vinogradova L.N., Tolstaia S.M. K probleme identifikatsii i sravneniia personazhei slavianskoi mifologii. *Slavianskii i balkanskii fol'klor. Verovaniia. Tekst. Ritual*. M., Nauka Publ., 1994, pp. 16–44. (In Russ.)
- Vuletić-Vukasović V. Prizrijevanje. *Srpski etnografski zbornik*, 1934, knj. 50, pp. 155–195. (In Serb.)

Информация об авторе

Плотникова Анна Аркадьевна,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Отдела этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация,
Ленинский проспект, 32 А.
ORCID: 0000-0001-9154-5046
E-mail: annaplotn@mail.ru

Information about the author:

Anna A. Plotnikova
DSc. (Philology), chief researcher,
Department of Ethnolinguistics and Folklore
Institute of Slavic Studies
of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation,
Leninskii prospekt, 32 A.
ORCID: 0000-0001-9154-5046
E-mail: annaplotn@mail.ru

Славяноведение, 2021, № 6, с. 38–54

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 6, pp. 38–54

DOI: 10.31857/S0869544X0017727-2

Оригинальная статья /
Original Article

Этимологические методы в этнолингвистических исследованиях мифологической лексики

© 2021 г. М.М. Валенцова

Институт славяноведения РАН (Москва, Российская Федерация)

mvalent@mail.ru

Авторская работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №20-012-00300А
«Низшая мифология славян: новые методы и подходы к исследованию».

Аннотация. В первой части статьи дается краткий обзор работ, отражающих взаимный интерес этнолингвистики и этимологии и использующих возможности и достижения друг друга (статей В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева, С.М. Толстой, А. Ломы и М. Белетич, К., О. и М. Стаховских, Х. Шустер-Шевца, книги У. Дуковой, Н. Хобзей, Р. Джвигол и др.). Результат этого взаимодействия в области исследования мифологической лексики показывает его плодотворность при изучении славянской низшей мифологии. Во второй части статьи предлагаются этимологии двух редких словацких демонимов. Первый – название локального среднесловацкого персонажа *grgalica/grgolica*, которое на основе оценки мифологического образа, его типологических черт, а также анализа однокоренной лексики в разных славянских языках предлагается связывать с ономотопеическим глаголом *grgať* и под. Второй термин – западнословацкий *Bendúš* – известный из описания весенней молодежной игры и понимаемый автором информации о нем как реликт некоего божества правдоподобно объясняется как антропоним, производный от корня *bend-* ‘брюхо, толстый’.

Ключевые слова: этнолингвистика, этимология, низшая мифология, словацкая демонология, *grgalica*, *Bendúš*.

Ссылка для цитирования: Валенцова М.М. Этимологические методы этнолингвистических исследованиях мифологической лексики // Славяноведение. 2021. № 6. С. 38–54. DOI: 10.31857/S0869544X0017727-2.

Etymological methods in ethnolinguistic research into mythological vocabulary

© 2021. M.M. Valentsova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

mvalent@mail.ru

Abstract. The first part of the article provides a brief overview of works reflecting the mutual interest of ethnolinguistics and etymology in which the capabilities and achievements of each other are used (articles by V.N. Toporov, O.N. Trubachev, S.M. Tolstaya, A. Loma and M. Bjeletić, K., O. and M. Stachowskie, H. Schuster-Šewc, books by U. Dukova, N. Hobzey, R. Dźwigoł and others). The results of this interaction in the field of mythological vocabulary shows its fruitfulness in the study of lower Slavic mythology. In the second part of the article, the etymologies of two rare Slovak demonyms are proposed.

The first is the name of the local Central-Slovak character *grgalica* / *grgolica*, which, based on the assessment of the mythological image, its typological features, as well as the analysis of the same root vocabulary in different Slavic languages, is proposed to be associated with the onomatopoetic verb *grgať* and similar. The second term — West-Slovakian *Bendúš* — known from the description of the young people spring game and understood by the author of information about him as a relic of a certain deity, is plausibly explained as an anthroponym derived from the root *bend-* ‘belly, thick’.

Keywords: ethnolinguistics, etymology, lower mythology, Slovak demonology, *grgalica*, *Bendúš*.

Reference for citation: Valentsova M.M. Etymological methods in ethnolinguistic research into mythological vocabulary // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2021. No. 6. Pp. 38–54. DOI: 10.31857/S0869544X0017727-2.

Являясь «комплексной пограничной наукой» [35. С. 40], этнолингвистика пользуется в своих исследованиях методами и достижениями не только других наук (истории, этнографии, археологии, фольклористики), но и разных лингвистических дисциплин, в первую очередь диалектологии, лексикологии, этимологии, ареальной и контактной лингвистики.

В случае если речь идет об изучении мифологической лексики, на первый план выступает этимология, помогающая объяснить исконную семантику мифонимов, понять изменение смысла слов, в том числе при контаминации с другими этимологическими гнездами, открыть связь мифонима с формально далекими, но родственными корнями. В целом, дает возможность понять логику образования имени мифологического персонажа (далее — МП) и его семантические связи.

О взаимоотношениях самой этимологии с другими лингвистическими дисциплинами, включая этнолингвистику, а также с другими гуманитарными науками — этнографией, мифологией не раз писалось в последние десятилетия, начиная с 50-х годов XX в. (см. [9; 15; 21; 32; 36; 42; 44; 61; 77] и др.). Взаимный интерес этимологии и этнолингвистики ограничен: они обе реконструируют смысл слов (а этнолингвистика — еще и смысл фразеологии, обрядов и культурных текстов).

По словам О.Н. Трубачева, «никакая другая лингвистическая дисциплина не собирает такую полноту информации о значении слова, как этимология, объединяющая в целях своего исследования современные данные, письменную историю, дописьменную реконструкцию и семантическую типологию» [44. С. 65]. Семантическая реконструкция слова в этимологических исследованиях основывается не только на анализе всего спектра значений слова во всех славянских языках (диалектах) и других индоевропейских языках, учете данных семантической типологии, но также вынуждена привлекать для этого семантические контексты слова, как ближайшие языковые контексты, так и «целые высказывания и даже тексты [...] разнообразные ситуации (реалии)

действительности, к которым это слово применимо» [32. С. 385, 387]. Эти многочисленные семантические контексты, особенно для мифологической лексики, дают, в первую очередь, этнографические и фольклорные данные, препарированные в этнолингвистическом ключе, т.е. проанализированные с точки зрения содержащихся в них смыслов — концептов, мотивов, символов, аксиологических констант и т.п.

Факт необходимости взаимодействия двух дисциплин понимали и такой подход в разной мере использовали этимологи, которые занимались исследованием мифологической лексики. Во многих из перечисленных ниже работах привлекались мифологические и, шире, культурные контексты: Г.А. Ильинский писал о балтийских связях словац. *pikulík* [59. С. 97–98], показал индоевропейскую древность слав. **juda*, что объясняет широкий семантический спектр слова, включая мифоним укр. *юда* ‘черт’ [19]; в пассаже одной из своих статей О.Н. Трубачев продемонстрировал западнославянский диалектный характер заимствованного мифонима *rarogъ* [41. С. 85–86], в другой статье им была предложена этимология для болг. *самодива* [40. С. 458–462], ряд собственных этимологий — слов *дух*, *душа*, *навь*, *Велес*, *Перун* (и его табуированные формы *parom*, *paron*, *taron*), *Podaga*, *Pripegala*, *колдун* и др. предложен О.Н. Трубачевым в развернутой полемической рецензии на книгу Л. Мошиньского «Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft», в которой он, однако, соглашается с автором в том, что «до сих пор языковедение едва ли привлекалось в исследованиях по дохристианской славянской религии» [43. С. 7]. Этимологии слав. **upir/вампир* посвящены статьи Г. Поповской-Таборской [71], М. Рачевой [27], К. Стаховского [74], в которых с разных сторон (исконности или заимствования из тюркских, разных семантических прочтений) прояснялось происхождение этого загадочного слова; возрождение старой этимологии от праслав. **pī-* ‘пить’ с этнолингвистическим обоснованием даны в [7]. Этимологические идеи на этнолингвистическом фоне по поводу польского термина *tatuna* находим в статье К. и О. Стаховских [75]. Польское *dunder* ‘гром’ и ‘черт’ разбирается М. Стаховским [76]. О загадочной верхнелужицкой ведьме писал Х. Шустер-Щевц [49]. Нельзя не упомянуть книгу У. Дуковой, создавшей целую «этимологическую классификацию» болгарской демонологической лексики (индоевропейские, праславянские, южнославянские, болгарские, заимствованные названия) на основе широкого использования в том числе фольклорных и культурных текстов (дополненный и исправленный вариант книги в русском переводе [10]). Демонические существа интересовали М. Белетич, которая показала славянское происхождение с.-х. демони́ма (х)ала ‘крылатый прожорливый демон, чудовище’, ‘нечистая сила, нападающая на детей и роженицу до 40-го дня’, ‘существо огромной физической силы’, ‘буря с градом, непогода’ и под. [1; 2], в другой статье она указала на необходимость этимологического различения с.-х. *блаза* ‘змея, охраняющая сокровища’ и *блазна* ‘домашняя змея’ [3]. В совместной работе М. Белетич и А. Ломы анализировались праславянские корни **mora*, **mara*, называющие также демона, душащего людей во сне [4]; А. Лома исследовал мифоним и образ *вилы* [23]. В небольшой статье об изменении семантики словац. *harian* ‘ариан’ > ‘великан’ Л. Кралик отметил культурную типологию этого явления [67].

Основываясь на опыте этимологизации мифологической лексики, М. Белетич констатирует, что для ее успешного объяснения «необходимо рассмотрение целостного, как лингвистического, так и экстралингвистического контекста,

а что касается методики, то нужно не только применение критерия “научной” этимологии, но и серьезный учет принципа “народной” этимологии» [3. С. 18]. О сложностях в этимологизировании этого типа лексики еще полвека назад писал В.Н. Топоров: «Этимологии многих слов мифологического характера (особенно мифологических имен) являются двусмысленными или скользящими [...] Эта особенность коренится, в частности, в большом диапазоне возможностей, который пробегает значения слов такого рода; помимо обычной типологии семантических переходов или запретов, свойственной естественным языкам, при анализе мифологических имен приходится иметь дело с семантикой неязыковых систем (в данном случае — мифологических), прежде всего с типологией названия элементов мифологической системы. Поэтому существуют основания полагать, что учет семантических особенностей надязыкового уровня поможет установить ряд новых этимологий (которые не могли бы быть открыты в пределах исключительно языкового уровня), вызвать сомнения относительно, казалось бы, бесспорных этимологий и, наконец, опровергнуть ряд прежних объяснений (случай, когда семантика надязыковых систем оказывается влиятельнее семантики чисто языкового уровня)» [37. С. 11].

Среди этимологических статей В.Н. Топорова, которые начали выходить с 1958 г., упомянем исследование русского демони́ма *анчутка* — в связи с балто-славянскими языковыми контактами; названий божьей коровки — в связи с «основным мифом» и также в балто-славянской перспективе [38. С. 7–56, 241–284]; установление сходжений между образами бабы Яги и хеттской «старой женщины» *хассауа* [39]. О.Н. Трубачев так характеризовал работы В.Н. Топорова: «Предлагаемые им новые этимологии, как правило, очень трезвы, тонко обоснованы со стороны семасиологии и соотнесены с различными другими внеязыковыми аспектами, например — с древними мифологическими воззрениями» [44. С. 46]. К тому же направлению широких индоевропейских исследований принадлежат и статьи Вяч.Вс. Иванова (и том числе в соавторстве с В.Н. Топоровым), в которых обсуждается этимология мифонима *волколак* [12–18]. Эти статьи посвящены в целом глобальным вопросам балто-славянской и индоевропейской мифологии и этимологии, они не ставили перед собой цели регулярно-го этимологического исследования славянских мифологических имен.

С необходимостью этимологизации семантически непрозрачных демони́мов чаще сталкиваются этнолингвисты, предпринимая при этом самостоятельные попытки выяснить происхождение имен МП, пользуясь, с одной стороны, «своими» данными — верований, фольклором, обрядностью, а с другой — достижениями этимологии как науки. Они, по словам Топорова, ищут другое значение слова, которое определяет первое, общеизвестное, и определяя его, «отражает прямую связь знакового с дознаковым» [36. С. 42].

Использованию этнолингвистами этимологических данных способствует и постоянно повышающийся уровень этимологических исследований, увеличение накопленных фактов, установленных параллелей и этимологических связей. Корректируются ранее высказанные версии¹. Изданы этимологические словари практически всех славянских языков и даже отдельных диалектов

¹ См., например, критику балтийской этимологии *анчутка* в [22]; контраргументы к иранской этимологии славянского теонима Хорс К. Борисова, предложившего в качестве донора слова не традиционное перс. *xwaršēd/xoršīd* ‘солнце’, а индо-арийский корень *hr̥s-*, и. -е. **ghers-* и др., а основываясь на компаративно-мифологическом анализе — трактовку божества как связанного с возрождением и умиранием солнечного героя [53].

(например, кашубского, полабского, хорватского «ядранского»), а также балтийских, германских, тюркских, иранских, финно-угорских (из соприкасавшихся со славянскими) языков. Пополняется фонд славянских диалектологических и исторических словарей. Все это заметно облегчает работу филологов разных специальностей и делает этимологию «самой аттрактивной для неспециалистов» лингвистической областью [21. С. 102].

Этимологизирование как самостоятельная задача в этнолингвистических работах ставится редко. Как правило, целью последних является семантический анализ или семантическая реконструкция выбранного термина и поддержка какой-то одной из множества возможных, в разной степени убедительных этимологий за счет привлечения фольклорного и неязыкового материала. Вместе с тем мифонимы не часто включаются в словники этимологических словарей, для многих из них нет надежной (или вообще никакой) этимологии, а мифологическая лексика подается в словарях неполно и непоследовательно. Поэтому в ряде случаев этнолингвисты, лексикологи, диалектологи вынуждены предлагать собственные этимологии изучаемых слов.

Этимологическая составляющая последовательно введена в описание гуцульской мифологии (в форме этнолингвистического словаря) лексикологом и этнолингвистом Н.В. Хобзей [46]. Регулярно можно встретить этимологический комментарий к именам польских МП в монографии Р. Джвигол; как признается сама автор, она старалась упомянуть важнейшие из существующих этимологий приводимых терминов, собрав в отдельную группу имена, для которых этимологий не существует; не оставлена без внимания и народная этимология, также формирующая диалектные процессы номинации МП [55. S. 6]. Множество версий происхождения имени бабы-Яги рассматривалось Е.В. Ивановой [60], предложила свои аргументы в пользу «змеиной» этимологии Яги и О.А. Черепанова [48]. Классическими образцами основательного исследования одного термина, которые, как писал О.Н. Трубачев, должны предварять краткие статьи в этимологических словарях, являются статьи С.М. Толстой. Одна из них посвящена названию серболоужицкого МП *chódota*, в которой подтверждается правомерность реконструкции имени как деривата глагола **xoditi* [33], вторая — о славянских названиях болезней: *nádcha*, *nátcha*, *nátka*, формально схожих, но имеющих разные модели мотивации и разные этимоны, **nadъxnŏti* ‘вдохнуть’ и **natъknŏti* ‘наткнуться’ [34]. Ряд других работ С.М. Толстой по лексической семантике и ее реконструкции близки и полезны этимологическим исследованиям.

Этот небольшой обзор, не претендующий на полноту учета всего написанного в названном направлении, показывает примерно равный взаимный интерес этнолингвистов и этимологов к материалу и исследованиям друг друга. Очевидна продуктивность такого подхода для изучения славянской низшей мифологии и ее лексики и терминологии.

Вместе с тем в целом работ этимолого-этнолингвистического направления в процентном отношении среди всей продукции ученых названных специальностей немного. Трудности таких комплексных исследований очевидны.

Далее в статье мне хотелось бы обратить внимание на два словацких мифонима, не имеющих пока надежной этимологии. Речь пойдет о двух редких, локальных, персонажах, о которых известно очень мало, но только на этих

кратких данных, помимо языковых, можно основываться при этимологизации слов, предполагающих разные семантические возможности.

Grgalica, *grgolica*, f — женский МП с признаками природного духа, встречается sporadически в Средней Словакии. В районе Зволена ее описывали как огромную женщину с черными, как уголь, ногами, огромными, как лопаты, руками, телом, как бочка, глазами, как блюда, с растрепанными длинными волосами и огромными грудями, перекинутыми через плечи. Пойманному человеку она пихала в рот свои груди, пока не задушит. Ее присутствие означалось протяжным гиканьем. В окрестности Банской Быстрицы у нее не было вообще никакого образа. Верили, что она жила в горах, и люди слышали только ее протяжный крик. В чешской традиции ей соответствовал *hejkal* [56. S. 155]. *Hejkal* = дикий человек, который в лесу кричит (*hejká*) и преследует людей, также *hykal* [54. Т.10. S. 81], в Бораче в Моравии это либо птица, либо черный человек, который садится людям на спину [54. Т. 8. S. 101]. Словацкий словарь братьев Калалов дает два варианта имени МП: *Grgolica*, *Grgolina* — злая вила (завлекающая людей в болота) (зволен.), со ссылкой на словарь Фр. Котта, также *Grgolica* указано как одно из названий водяники (*vodnia matka*) [62. S. 151, 775]. Однако в словаре Котта значится, что *Grgolica* (*krkolica*, *vodnia matka*) = злая лесная вила с длинной шеей, распущенными волосами и ногами, как стволы и т.д. [54. Т. 9. S. 59], форма *Grgolina* отсутствует.

Возможно, функция «заводить в болото» была заимствована в словарь Калалов из словаря Л.А. Мичатека: *Grgolica*, -e — злая лесная вила, заманивающая людей в болота и изводящая их там, засовывая им в рот свои громадные груди [69. S. 47]. *Grgalica* как женское мифологическое существо, которое душит людей в лесу, упоминается также в словарице Словенской Люпчи и ее окрестностей (Банско-Быстрицкий округ, Средняя Словакия); в словарной статье сообщается, что в книге Гануша Махала «Славянская мифология» об этом персонаже не упоминается; а *грғалицу* знают, главным образом, в селах бывшего Люпчанского панства [70. S. 428]. Эта информация вошла и в «Словарь словацких диалектов»: *Grgalica*, f — сказочный персонаж, душащий в лесу людей (Словенска Люпча, Б.-Быстр.) [73. S. 509]. Упомянут мифоним также в «Этнографическом атласе Словакии» без ближайших сведений в форме *Grgalica* [57. S. 84. Мапа 9].

Таким образом, *грғалица* — это лесная демоница большого роста, издающая протяжные крики и губящая людей. Все эти признаки, как и традиционно большие груди, забрасываемые за спину, не являются специфическими и принадлежат большому числу персонажей—лесных демонов.

Морфологически термин *grgolica* является производным с суффиксом носителя признака женского рода *-ica* (ср. словацкие демоницы *Slnečnica*, *Nočnica*, *Štvrtnica*) от основы *grgol-/grgal-*, образованной, в свою очередь, от корня ⁺*grg-*, имеющего общеславянское распространение и множество значений в связи с яркой звукоподражательностью. Регион Средней Словакии, где зафиксирована лексема, характеризуется непрерывным славянским континуитетом с VIII—IX вв., что не отменяет различных влияний со стороны других славянских языков и диалектов (польских, украинских, моравских, южнославянских), а также венгерского языка, поэтому целесообразно рассмотреть все возможные лексемы с фонетическим комплексом *grg-* и разной семантикой.

Звуковая семантика:

**gǫrgati*: макед. *grga* ‘литься, хлестать’, *grgati* ‘полоскать горло’; словен. *grgati* ‘клокотать’, ‘ворковать’; чеш. диал. *grgať* ‘рыгать’; словац. *grgať* ‘рыгать’; рус. диал. *гѳргать* ‘стучать’ (вологод.), *гаркѳть* ‘бить’ (арх.), *гѳргать* ‘стучать, греметь; урчать’ (вологод.), *гыргать* ‘стучать’ (волог.), ‘напевать, разговаривать с самим собой’ (перм.); бел. диал. *гяргаць* ‘кричать, гоготать’. Экспрессивный вариант к **gǫrkati* [50. Вып. 7. С. 208]; укр. *герготати*, *герготати* ‘кричать (про гусей, индюков), гоготать, говорить непонятным языком’ (звукоподражательное) [11. С. 498–499]; укр. гуцул. *гарагѳнити* ‘грубо кричать’ [26. С. 42], *горготати* ‘ворковать’ [26. С. 44]; морав. *grgať*, *grgnŭť* ‘рыгать’, *grgŭň* ‘храпун, прозвище мужикам, которые рыгают’, *grgan* ‘непослушный ребенок’ [51. S. 85]; морав. *gargol*, *grgol*, м. ‘горло’ [54.Т. 10. S. 75]; рус. вят. *горкалить* ‘звать куда-либо, созывать’, *гаркать* ‘звать кого-либо’, *гаркалаиха*, *гаркалиха*, *гаркуша* ‘лесная сова, филин’ [25. С. 31].

Семантика высокорослости, большого размера: укр. *горгѳля* ‘высокий человек’, *горгѳня* ‘очень высокая женщина’ [11. С. 563], *гаргѳра* ‘великорослая девица, женщина’, *гарген’а* ‘высокорослая женщина’, *гарѳна* ‘кляча, большой конь’, ‘большая корова’, ‘женщина мощного телосложения’, *гарана* ‘большая, неуклюжая женщина’, *гаргара* ‘большая, грязная, пустая комната’, ‘большая, плохо обставленная комната’, ср. бел. *гаргара* ‘громоздкая, неповоротливая речь’ [46. С. 89]; бел. *гаргѳра*, м. и ж. экспр. большой, нескладный человек (ок. Любчи, гроднен.) [45. С. 57].

Семантика нескладности, длинношеести: укр. диал. *гергель* ‘гусак большой породы’, *гѳргель* ‘то же’, ‘человек с длинной шеей’, *гѳргуль* ‘неуклюжий человек с длинной шеей’ [11. Т. 1. С. 498]; укр. *горгѳли*, *-лѳв* ‘суковатое дерево’ [26. С. 44].

Семантика изогнутого, сгорбленного, округлого: болг. *грѳгуля* ‘тыква’, *грѳгулявый* ‘горбатый’; макед. *грѳгуле* ‘вид тыквы, кабачок’, *грѳгулав* ‘горбатый’; с.-х. *грѳгуля*, *грѳгульица*, *грѳгульица* ‘завиток, прядь’; словац. *grgul’a* ‘подкладка под волосы у женщин’, ‘вид женской народной прически’; рус. диал. *гурѳгуля* ‘шишка, нарост на теле’. Экспрессивное образование от **gǫrgati* и **gug(ъ)la* [50. Вып. 7. С. 209]; морав. ганац. *grgul’ena* = *gargul’a* ‘свадебный чепец’ [51. S. 81]; болг. *гѳргѳня* ‘сгорбивший человек’, *зѳргѳгорил се*, *зѳргѳгушил се* ‘о сильно постаревшем человеке’ [6. С. 302].

Параллельной фонетической формой корня *grg-* является *krk-* (обе экспрессивные), ср. выше: *krkolica*. О подобном чередовании говорит также Л. Кралик: *grcat’* ‘груб. ‘рвать, блевать’ — с экспрессивной заменой *kr > gr*, диал. *krcat’*, соотносящегося с праслав. **kǫrkati*, также глаголом звукоподражательного вида [66. S. 185]. Тогда в качестве производных можно рассматривать также продолжения звукоподражательного глагола *krkati*: ‘рыгать, каркать (о воронах, а также о жабах и курах)’; ст.-чеш. также насмешливо о ругани; морав.-словац. *krkotat’* ‘кричать (о жабах)’; морав.-слов. *krkŭň* ‘ворон’, в р-не морав. Кийова *krkoš* — вероятно, ‘сыч’. Также словац. *krkat’* ‘издавать звуки (о жабах, о ворчании в желудке)’ [68. S. 293].

С наибольшей вероятностью мифоним *grgalica/grgolica* мотивирован глаголом *grgať/krkať* с широкой звуковой семантикой: кричать в лесу (каркать, квакать и под.), издавать гортанные звуки. То есть мифоним может означать что-то вроде ‘кричащая, горлопанка’ или даже ‘горластая’ (если от *grgol* ‘горло’). Такие номинации, связанные со звуковым поведением демона,

не редки в разных славянских традициях: з.-словац. *tumulák* < *tumu-tumu!*; чеш. *hejkal* < *hej!* 'ау! эй!'; пол. кашуб. *hophop* < *hop* 'ау!'; рус. *бука* < *букать* 'реветь, жужжать', *гаркун* < *гаркать* 'кричать, звать', вологод. *черандак* 'злой дух' < *чорандать* 'журчать' и т.п.) [47. С. 86, 117–118].

Мифоним *grgalica* образован, возможно, от *l*-ового причастия глагола *grgat'* с помощью суффикса *-ic-*. Аналогия² могут составить словац. *topelec* < *topit'* 'топить' (букв. 'утопший'), пол. *latalec* < *latać* 'летать' (букв. 'летающий') с фонетическим вариантом *latawiec*. Бессуффиксальные формы демонимов представлены в чешском: *hejkal* < *hejkat* 'кричать' («крикун», ср. популярность чешских и словацких фамилий типа Поспишил, Навратил, Махал, Мигал), кашуб. *srel*, *srela* < *srać* («сраль») — демон, который приносит в дом навоз, превращающийся в золото [28. С. 35]. Возможно, под влиянием отглагольных образований произошла альтернация *n* ~ *l* и в отадективных наименованиях, например *nocnica* (< *nocny* 'ночной') → *noclica*). Вариант имени с *o* (*grgolica*) можно было бы объяснить влиянием субстантива *grgol* и под.

Название демона вобрало в себя и семантику однокоренных и созвучных слов, отчего невидимый, только слышимый МП (это довольно распространенная группа персонажей на Карпатах) приобрел телесные признаки: огромный рост, длинношеесть, схожесть с деревом, ср. укр. *горго́ли* 'суковатое дерево'. Перенос на *ерголицу* других стандартных родовых признаков лесных демонов (затягивание в болото, большие груди, которые она использует и как орудие удушения) является совершенно обычным в разных традициях.

Труднее решить вопрос, соотносится ли, и как, словац. *ерголица/грғалица* с гуцул. *гаргон* 'дьявол, властитель ада', которое «зафиксировано, как кажется, только в "Гуцульщине" В. Шухевича и в "Галицько-руських народних легендах" В. Гнатюка (1902, 253)»; признавая происхождение лексемы *гаргон* непонятным, Н. Хобзей допускает ее соотношение со словами, обозначающими высокорослых людей и большие предметы [46. С. 88–89]. Кроме того, в эсхатологических легендах украинцев Карпат сатана называется *злым, Иродом*, а также *Горганом* [5. С. 22].

Созвучие этих мифологических имен с названием горных хребтов на внешней полосе Украинских Карпат — укр. *Горғани* — потребует для объяснения уже специального изучения этимологии оронимов Карпат.

Второй короткий эпизод — о *Бендуше*, персонаже, известном, кажется, только из одной информации — публикации полевых записей экспедиции Отделения религионистики кафедры этнологии философского факультета Университета Я.А. Коменского в Братиславе в 1998 г. [64]. Это было полевое исследование области Белых Карпат на западе Словакии (от Тренчина до Пухова), всего 25 сел, лежащих на словацко-моравском пограничье. Записи снабжены комментарием.

² О суффиксах *-ic-*, *-ik-*, *-bc-*, *-bk-* см. специальную статью [31], в которой разбираются различные взгляды на происхождение, вариативные соотношения, значения суффикса *-ic-*. Для нашей темы важно, что Ф. Славский определял функцию *-ic-* не только как деминутивную, но и — хоть и по исключению — как «субстантивирующего форманта для прилагательных»; а Ж.Ж. Варбот говорит о вариативности суффиксов *-ic-* : *-bc-* (также как и *-ik-* : *-bk-*). В старославянских памятниках у рассматриваемого форманта обнаруживается значение уменьшительности и предметности, а учитывая параллелизм суффиксов *-ic-* : *-bc-* можно предположить для первого также и значение лица (31. С. 268, 270).

Рис. *Bendúš* из Червеного Камня, Западная Словакия, 1998 г. [64. S. 182].

ка (*Didko*). Он толстел зимой, чем вызывал всеобщий недостаток (поэтому был также синонимом полноты). Уникальным мы считаем то, что это слово в селе сохранилось как шутовское название полного мужчины. Предполагаемые ритуалы, связанные, вероятно, с приходом весны, имели характер вызывания плодородия. По аналогии можно сказать, что первоначально фигурку *Бендуша* клали лицом вниз на весенний луг и били его палкой, что имитировало его соитие с землей. То, что он набрал за зиму, должен был магически перенести на будущий урожай. Этот ритуал под влиянием христианства постепенно изменился и превратился в молодежные игры на открытом воздухе, при которых фигурки Бендушей сбивали палкой. Со временем исчезли и игры на лугу, реликт которых мы застали в виде рассказа о них, и фигурки *Бендуша*» [64. S. 181–182].

Поскольку это единственная информация о бендуше, то, оставляя в стороне реконструкцию *бендуша* как божества, сразу приступим к лингвистическому анализу термина.

Слова, наиболее близкие генетически: словац. *bendek* ‘толстый, коренастый парень’ (Бошаца, з.-словац.) [72. S. 16], морав. *benda m* ‘толстый мужчина’ [51. S. 15], валаш. *benda* ‘толстый мужчина’ [63. S. 12], чеш. *bendík m* ‘толстый человек’ (ок. Тршебонина) [54. Т. 5. S. 968]. С идеей просперативности, но с отрицательным знаком, связаны значения: чеш. *benda f* = ‘яловка, нетелившаяся корова’ (ок. Черновиц у Тавора), *bendička f* ‘яловка’ [54. Т. 5. S. 968]. Сюда же: *benditi i banditi*: позволять себе много хорошей еды и питья в веселой компании. Неясное. Е. Балецкий связывает его с укр. *бендюх* и т.д. (см. [68. S. 51]).

Особняком стоят словац. *bendečít* ‘бранить’ [54. Т. 9. S. 11], *benditi* ‘расточительно тратить, транжирить’ [54. Т. 5. S. 968]. Хотя на глубоком когнитивном уровне их можно связать как с бесплодностью (ср. словац. *potrat* ‘выкидыш’),

Bendúš (m) упоминается информанткой Мартой Якубковой в связи с весенней детской игрой типа городков. *Бендуша* ставили на луг, на полянку, шагов за 30, и бросали в него палкой, стараясь сбить – кто быстрее (ловчее) и больше раз собьет его, тот и выиграл. Фигурка могла быть разной величины (большую труднее было сбить, потому что она была толстой – «наверное, поэтому его [Бендуша] так и называли», – считает информантка), ей рисовали лицо. Игру с *Бендушем* пани Якубкова называет очень старой (Червеный Камень, зап. М. Ковач, Д. Дьюришичова, Т. Бужекова) [64. S. 181]. Фигурка имела фаллическую форму, судя по опубликованной фотографии, около 30 см высотой и около 7 см в диаметре.

В комментарии к этой информации автор статьи пишет: «*Bendúša* на основе иконографии и других намеков мы идентифицировали как локальный вариант зимнего Перуна (*Perún*), или Дидка (*Didko*).

так и с обжорством, как это понималось в традиционном крестьянском обществе. Л. Кралик этимологизирует глаголы *bendit si*, *bandit* ‘хорошо есть и пить, пировать, жить на широкую ногу’ как производные от *Benda*, краткой формы имени библейского персонажа Вениамина (*Benjamin*), младшего сына патриарха Иакова, избалованного ребенка [65].

По другой версии *Benda* и *Bendik* – сокращенные формы от имени Бенедикт (*Benedikt*) [54. Т. 8. S. 14].

Семантику толстого, пузатого, сытого, брюхатого продолжает русин. *бeндюг* ‘брюхо, пузо’ [20. Т. 1. С. 71], укр. *бeндюх* 1) ‘брюхо’ (угор.). 2) диал. *бeндюхи* = *колішня* (‘двухколесный передок плуга’) [29. С. 49]. А семантику деревянного полена, обрубка продолжает укр. *бeндюга* – 1) ‘ветка’; 2) ‘бревно, посредством которого ветряная мельница поворачивается’ (харьков.); 3) ‘каждая из жердей, которые кладут на воз для укладки на них снопов: две вдоль, а две поперек’ (харьков.) [29. С. 49].

Видоизмененную семантику соития, правда, с негативной оценкой и в явно не обрядовой форме, видим в *бeндюжина* ‘проститутка, развратница’ (волын.); *бeндюжний* 1) ‘относящийся к распущенности’, 2) ‘скверный, нечестный’; *Ходить як бeндюжна* (Ходит как бесчестная, распутная женщина) [29. С. 49].

Ряд чешских названий брюха (уничижительно) и толстого человека приводит словарь В. Махека: *panděro*, *pandur*, *bandur*, *beňďúr*, *bandor(ec)*, *bator*, *baňďoch* и признает их происхождение неясным. Ближе всего к этому слову стоит латыш. *penderis* (–*dēris*) ‘желудок, живот’, пол. диал. *bandzioch*, рус. *pěndjuch*, укр. *bendjüh* ‘брюхо’, близко и нем. диал. *Panze(n)* ‘желудок’ и венг. *bendő* ‘подбрюшье’ [68. S. 432].

В качестве производящего для *Benduš* можно принять корень *bend-* со значениями ‘брюхо; толстый; много кушать’, к которому присоединен диминутивный суффикс *-uš*, часто оформляющий сокращенные имена личные и прозвища, ср. *Matuš* < *Matej*, *Beluš* < *bielý* ‘белый’, ‘кличка белого коня’, *holuš* < *holub* ‘слово для подзывания голубей’, *Vladuš* < *Vladimír*, *Betuša* < *Alžbeta*, *Antuš* < *Anton*, но и апелятивы: *matuška* < *mať* и под. Этот суффикс и придает *Benduš*-у характер личного имени (вроде Брюхан, Брюшкó), совпадающего, к тому же, с краткой формой имени Бенедикт, и подкрепленному антропоморфным видом поленца.

Сам корень *bend-* этимологи признают либо заимствованным [68. S. 432], либо неясным: укр. *бeндю́х* ‘пузо’, *бeндю́г* ‘желудок’, *бeндюх* ‘низкий пузатый человек’, рус. *пендюх* ‘пузо’, пол. *bandzioch*, чеш. *beňďúr*, *baňďoch* ‘пузо’; возможно, сюда же укр. *ба́ндури* ‘внутренности’, чеш. *bandur* ‘пузо’, *pandur* ‘пузо’ – происхождение неясно, возможно, контаминация *бeмбух* (*бáмбұх*) и *кeндюх*; из других языков наиболее близкие венг. *bendő* ‘пузо’ и лит. *penderis* ‘желудок, пузо’, оба без надежной этимологии [11. С. 166–167]. Слово отсутствует в [50]. Очень вероятно его заимствование из тюркских языков (булгарских), ср. фонетически близкое венгерское слово (см. [8. С. 259]).

Как видно из приведенного материала, наиболее близкие к *Benduš*-у по форме и значению слова зафиксированы в Моравии, в том числе конкретно в Валахии, связанной, как известно, с валашской колонизацией и воспринявшей немало восточнославянских слов. Поэтому можно говорить о восточнославянском (украинском) векторе распространения слова. В историческом словаре чешского языка [58] слово отсутствует, хотя и в историческом словаре

украинского языка находим лишь *бендюга*, *бендюг* в значении ‘место на берегу реки для складывания дерева, предназначенного для сплава баржами’, пол. *binduga*, ст.-пол. *winduga*, нем. *Windwagen* [30. С. 73].

Поскольку этимология слова и его связи остаются неясными, не будет выглядеть совсем бесосновательным обращение к созвучному литовскому названию божества *Bentis* (**Bendys*?). «Я. Ласицкий в *De Diis*, к сожалению, очень краток: “[...] о Бентисе верят, что он способствует тому, чтобы двое или несколько человек одновременно отправились в путь”. Маннхарт предлагает в качестве исходной формы ⁺*Bendys*, которая опирается на лит. *bendras* ‘всеобщий, общий; друг, компаньон’ с точным соответствием в латыш. *biedrs* ‘друг, участник, компаньон’. Можно еще добавить лит. *bañdžius* ‘участник, компаньон, партнер, приятель’, все производные от и.-е. **bhendh-* ‘связывать, соединять» [52. S. 42]. Чисто гипотетически можно представить себе развитие этого и.-е. корня в славянском, в том числе и в обрядовых и мифологических контекстах, учитывая, что слово *соединять* может иметь и сексуальные значения, особенно в весенней просперативной магии, впрочем, так же, как и *бить* (см. [24]), если иметь в виду сбивание *бендуша* палками.

Так выглядит происхождение двух словацких мифологических терминов со стороны этнолингвистики. И рассмотренные выше, и многие другие, подвергавшиеся этимологизации, или нет, термины из области славянской мифологии ждут прояснения своей истории и происхождения.

Продолжая работу в этом направлении, важно помнить, что не только «язык сохраняет культуру и служит источником культурной информации», но «и культура, культурные контексты способны хранить и развивать смыслы, утраченные языком, и, следовательно, могут служить источником семантической реконструкции» [32. С. 395], в том числе при этимологизации мифологических слов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бјелетић М.* Духовна култура словена у светлу етимологије: јсл. (х)ала // *Dzieje Słowian w świetle leksyki. Pamięci profesora Franciszka Ślawskiego / pod red. J. Ruska, W. Borysia, L. Bednarczuka.* Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2002. S. 76–82.
2. *Бјелетић М.* Јужнословенска лексика у балканском контексту. Лексичка породица именице хала // *Balkanica XXXIV.* Београд, 2004. С. 143–155.
3. *Белетич М.* Из фолклорно-мифологической лексики (блаза и блазна) // *Этимология 2003–2005 / отв. ред. Ж.Ж. Варбот.* М.: Наука, 2007. С. 12–22.
4. *Белетич М., Лома А.* Сон, смерть, судьба. Наблюдения над прасл. **mora*, **mara* // *Slavica Svetlanica. Язык и картина мира: К юбилею С.М. Толстой.* М.: Индрик, 2013. С. 56–75.
5. *Белова О.В.* «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды. М.: Индрик, 2004. 575 с.+ илл.
6. *Български етимологичен речник. Т. 1 / съст. Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев.* София: Издателство на българската академия на науките, 1962. 562 с.
7. *Валенцова М.М.* Этнолингвистический комментарий к этимологии слова упырь // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. IV. Этимология.* М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2015. С. 101–125.
8. *Добродомов И.Г.* Из болгарского вклада в славянских языках I // *Этимология 1967.* М.: Наука, 1969. С. 252–270.
9. *Добродомов И.Г.* Этимология и историческая лексикология (к изучению болгарских заимствований в славянских языках) // *Этимология 1979.* М.: Наука, 1981. С. 75–84.
10. *Дукова У.* Наименования демонов в болгарском языке / Отв. ред. И.А. Седакова. М.: Индрик, 2015. 247 с.
11. *Етимологічний словник української мови.* Київ: Наукова думка, 1982. Т. 1. 634 с.

12. Иванов Вяч. Вс. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т. 34. № 5. С. 394–408.
13. Иванов Вяч. Вс. К балкано-балто-славяно-кавказским параллелям // Балканский лингвистический сборник. М.: Наука, 1977. С. 143–164.
14. Иванов Вяч. Вс. Дialeктные членения славянской языковой общности и единство славянского языкового мира // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982. С. 212–236.
15. Иванов Вяч. Вс. О соотношении этимологии и реконструкции текста // Этимология / отв. ред. О.Н. Трубачев. М.: Наука, 1984. С. 66–70.
16. Иванов Вяч. Вс. Балканские имена «вурдалака» и их происхождение // Terra Balkanica / Terra Slavica. К юбилею Т.В. Цивьян. Балканские чтения 9. М.: Институт славяноведения, 2007. С. 70–79.
17. Иванов Вяч. Вс. Развитие *(-)tl-, *(-)dl- > (-)kl-, (-)gl- в циркумбалтийской языковой зоне и диалектное членение праславянского // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2008. С. 249–275.
18. Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. К реконструкции праславянского текста // Славянское языкознание. Доклады. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 88–157.
19. Ильинский Г. Юда (Страничка из славянской мифологии) // Сборник в честь на проф. Л. Милетич за семидесятигодишната от рождението му (1863–1933). София: Македонский научен институт, 1933. С. 467–474.
20. Керча И. Русинско-русский словарь. В 2-х т.. Ужгород, 2007.
21. Колева-Златева Ж. Размышления о парадоксах этимологии // Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. Slavica XLI. 2012. S. 95–105.
22. Крегждис Р. Этимология русс. диал. *анчутка* // Acta Baltico-Slavica. 2011. Т. 35. S. 131–141.
23. Лома А. Вила – олицетворенное неистовство или что-то другое? // Etymological Research into Old Church Slavonic. Proceedings of the Etymological Symposium. Brno, 9–11 September 2014 / eds. I. Janyšková, H. Karlíková (= Studia etymologica Brunensia 18). Praha: Lidové noviny, 2015. S. 245–269.
24. Морозов И.А., Толстой Н.И. Бить, битье // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 177–180.
25. Областной словарь вятских говоров / под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Киров: Вятский ГГУ, 2004. Вып. 3. 199 с.
26. Піпаш Ю., Галас Б. Матеріали до словника гуцульських говірок. Косівська Поляна і Росішка Рахівського району Закарпатської області. Ужгород: Ужгородський національний університет, 2005. 266 с.
27. Рачева М. К историко-этимологическому изучению названия вампира в болгарском и сербохорватском языках // Этимология 1994–1996 / отв. ред. О.Н. Трубачев. М., Наука, 1997. С. 84–95.
28. Санникова О.В. Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении: дисс. ... канд. филол. наук / Институт славяноведения РАН. М., 1990. 378 с.
29. Словарь української мови. Упорядкував з додатком власного матеріалу Б. Гринченко. В 4-х т. Т. 1. Київ, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 1996.
30. Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. Вип. 2. Львів, 1994. 151 с.
31. Станков Р. Суффикс *-ic-ь* в славянских языках // Славянской и балканское языкознание. Вып. 20. Палеославистика-3 / отв. ред. В.С. Ефимова. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 261–283. DOI: 10.31168/2658–3372.2020.1.13
32. Толстая С.М. Культурная семантика и этимология // Studia etymologica Brunensia 3. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference Etymologické symposium Brno 2005, pořádané etymologickým oddělením Ústavu pro jazyk český AV ČR v Brně ve dnech 6.–8. září 2005 / eds. I. Janyšková, H. Karlíková. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2006. S. 385–398.
33. Толстая С.М. Нижнелужицкая *chódota: имя и персонаж // Zeszyty łuzkie. Т. 47. Etymologia i kultura. Warszawa, 2013. S. 39–49.
34. Толстая С.М. Чеш. *nádcha, náčha, nátk* и их инославянские параллели // Etymological Research into Czech. Proceedings of the Etymological Symposium Brno 2017, 12–14 September 2017, Brno / Ed. by I. Janyšková, H. Karlíková & V. Boček. Praha: Lidové noviny, 2017. S. 391–400.

35. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
36. Топоров В.Н. Еще раз о некоторых теоретических аспектах этимологии // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянских культур, 2004. Т. 1. С. 41–47.
37. Топоров В.Н. Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера // Этимология 1967. Материалы Международного симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии». 24–31 января 1967 г. М.: Наука, 1969. С. 11–21.
38. Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 4. Балтийские и славянские языки. Кн. 1. М.: Языки славянских культур, 2010. 415 с.
39. Топоров В.Н. Хеттская ^{SAL}ŠU.GI и славянская баба-Яга // Институт славяноведения. Краткие сообщения. 38. Славянское языкознание. 1963. С. 28–37.
40. Трубачев О.Н. Две болгарские этимологии. *Самодъва. Момчил* // Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь 60-летия проф. С.Б. Бернштейна. М.: Наука, 1971. С. 458–465.
41. Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 2. С. 25–102.
42. Трубачев О.Н. Лингвистическая география и этимологические исследования // Вопросы языкознания. 1959. № 1. С. 16–33.
43. Трубачев О.Н. Мысли о дохристианской религии славян в свете славянского языкознания (по поводу новой книги: Leszek Moszyński. Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft. Köln; Weimar; Wien. Böhlau Verlag. 1992) // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 3–15.
44. Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. Ч. 1. Принципы этимологических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 25–190.
45. Усціновіч Г. Антрапанімія Гродзеншчыны і Брэстчыны (XIV–XVIII стст.). Мінск: Навука і тэхніка, 1975. 176 с.
46. Хобзей Н. Гуцульська міфологія. Етнолінгвістичний словник. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2002. 215 с.
47. Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1983. 169 с.
48. Черепанова О.А. Древняя культура Северного Причерноморья и исторические корни славянского образа бабы-Яги // Международная конференция «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры. В чтения памяти академика О.Н. Трубачева. Алушка. 25–30 сентября 2008 года. Киев–Москва: Национальная Академия наук Украины, Институт языковедения НАНУ, Институт украинского языка НАНУ, Киевский славистический университет, Алушкинский государственный дворцово-парковый музей-заповедник, Российская Академия наук, Институт славяноведения РАН, Институт русского языка РАН, ИНИОН РАН, Государственная Академия славянской культуры, Государственный институт им. Е.Р. Дашковой, Фонд академика О.Н. Трубачева «Славянский мир», 2008. С. 210–213.
49. Шустер-Щевц Х. В.-луж. *wjera, wjerbaba* ‘buschweiß, ведьма’ — неисследованный славянский лексический архаизм // Этимология 1975. М.: Наука, 1975. С. 64–67.
50. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / отв. ред. О.Н. Трубачев. М.: Наука. 1980. Вып. 7. 224 с.; 1988. Вып. 15. 263 с.
51. Bartoš F. Dialektický Slovník moravský. Praha: Nákladem České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1906. 566 s.
52. Beťáková M., Blažek V. Encyklopedie baltské mytologie. Praha: Libri, 2012. 288 s.
53. Borissoff C.L. Non-Iranian origin of the Eastern-Slavonic god Xürsü/Xors* // *Studia mythologica slavica*. XVII. 2014. S. 9–36.
54. Česko-německý slovník *Fr. Št. Kotta*: <http://kott.ujc.cas.cz/> (доступ 2.04.2021).
55. *Dźwigoł Renata*. Polskie ludowe słownictwo mitologiczne. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2004. 224 s.
56. Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. [Bratislava]: Veda, 1995. Т. 1. 455 s.
57. Etnografický atlas Slovenska: Mapové znázornenie vývinu vybraných javov ľudovej kultúry / Edbyh S. Kovačevičová, B. Filová. Bratislava: Veda, 1990. 123 s.
58. *Gebauer J.* Slovník staročeský. Díl 1. Praha, 1903. 674 s.
59. *Iľjinskij G.* Slovenské etymologie // *Sborník Matice Slovenskej*. Turčiansky Sv. Martin: Nákladem Matice Slovenskej. 1924. Roč. 2. Sošit 3. S. 97–100.

60. Ivanova E. V. The Problem of Mysteriousness of Baba Yaga Character in Religious Mythology // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 12. 2013. № 6. P. 1857–1866.
61. Jakubowicz M. Sposoby wykorzystania etnolingwistyki w badaniach etymologicznych // Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury 32. 2020. S. 7–19.
62. Kalál K. a M. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Slovensko-český diferenciálny. Na základe slovníkov, literatúry aj živej reči spracovali Kar. Kálal a Mir. Kálal. V Banskej Bystrici: Tlačou Slovenskej Grafie, 1923. 1002 s.
63. Kazmír Š. Slovník valašského nářečí, valašsko-český. Díl 1. Zlín, 2012 (дата обращения: 30.04.2021). URL: <https://drive.google.com/file/d/0B3POlwUY2zsSjhWbVd1MXBrem8/view>.
64. Kováč M. Ostrá Hora plná mora a iné príbehy ľudovej viery a mágie zo severu Bielych Karpát // Hieron. Religionistická ročenka. III. [Bratislava], 1998. S. 144–182.
65. Králik L. K etymologii slovesa *bendit* (*si*), *bandit* // Naše řeč. Roč. 89. 2006, č. 1. S. 54–55. URL: <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=7878>
66. Králik L. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: Veda, 2015. 704 s.
67. Králik L. Zo slovenskej mytologickej lexiky: *Hariani* // Studia etymologica Brunensia 2. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference Etymologické symposium Brno 2002, pořádané etymologickým oddělením Ústavu pro jazyk český AV ČR v Brně ve dnech 10.–12. září 2002 / eds. I. Janyšková, H. Karlíková. Praha: Lidové noviny, 2003. S. 301–306.
68. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. [Praha]: Lidové noviny, 2010. 868 s.
69. Mičátek L.A. Diferenciálny Slovensko-Ruský slovník s troma prílohami a skrátená mluvnica slovenského jazyka. Turčiansky sv. Martin, 1900. 115 s.
70. Mihál J. Zo slovníka nárečia Slovenskej Lupče a okolia // Sborník muzeálnej Slovenskej spoločnosti. Roč. XIX. Č. 3. Jazykoveda. Turčiansky Sv. Martin: Kníhtlačiarstvo-účastinársky spolok, 1941. S. 420–455.
71. Popowska-Taborska H. Kłopoty ze słowiańskim upiorem // Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М.: Индрик, 1999. С. 373–378.
72. Rizner L. V. Dialektický slovník bošácký. Rukopis z roku 1896 (726 rkp. s.), uložený v Literárnom archíve Slovenskej národnej knižnice v Martine, Slovensko.
73. Slovník slovenských nářečí / Red. I. Ripka. Bratislava: Veda, 1994. D. 1. 933 s.
74. Stachowski K. Wampir na rozdrożach. Etymologia wyrazu upiór – wampir w językach słowiańskich // Rocznik Sławistyczny. 2005. T. LV. S. 73–92.
75. Stachowski K., Stachowski O. Possibly oriental elements in Slavonic folklore. Mamuna (Part 1) // Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis 134. 2017. P. 97–102.
76. Stachowski M. Polskie *dunder* // LingVaria VI. 2011. № 1 (11). S. 205–211.
77. Waniakowa J. Etymologia a etnolingwistyka: różne metodologie – wspólny cel // Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury 32. 2020. S. 21–34.

REFERENCES

- Bartoš F. *Dialektický Slovník moravský*. Praha, Nákladem České akademie cisáře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1906, 566 p.
- Beletich M. Iz fol'klorno-mifologičeskoj leksiki (blaza i blazna). *Etimologija 2003–2005*, otv. red. Zh. Zh. Varbot. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 12–22. (In Rus.)
- Beletich M., Loma A. Son, smert', sud'ba. Nabljudenija nad prasl. **mora*, **mara*. *Slavica Svetlanica. Jazyk i kartina mira: K jubileju S.M. Tolstoj*. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 56–75. (In Rus.)
- Belova O. V. «Narodnaja Biblija»: Vostochnoslavjanskije jetiologičeskie legendy. Moscow, Indrik Publ., 2004, 575 pp.+ ill. (In Rus.)
- Beřáková M., Blažek V. *Encyklopedie baltské mytologie*. Praha, 2012, 288 p.
- Bjeletić M. Duhovna kultura slovena u svetlu etimologije: jsl. (*h*)*ala*. *Dzieje Słowian w świetle leksyki. Pamięci profesora Franciszka Ślawskiego*, pod red. J. Ruska, W. Borysia, L. Bednarczuka. Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2002, pp. 76–82. (In Serbian).
- Bjeletić M. Južnoslovenska leksika u balkanskom kontekstu. Leksička porodica imenice *hala*. *Balcantica XXXIV*. Beograd, 2004, pp. 143–155. (In Serbian).
- Borisoff C. L. Non-Iranian origin of the Eastern-Slavonic god Xürsü/Xors*. *Studia mythologica slavica*, XVII, 2014, pp. 9–36.
- Bŭlgarski etimologičen rechnik*. T. 1, süst. Vl. Georgiev, Iv. Gŭlŭbov, J. Zaimov, St. Ilchev. Sofiia, Izdatelstvo na bŭlgarskata akademiia na naukite, 1962, 562 p. (In Bulg.)

- Česko-německý slovník Fr. Št. Kotta. Available at: <http://kott.ujc.cas.cz/> (доступ 2.04.2021).
- Cherepanova O.A. *Mifologičeskaja leksika Russkogo Severa*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1983, 169 p. (In Rus.)
- Cherepanova O.A. Drevnjaja kul'tura Severnogo Prichernomor'ja i istoričeskie korni slavjanskogo obraza baby-Jagi. *Mezhdunarodnaja konferencija «Severnoe Prichernomor'e: k istokam slavjanskoj kul'tury*. V čtenija pamjati akademika O.N. Trubacheva. Alupka. 25–30 sentjabrja 2008 goda. Kiev; Moskva, Nacional'naja Akademija nauk Ukrainy, Institut jazykovedenija NANU, Institut ukraïnskogo jazyka NANU, Kievskij slavističeskij universitet, Alupkinskij gosudarstvennyj dvorcovo-parkovyj muzej-zapovednik, Rossijskaja Akademija nauk, Institut Slavjanovedenija RAN, Institut russkogo jazyka RAN, INION RAN, Gosudarstvennaja Akademija slavjanskoj kul'tury, Gosudarstvennyj institut im. E.R. Dashkovej, Fond akademika O.N. Trubacheva «Slavjanskij mir», 2008, pp. 210–213. (In Rus.)
- Dobrodomov I.G. Etimologija i istoričeskaja leksikologija (k izučeniju bulgarskih zaimstvovanij v slavjanskich jazykah). *Etimologija* 1979. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 75–84. (In Rus.)
- Dobrodomov I.G. Iz bulgarskogo vkladu v slavjanskich jazykakh I. *Etimologija* 1967. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 252–270.
- Dukova U. *Naimenovanija demonov v bolgarskom jazyke*, otv. red. I.A. Sedakova. Moscow, Indrik Publ., 2015, 247 s. (In Rus.)
- Dźwigoł Renata. *Polskie ludowe słownictwo mitologiczne*. Kraków, Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2004, 224 p.
- Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska*. [Bratislava], Veda, 1995, t. 1, 455 p.
- Etimologičeskij slovar' slavjanskich jazykov. Praslavjanskij leksičeskij fond*, otv. red. O.N. Trubachev. Moscow, Nauka Publ., vyp. 7, 1980, 224 p.; vyp. 15, 1988, 263 p. (In Rus.)
- Etnografický atlas Slovenska: Mapové znázornenie vývinu vybraných javov ľudovej kultúry*, eds. S. Kovačevićová, B. Filová. Bratislava, Veda, 1990, 123 p.
- Etyimologičnyj slovnyk ukraïns'koï movy*. T. 1. Kyïv, Naukova dumka Publ., 1982, 634 p. (In Ukr.)
- Gebauer J. *Slovník staročeský*. Díl 1. Praha, 1903, 674 p.
- Il'inskij G. Juda (Stranichka iz slavjanskoj mifologii). *Sbornika v chest' na prof. L. Mileticha za sedemdesetgodišnana ot roždenieto mu (1863–1933)*. Sofiia, Makedonskii nauchen institut Publ., 1933, pp. 467–474. (In Rus.)
- Ilijinskij G. Slovenské etymologie. *Sborník Matice Slovenskej*. Turčiansky Sv. Martin, Nákladom Matice Slovenskej, 1924, roč. 2, sošit 3, pp. 97–100.
- Ivanov Vjach. Vs. Balkanskie imena «vurdalaka» i ih proishozhdenie. *Terra Balkanica / Terra Slavica. K jubileju T.V. Civ'jan*. Balkanskie čtenija 9. Moscow, Institut slavjanovedenija Publ., 2007, pp. 70–79. (In Rus.)
- Ivanov Vjach. Vs. Dialektnye chlenenija slavjanskoj jazykovoj obshhnosti i edinstvo slavjanskogo jazykovogo mira. *Razvitie etničeskogo samosoznania slavjanskich narodov v epohu rannego srednevekov'ja*. Moscow, Nauka Publ., pp. 212–236. (In Rus.)
- Ivanov Vjach. Vs. K balkano-balto-slavjano-kavkazskim paralleljam. *Balkanskij lingvističeskij sbornik*. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 143–164. (In Rus.)
- Ivanov Vjach. Vs. O sootnoshenii etimologii i rekonstrukcii teksta. *Etimologija*, otv. red. O.N. Trubachev. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 66–70. (In Rus.)
- Ivanov Vjach. Vs. Razvitie *(-)tl, *(-)dl- > (-)kl-, (-)gl- v cirkumbaltskoj jazykovoj zone i dialektnoe chlenenie praslavjanskogo. *Slavjanskoe jazykoznanie. XIV Mezhdunarodnyj s"ezd slavistov. Ohrid, 10–16 sentjabrja 2008 g. Doklady rossijskoj delegacii*. Moscow, Indrik Publ., pp. 249–275. (In Rus.)
- Ivanov Vjach. Vs. Rekonstrukcija indoevropskikh slov i tekstov, otrzhajushhiih kul't volka // *Izvestija AN SSSR. Serija literatury i jazyka*, 1975, t. 34, № 5, pp. 394–408. (In Rus.)
- Ivanov Vjach. Vs., Toporov V.N. K rekonstrukcii praslavjanskogo teksta. *Slavjanskoe jazykoznanie. Doklady*. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1963, pp. 88–157. (In Rus.)
- Ivanova E.V. The Problem of Mysteriousness of Baba Yaga Character in Religious Mythology. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 12. 2013, № 6. pp. 1857–1866.
- Jakubowicz M. Sposoby wykorzystania etnolingwistyki w badaniach etymologicznych. *Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury*. 32 (2020), pp. 7–19.
- Kazmír S. *Slovník valašského nářečí, valašsko-český*. Díl 1. Zlín, 2012. Available at: <https://drive.google.com/file/d/0B3POwlwUY2zsSjhWbVd1MXBrem8/view> (accessed 30.04.2021).
- Kercha I. *Rusinsko-russkij slovar'*. V dvuh tomah. Uzhgorod, PoliPrint Publ., 2007.
- Khobzej N. *Hucul's'ka mifolohiya. Etnolinhvističnyj slovnyk*. L'viv, Instytut ukraïnoznavstva im. I. Kryp'yakevycha Publ., 2002, 215 p. (In Ukr.)

- Koleva-Zlateva Zh. Razmyshlenija o paradoksah etimologii. *Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. Slavica XLI*. 2012, pp. 95–105. (In Rus.)
- Kováč M. Ostrá Hora plná mora a iné príbehy ľudovej viery a mágie zo severu Bielych Karpát. *Hieron. Religionistická ročenka*. III. [Bratislava], 1998, pp. 144–182.
- Králik L. K etymologii slovesa *bendit* (*si*), *bandit*. *Naše řeč*, 2006, roč. 89, č. 1, pp. 54–55. Available at: <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=7878> (Accessed 29.04.2021).
- Králik L. *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava, Veda, 2015. 704 p.
- Králik L. Zo slovenskej mytologickej lexiky: Hariani. *Studia etymologica Brunensia* 2. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference Etymologické symposium Brno 2002, pořádané etymologickým oddělením Ústavu pro jazyk český AV ČR v Brně ve dnech 10.–12. září 2002, eds. I. Janyšková, H. Karlíková. Praha, Lidové noviny, 2003, pp. 301–306.
- Kregzhdis R. Etimologija russ. dial. Anchutka. *Acta Baltico-Slavica* 35. 2011, pp. 131–141. (In Rus.)
- Loma A. Vila – olicetvorennoe neistovstvo, ili chto-to drugoe? *Etymological Research into Old Church Slavonic*. Proceedings of the Etymological Symposium. Brno, 9–11 September 2014, eds. I. Janyšková, H. Karlíková (= *Studia etymologica Brunensia* 18). Praha, Lidové noviny, 2015, pp. 245–269. (In Rus.)
- Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého*. [Praha], Lidové noviny, 2010, 868 p.
- Mičátek L.A. *Diferenciálny Slovensko-Ruský slovník* s troma prílohami a skrátená mluvnica slovenského jazyka. Turčiansky sv. Martin, 1900, 115 p.
- Mihál J. Zo slovníka nárečia Slovenskej Lupče a okolia. *Sborník muzeálnej Slovenskej spoločnosti*, roč. XIX, č. 3. Jazykoveda. Turčiansky Sv. Martin, Kníhtlačiarско-účastinársky spolok, 1941, pp. 420–455.
- Morozov I.A., Tolstoj N.I. Bit', bit'e. *Slavjanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar'*, pod red. N.I. Tolstogo, t. 1. Moscow, Mezhdunarodnyje otnoshenija Publ., 1995, pp. 177–180. (In Rus.)
- Oblastnoj slovar' vjatskih govorov*, pod red. V.G. Dolgusheva, Z.V. Smetaninoy, vyp. 3. Kirov, Vjatskij GGU Publ., 2004, 199 p.
- Pipash Yu., Halas B. *Materyialy do slovnika hucul's'kych hovirok. Kosivs'ka Polyana i Rosishka Raxivs'koho rajonu Zakarpats'koy oblasti*. Uzhhorod, Uzhhorodsk'ij nacional'nyj universitet Publ., 2005, 266 p.
- Popowska-Taborska H. Kłopoty ze słowiańskim upiorem. *Slavjanskije etjudy. Sbornik k jubileju S.M. Tolstoj*. Moscow, Indrik Publ., 1999, pp. 373–378.
- Racheva M. K istoriko-etimologicheskomu izucheniju nazvanija vampira v bolgarskom i serbohorvatskom jazykah. *Etimologija 1994–1996*, otv. red. O.N. Trubachev. Moscow, Nauka Publ., 1997, pp. 84–95. (In Rus.)
- Rizner L.V. *Dialektický slovník bošacký*. Rukopis z roku 1896 (726 rkp. s.), uložený v Literárnom archíve Slovenskej národnej knižnice v Martine, Slovensko.
- Sannikova O.V. *Pol'skaja mifologicheskaja leksika v etnolingvisticheskom i sravnitel'no-istoricheskom osveshenii*. Diss. kand. filol. nauk. Institut slavjanovedenija RAN. M., 1990, 378 p. (In Rus.)
- Shuster-Shevc H. V.-luzh. *wjera, wjerbaba* 'buschweiß, ved'ma' – neissledovannyj slavjanskij leksicheskij arhaizm. *Etimologija* 1975. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 64–67. (In Rus.)
- Slovar' ukraïns'koï movy*. Uporyadkuvaj z dodatkom vlasnoho materialu B. Hrynchenko. V 4-x t, t. 1. Kyïv, Vydavnytstvo Akademii nauk Ukraïns'koï RSR, 1996.
- Slovenský slovník z literatury aj nářečí*. Slovensko-český diferenciální. Na základe slovníkov, literatury aj živej reči spracovali Kar. Kálal a Mir. Kálal. V Banskej Bystrici, Tlačou Slovenskej Grafie, 1923, 1002 p.
- Slovník slovenských nářečí*, red. I. Ripka. Bratislava, Veda, 1994, d. 1. 933 p.
- Slovník ukraïns'koï movy XVI – pershoï polovyny XVII st.*, vyp. 2. L'viv, Instytut Ukraïnoznavstva im. I. Kryp'yakevycha Publ., 1994, 151 p.
- Stachowski K. Wampir na rozdrożach. Etymologia wyrazu upiór – wampir w językach słowiańskich. *Rocznik Ławistyczny*, t. LV, 2005, pp. 73–92.
- Stachowski K., Stachowski O. Possibly oriental elements in Slavonic folklore. Mamuna (Part 1). *Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis*, 134, 2017, pp. 97–102.
- Stachowski M. Polskie *dunder*. *LingVaria* VI, 2011, 1 (11), pp. 205–211.
- Stankov R. The Suffix *-ic-i* in the Slavonic Languages. *Slavjanskoje yazykoznanije*. Vyp. 3. *Paleoslavistika*. Moscow, Institut slavjanovedenija RAN Publ., 2020, pp. 261–283.
- Tolstaja S.M. Chesh. *nádcha, náčha, náika* i ih inoslavjanskije paralleli. *Etymological Research into Czech*. Proceedings of the Etymological Symposium Brno 2017, 12–14 September 2017, Brno, Eds. by I. Janyšková, H. Karlíková & V. Boček. Praha, Lidové noviny, 2017, pp. 391–400. (In Rus.)
- Tolstaja S.M. Kul'turnaja semantika i etimologija. *Studia etymologica Brunensia* 3. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference Etymologické symposium Brno 2005, pořádané etymologickým oddělením Ústavu pro jazyk český AV ČR v Brně ve dnech 6.–8. září 2005, eds. I. Janyšková, H. Karlíková. Praha, Nakladatelství Lidové noviny, 2006, pp. 385–398. (In Rus.)

- Tolstaja S.M. Nizhneluzhickaja *chódota: imja i personazh. *Zeszyty łuzckie*, t. 47. Etymologia i kultura. Warszawa, 2013, pp. 39–49. (In Rus.)
- Tolstoj N.I. *Jazyk i narodnaja kul'tura. Očerki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike*. Moscow, Indrik Publ., 1995, 512 p. (In Rus.)
- Toporov V.N. Eshe raz o nekotoryh teoreticheskikh aspektah etimologii. Toporov V.N. *Issledovanija po etimologii i semantike*. T. 1. Moscow, Jazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2004, pp. 41–47. (In Rus.)
- Toporov V.N. Hetttskaja ^{SALŠU.GI} i slavyanskaja baba-Jaga. *Institut slavyanovedenija. Kratkie soobshenija*. 38. Slavyanskoe jazykoznanie. 1963, pp. 28–37. (In Rus.)
- Toporov V.N. *Issledovanija po etimologii i semantike*. T. 4. Baltijskie i slavyanskije jazyki. Kniga 1. Moscow, Jazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2010, 415 p. (In Rus.)
- Toporov V.N. Iz nabljudenij nad etimologiej slov mifologicheskogo haraktera. *Etimologija 1967*. Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma «Problemy slavyanskih etimologicheskikh issledovanij v svjazi s obshej problematikoj sovremennoj etimologii». 24–31 janvarja 1967 g. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 11–21. (In Rus.)
- Trubachev O.N. Dve bolgarskie etimologii. *Samodŭva. Momchil. Issledovanija po slavyanskomu jazykoznaniju*. Sbornik v chest' 60-letija prof. S.B. Bernshtejna. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 458–465. (In Rus.)
- Trubachev O.N. Iz slavyano-iranskih leksicheskikh otnoshenij. Trubachev O.N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istorija Kul'tura*. T. 2. Moscow, Jazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, pp. 25–102. (In Rus.)
- Trubachev O.N. Lingvisticheskaja geografija i etimologicheskie issledovanija. *Voprosy jazykoznanija*. 1959, № 1, pp. 16–33. (In Rus.)
- Trubachev O.N. Mysli o dohristianskoj religii slavyan v svete slavyanskogo jazykoznanija (po povodu novoj knigi: Leszek Moszyński. Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft. Böhlau Verlag. Köln; Weimar; Wien, 1992). *Voprosy jazykoznanija*. 1994, № 6, pp. 3–15. (In Rus.)
- Trubachev O.N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istorija. Kul'tura*. T. 1. Ch. 1. *Principy etimologicheskikh issledovanij*. Moscow, Jazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, pp. 25–190. (In Rus.)
- Uscinovich G. *Antrapanimija Grodzjenshchyny i Brestschyny (XIV–XVIII stst.)*. Minsk, Navuka i tehnika Publ., 1975, 176 p. (In Belarus.)
- Valentsova M.M. Etnolingvističeskij kommentarij k etimologii slova *upyr'*. Trudy Instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova. IV. *Etimologija*. Moscow, Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova Publ., 2015, pp. 101–125. (in Rus.)
- Waniakowa J. Etymologia a etnolingwistyka: różne metodologie – wspólny cel. *Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury*. 32 (2020), pp. 21–34.

Информация об авторе:

Валенцова Марина Михайловна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Отдела этнолингвистики
Института славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация,
Ленинский пр., 32 А.
ORCID: 0000-0002-6541-4269
E-mail: mvalent@mail.ru

Information about the author:

Marina V. Valentsova,
PhD, senior researcher,
Department of ethnolinguistics,
Institute of Slavic studies
of Russian Academy of Sciences
Moscow, Leninskij prospekt, 32A,
ORCID: 0000-0002-6541-4269
E-mail: mvalent@mail.ru

Славяноведение, 2021, № 6, с. 55–67

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 6, pp. 55–67

DOI: 10.31857/S0869544X0017674-4

Оригинальная статья /
Original Article

Коллекции украинского магического фольклора в архивных собраниях РГО и ОЛЕАЭ

© 2021 г. Т.А. Агапкина

Институт славяноведения РАН (Москва, Российская Федерация)

agapi-t@yandex.ru

Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (проект № 20-012-00117).

Аннотация. В статье характеризуются выявленные архивные коллекции украинского магического фольклора из собраний Русского географического общества и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Устанавливается история рукописей, имеющиеся издания этих материалов, функциональный состав, особенности содержания и поэтического языка заговоров, входящих в рассматриваемые коллекции; высказываются соображения об их авторстве. Обращено особое внимание на то, что в части этих коллекций заговоры соседствуют с «малыми» формами вербальной магии, создавая таким образом цельное представление об этом фрагменте фольклорной традиции. Целесообразность публикации части этих рукописей (наиболее полных и малоизвестных) обусловлена их исключительностью, а также тем, что украинская вербальная магия до сих пор остается менее всего известной среди трех восточнославянских традиций.

Ключевые слова: Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, Русское географическое общество, научный архив, рукопись, публикация, украинские заговоры, вербальная магия.

Ссылка для цитирования: Агапкина Т.А. Коллекции украинского магического фольклора в архивных собраниях РГО и ОЛЕАЭ // *Славяноведение*. 2021. № 6. С. 55–67. DOI: 10.31857/S0869544X0017674-4.

Ukrainian magical folklore in the archive collections of the RGO and OLEAE

© 2021. T.A. Agapkina

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

agapi-t@yandex.ru

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research
(grant number 20-012-00117)

Abstract. The article describes the found out archival collections of Ukrainian magical folklore from the funds of the Russian Geographical Society (RGO) and the Society of Amateurs of Natural Science, Anthropology, and Ethnography (OLEAE). The author determines the history of the manuscripts and expresses ideas about their authorship, the available editions of these materials, the functional composition, the features of the content and poetic language of the charms included in the collections under consideration. Special attention is paid to the fact that in some of these collections, charms are juxtaposed with «small» forms of verbal magic, creating a complete picture of this fragment of folklore tradition. The expediency of publishing some of these manuscripts (the most complete and little-known) is due to their exclusivity, as well as to the fact that Ukrainian verbal magic is still the least known among the three Eastern Slavic traditions.

Keywords: Society of Devotees of Natural Science, Anthropology, and Ethnography Russian Geographical Society, scientific archive, manuscript, publication, Ukrainian charms, verbal magic.

Reference for citation: *Agapkina T.A.* Ukrainian magical folklore in the archive collections of the RGO and OLEAE // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2021. No 6. P. 55–67. DOI: 10.31857/S0869544X0017674-4.

Настоящей статьёй я продолжаю серию публикаций, посвященных собраниям магического фольклора, которые хранятся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. В данном случае речь пойдет об украинских коллекциях из научных архивов Русского географического общества (далее – РГО) и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (далее – ОЛЕАЭ).

РГО. Как уже говорилось в предыдущей статье [2], основные сведения об архиве РГО исследователи черпают из «Описания рукописей Ученого архива Императорского Русского Географического общества», составленного Д.К. Зелениным, опубликованного в трех выпусках в 1914–1916 гг. [5] и лишь недавно дополненного четвертым выпуском [6]. Украинские материалы, относящиеся к сфере вербальной магии (заговоры, рукописные молитвы, формулы и короткие приговоры), обнаруживаются в делах из Волынской, Подольской, Полтавской, Харьковской, Херсонской и Черниговской губерний.

Сначала о нескольких небольших подборках заговоров. Из подольских материалов заслуживает внимания рукопись А. Дыминского (Андрій Димінський), известного и весьма плодовитого собирателя фольклора Подольской губернии. Особый интерес Дыминский проявлял к народной прозе (сказкам) и песням. Песни и сказки, собранные Дыминским, широко публиковались (в том числе они вошли в собрание П.П. Чубинского¹), но еще больше их хранится в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского [12. С. 247–249].

Принадлежащее перу А. Дыминского «Описание Каменецкого и Проскуровского уездов» было получено РГО в 1864 г.² [5. Т. 3. С. 1069–1065] – фактически в самом начале его собирательской деятельности, когда он активно сотрудничал с РГО, присылая в общество свои многочисленные материалы по Подольской губернии: обзоры местной торговли и промышленности, копии расходных книг, записи песен и духовных стихов³, а также по Киевской

¹ Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом: Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные П.П. Чубинским. СПб., 1874. Т. 5.

² АРГО. Р. XXX. № 23.

³ АРГО. Р. XXX. № 23. Р. XXX. № 2, 3, 9, 10, 23, 27–30, 34–36.

губернии⁴. Материалы Дыминского вызывают большой интерес; собственно, это и позволило Зеленину заметить, что рукопись «весьма полезная», хотя и безграмотная [5. Т. 3. С. 1075].

В рукописи всего несколько заговоров: три коротких заговора, читаемых перед тем, как идти в суд, а также магические формулы для избавления от сглаза и некоторые другие. Зеленин ошибся в функциональной атрибуции одного текста, сочтя его заговором, произносимым, если юноша пострадал от болезни, напущенной на него девушкой через поданное ему любовное зелье [5. Т. 3. С. 1074]. На самом деле этот текст является «присушкой» (любовным заговором). Приведем его, поскольку этот ритуал достаточно уникален. Если человек мечтал завоевать любовь близкого человека, ему надо было «пойти в лес и смотреть, где с одного корня растут дуб и береза, т.е. срослись корнями. Подойти к ним, взять правой рукою с березы и дуба моху, положить на левую руку и сказать: “Щобы тая трымала (или трымав) мене, як тая береза дуба”. И таким образом говорить и брать три раза; пришедши домой, мох высушить, стереть мелко на порошок и кому нужно, дать выпить, и как выпьет, то следом будет ходить»⁵.

Три заговора обнаруживаются в рукописи М. Соколова «Сведение о домашнем быте низшего класса жителей, преимущественно казенных крестьян и козаков в Полтавском уезде, также народных преданиях и памятниках» 1855 г.⁶ Заговоры от «крикливиц» (детского ночного крика), страха-переполоха и от зубной боли разбросаны по большому и информативному разделу, посвященному народной медицине.

Несколько архивных коллекций относятся к Харьковской губернии. В маленькой рукописи священника И. Гаврилова «Слова малороссийского языка, замеченные в наречии Старобельского уезда Беловодского Коннозаводского округа» 1850 г.⁷ [6. С. 1566–1567] помещены большой заговор от «волоса»-ногтоеда, заговорная формула от лихоманки, которую принято читать на могиле покойника, и два типовых заговора от зубной боли.

Более объемная подборка заговоров содержится в небольшой рукописи протоиерея Преображенского собора в г. Валки Харьковской губернии И. Голяховского «О поверьях, суевериях, приметах и народных обычаях жителей гор. Валок и хуторов, к ним принадлежащих»⁸ [6. С. 1571–1573]. В рукописи, помимо других материалов, 11 заговоров и народных молитв (у Зеленина ошибочно указано 12): один — от бельма, три — от зубной боли, два — от лихорадки (в том числе одна Сисиниева молитва без упоминания имен трясовиц), один заговор от укуса змеи и четыре народные молитвы от сглаза, которые, пожалуй, вызывают наибольший интерес в этой подборке. Тексты довольно пространственные; по своему составу и содержанию каждый из них представляет собой неканоническую молитву с явными отсылками к псалмам, с подробными перечнями сакральных и дьявольских «имен», а собственно фольклорная их составляющая заключается в оригинальных закрепках, прямых аналогов которым мы до сих пор не встречали, см., например, такую: «Сій молитвѣсть запора. Опоясую я, раб Божій N, в круг себе в три разы шовковую нитку и завязую ей в три узлы крипко — ключь небу и земли. Хто сіи узлы разв'язеть, той мою головушку положить. Сей молитвѣсть третя запора во имя святи

⁴ АРГО. Р. XVI. № 14, 22.

⁵ АРГО. Р. XXX. № 23. Л. 100об.

⁶ АРГО. Р. XXXI. № 21.

⁷ АРГО. Р. XLIV. № 10.

⁸ АРГО. Р. XLIV. № 17.

неразделимой Троицы, Святого Духа божественного»⁹. К сожалению, в рукописи нет указаний на то, переписаны ли эти полумолитвы-полузаговоры из рукописного источника или записаны изустно, что могло бы отчасти объяснить особенности языка этих текстов.

Среди корреспонденций из Херсонской губернии отметим рукопись В. Негрескула 1850 г. «О способах лечения в гор. Херсоне»¹⁰. Его перу также принадлежат рукописи № 3–5, 12, 13 того же разряда, посвященные особенностям говора Херсона, народным песням и обычаям, довольно обстоятельные для записей середины XIX в. Василий Негрескул был местным дворянином, интересовавшимся традиционной культурой и краеведением, а также постоянным автором «Херсонских губернских ведомостей» (о его публикациях в газете см. [12. С. 770]).

В деле № 3, о котором идет речь, помещено четыре заговора (от зубной боли, кровотечения, сглаза и переполоха), почти целиком опубликованных в 4-м выпуске «Описания» Зеленина [6. С. 1585], правда, в несколько упрощенной орфографии. Я обнаружила, что два заговора (от зубной боли и сглаза) опубликовал ранее, в 1853 г., и сам Негрескул в журнале «Москвитянин»¹¹.

Помимо краткого обзора небольших рукописей, остановимся подробнее на трех объемных украинских собраниях, которые имеются в архиве РГО.

Это прежде всего рукопись выдающего украинского этнографа-самоучки, жителя Купянского уезда, действительного члена Харьковского историко-филологического общества, статского советника П.В. Иванова¹², всю свою жизнь посвятившего сбору харьковского фольклора и этнографии. Рукопись «Знахарство, шептанье и заговоры в Старобельском и Купянском уу. Харьковской губ.»¹³ была прислана в РГО в 1886 г., как следует из сопроводительного письма; к рукописи Иванов также приложил оттиск из журнала «Киевская старина», в котором были опубликованы некоторые заговоры из начала коллекции, присланной в РГО.

В сопроводительном письме, адресованном в Этнографическое отделение РГО, Иванов писал: «В течение последних десяти лет я собрал достаточное количество этнографического материала, могущего характеризовать некоторые стороны умственной жизни народа в Купянском уезде, расположенном на границе малорусского населения, где среди малороссийских слобод встречаются великорусские села и где иногда в одном и том же поселке живут рядом, соседями, потомки заднепровского казака и московского стрелца. Такое близкое соседство великороссиян придает особый интерес изучению местных обычаев, обрядов, суеверий, сказок, песен и т.п. в отношении изменений в мировоззрении и в языке украинцев вследствие духовного взаимодействия двух соприкасающихся, смешивающихся племен. Из собранного мною материала, записанного фонетически, с сохранением оттенков местных говоров, я успел составить только пока два сборника: сборник детских игр и сборник шептаний и заговоров. Первый из сказанных сборников я представил в Харьковское историко-филологическое общество, действительным членом которого я имею честь состоять, а часть второго сборника помещена в журнале “Киевская старина” за 1885 год; остальную же часть сборника заговоров вместе с одним

⁹ АРГО. Р. XLIV. № 17. Л. 13–13об.

¹⁰ АРГО. Р. XLV. № 3.

¹¹ Негрескул В. Несколько простонародных способов лечения в Херсоне и окрестностях // Москвитянин. 1853. № 11. Соврем. известия. С. 69–70.

¹² См. полную библиографию его работ [10].

¹³ АРГО. Р. XLIV. № 22.

экземпляром оттиска помещенных в «Киевской старине» имею честь представить на благоусмотрение Этнографического отделения»¹⁴. Судя по всему, никаких движений, связанных с этой рукописью, реально предпринято не было, хотя к ней отнеслись очень благосклонно. Почти через четверть века Иванов повторил свою попытку опубликовать собрание харьковских заговоров, отправив аналогичную рукопись в ОЛЕАЭ, но подробнее об этой рукописи речь пойдет дальше.

Среди волынских материалов особый интерес представляет рукопись «О Волины и Минском Полесье» — объемный труд (более 550 страниц), хранящийся в материалах РГО по Волынской и Минской губерниям¹⁵. Присланный в РГО в несколько приемов с сопроводительными письмами этот труд был довольно подробно описан Д.К. Зелениным [5. Т. 1. С. 291—300; Т. 2. С. 697—699]. Он составлен М.Ф. Кривошапкиным при активном участии некоторых его помощников и корреспондентов. Действительный статский советник Михаил Фомич Кривошапкин — профессиональный врач, практиковавший сначала в Сибири, затем в Казани. В 1890-е гг. он перебрался на Украину, где с 1893 по 1900 г. числился вольнопрактикующим врачом г. Луцка Волынской губернии; именно по этой причине его материалы вошли в волынский разряд архива РГО, но в то же время в украинской фольклористике и этнографии его имя практически неизвестно (ср. отсутствие упоминаний о нем в недавно изданной «Украинской фольклористической энциклопедии» [12]).

В 2019 г. я опубликовала обширную выборку волынских заговоров и других магических текстов из этой коллекции¹⁶ и пришла к выводу, что сведения, которые приводит Кривошапкин, порой весьма любопытны, а иногда даже совершенно оригинальны, хотя в целом складывается впечатление, что рукопись эта носит отчасти компилятивный характер и Кривошапкин, видимо, намеревался дать подробное описание традиционной культуры и быта Волины, используя в том числе и ранее опубликованные источники (основными послужили книги П. Чубинского и П. Ефименко).

Последняя украинская рукопись из собрания РГО, которая, без сомнения, заслуживает внимания, — «Заговоры и науки южнорусского народа, собранные в Черниговской, Полтавской и Киевской губерниях в 1872—1880 гг. Т.В. Кибальчицем»¹⁷ [6. С. 1641].

Я предполагаю, что рукопись составлена Турвонтом Венедиктовичем Кибальчицем (1848—1913) — историком, археологом, антикваром, почетным вольным общником имп. Академии художеств, почётным членом имп. Археологического института¹⁸, автором известного труда о южнорусских геммах [8]. В то же время никаких подтверждений «этнографическим» интересам Кибальчица я не обнаружила ни в известных мне библиографических источниках, ни в «Украинской фольклористической энциклопедии», ни в других справочных материалах; не нашла я упоминаний о записях Кибальчица и в сводных компилятивных трудах П. Чубинского и П. Ефименко.

¹⁴ АРГО. Р. XLIV. № 22. Л. 115—116.

¹⁵ Волынская губерния: АРГО. Р. VIII. № 12; Минская губерния: АРГО. Р. XX. № 12.

¹⁶ Народная медицина, заговоры и бытовая магия Волынской губернии (по материалам М.Ф. Кривошапкина из архива РГО) / публикация и комментарии Т.А. Агапкиной // Славянские архаические ритуалы в пространстве Европы. М., 2019. С. 385—416.

¹⁷ АРГО. Р. XLVI. № 22.

¹⁸ Памятная книжка Археологического института в С.-Петербурге. 1878—1911 гг. / Сост. П.С. Яковлев. СПб., 1911. С. 17.

Материалы Кибальчича — это не столько заговоры, сколько вербальная магия в самом широком смысле слова: короткие приговоры, формулы, пожелания, наставления и др., сопровождавшие каждый шаг социальной жизни и хозяйственной деятельности «традиционного» человека. Все сообщения озаглавлены и могут называться «Заговор од...» или просто «Од...» (если речь идет о заговоре или народной молитве от той или иной болезни), а также «Наука щоб...», например «Наука щоб приворожить милого» (ср. укр. *наука* «наставление, нравоучение, урок и т.д.») или просто «Щоб...», либо наконец «Як..» («Як наслать коросту»).

Рукопись разделена на несколько разделов, которые носят названия: «Любовь и мщение за неверность», «Семейный быт. Домоводство. Хозяйство», «Болезни», «На разные случаи» и наконец раздел с выразительным названием «Зло». Впрочем, это деление рукописи довольно условно, и содержание отдельных текстов часто не совпадает с темой раздела, например заговоры от болезни попадают в «Домоводство» и т.д.

В общей сложности в рукописи около 350 сообщений, обычно коротких, и примерно в половине присутствует вербальный компонент: это может быть каноническая или народная молитва, заговор, приговор, сопровождающий те или иные магические действия, закличка, обращенная к животным или природным явлениям, и даже просто два-три слова, например императивные глаголы типа «Давай», «Уходи» и т.д.

В «любовном» разделе помещены магические практики и вербальные формулы, посвященные тому, как увидеть во сне суженого, узнать свою долю, приворожить суженую или суженого, чтобы хлопцы приходили к девушкам на вечерки, заговоры на красоту. В начале второго раздела («Семейный быт») сосредоточены формулы и магические приемы, нацеленные на благополучную семейную жизнь женщины и на то, чтобы дети были здоровы. В этом разделе («Домоводство. Хозяйство»), самом разнообразном и обстоятельном, собрано огромное количество магических средств и приговоров, относящихся к домашней жизни и хозяйственной деятельности: чтобы женщина благополучно родила, чтобы ребенок был здоров, не плакал по ночам, не болел, не страдал от «переляка» или родимца; чтобы новобрачные были счастливы; чтобы женщины не были бесплодными; чтобы в новом доме было тепло и не водились насекомые, чтобы куры не убежали со двора, деревья приносили плоды, корова телилась, огурцы были красивыми, хлеб в деже «спорился»; как сажать те или иные овощи, выгонять скотину в поле, ухаживать за пчелами; как сделать так, чтобы скотина не болела, воробы не клевали зерно на поле, а мыши не ели его в амбаре; чтобы молния и град не вредили посевам и обходили стороной дома и т.д. В разделе «Болезни» помещены в основном заговоры от многих недугов, в разделе «На разные случаи» — вербальная магия, касающаяся многих сторон повседневной жизни — от встречи с волком в лесу и схоронения клада до хождения в суд и копания колодца. Наконец, в разделе «Зло» приведены немногочисленные приемы «черной» магии: как отобрать «спор», наслать болезнь или обрести успех в воровском деле.

Мне неизвестны обстоятельства составления этой рукописи, равно как и сбора материалов для нее, но одно кажется несомненным — за образец было взято упомянутое выше издание малороссийских заклинаний П. Ефименко¹⁹. Близость этих двух коллекций выражается в том, что в той и другой сосредоточены материалы, касающиеся именно вербальной магии в широком ее

¹⁹ Ефименко П. Сборник малороссийских заклинаний. М., 1874.

понимании, хотя к этому времени более принятым был иной тип публикации, в котором собственно заговоры отделялись от малых магических форм — приговоров, пожеланий, заклинаний и т.д. (таково издание заговоров у П.П. Чубинского или Л.Н. Майкова). Да и традиция обозначения функции каждого сообщения и сама манера этих обозначений у Ефименко («Наука від червів», «Щоб зуби не болели» и др.) также напоминает собрание Кибальчича.

Было бы неверным утверждать, что собранные в рукописи Кибальчича магические средства и сопровождающие их вербальные формулы уникальны — очень многое из помещенного в рукописи было известно в тех или иных вариантах и раньше, однако, во-первых, далеко не все, а во-вторых, и это, пожалуй, важнее всего — никогда еще украинская бытовая вербальная магия не была представлена столь разнообразно, полно и детально, как в этой до сих не изданной рукописи. Сложность же ее издания заключается в том, что рукопись написана крайне неразборчивым почерком, причем ее составитель практически не различает на письме многие буквы (например, *a* и *o* и др.), постоянно переходит с украинского на русский, пытается пользоваться фонетическим письмом и т.д.

ОЛЕАЭ. Организованное в 1863–1864 гг. при Московском университете Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии оставило после себя огромный научный архив, судьба которого сложилась не самым удачным образом. По целому ряду причин архив ОЛЕАЭ оказался разделен между Архивом МГУ, Институтом этнографии (ныне — Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН), ЦГАЛИ (ныне Рос. гос. архив литературы и искусства) и ЦИАМОм (Центральный исторический архив Москвы) (подробнее о судьбе архива ОЛЕАЭ см. [7]).

Интересующие нас фольклорно-этнографические материалы, записанные членами и корреспондентами общества, в основном сосредоточены ныне в архиве ИЭА, а также в РГАЛИ (материалы Комиссии по народной словесности при Этнографическом отделе ОЛЕАЭ), причем немногочисленные украинские собрания, обзор которых я предпринимаю здесь, имеются только в архиве ИЭА. Фактически таких собраний всего два — из Харьковской и Черниговской губерний.

В архиве ИЭА в фонде ИОЛЕАЭ присутствует рукопись П.В. Иванова «Знахарство. Шептания и заговоры (Материалы для характеристики мирозерцания крестьянского населения Купянского у. Харьковской губ.)» 1909 г.²⁰ (так же как и упомянутая выше среди материалов архива РГО). В рукопись вошли, по всей видимости, записи его самого и его помощников.

Украинский язык П.В. Иванов последовательно передавал в рукописи русской графикой, как и было принято в большинстве изданий XIX в. (в том числе в его собственных), а также в силу того, что сам недостаточно хорошо владел украинским литературным языком, в чем не раз признавался и сам²¹. Очевидно также, что при записи и публикации Иванов пытался передать диалект жителей Купянского уезда Харьковской губернии, что вызывало критику рецензентов, осуждавших орфографию его публикаций и возражавших, в частности, против того, чтобы по-разному писать одни и те же слова. Сам же Иванов

²⁰ АИЭА. № 169.

²¹ О проблемах, связанных с передачей украинских текстов в прижизненных и современных изданиях трудов Иванова, см. подробно во вступительной статье М.М. Красикова — известного публикатора работ Иванова — к переизданию собрания П.В. Иванова «Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии» [9. С. VIII–XIV].

объяснял разное написание слов их реальным звучанием, сложностью переходных говоров и нежеланием следовать принятой в те годы украинской орфографии [9. С. XI–XII].

Рукопись предваряет письмо П.В. Иванова, скорее всего, адресованное В.В. Богданову, известному этнографу, ученому секретарю ОЛЕАЭ, который после смерти Н.Н. Харузина в 1900 г. стал редактором журнала «Этнографическое обозрение». В этом письме-предисловии Иванов кратко излагает историю рукописи: сообщает о том, что заговоры, которые содержатся в присланной рукописи, относятся к нескольким слободам Купянского уезда и что некоторая часть представленных в рукописи заговоров была опубликована в «Киевской старине» в 1885 г. (как сообщает Иванов, эти заговоры им перечеркнуты в рукописи крест-накрест), «остальные же были переданы покойному Шейну, но, насколько мне известно, в печати не появлялись»²². На самом деле П.В. Шейн высоко оценил собрание Иванова 1886 г. и рекомендовал его к публикации, хотя этой рекомендации и не суждено было осуществиться. Вот как он подытожил свой почти трехстраничный отзыв о рукописи харьковских заговоров: «Из нашего беглого обзора настоящего труда г. Иванова уже кажется достаточно ясно, что он составляет ценный вклад в этнографическую науку и может служить прекрасным дополнением к существующим в нашей литературе немногочисленным пока сборникам этого рода, как напр. Л.Н. Майкова, Чубинского, Ефименко и немногих других. Поэтому мы полагаем, что названный труд вполне заслуживает того, чтобы его напечатали целиком (т.е. вместе с напечатанным уже его началом), или в общих изданиях нашего отдела, или же, если можно, в одной из ближайших книг “Живой Старины”. Определено: Иметь в виду для издания»²³.

При сопоставлении этой рукописи с рукописью РГО 1886 г. выясняется, что они почти идентичны: рукопись 1909 г. полнее предыдущей на несколько текстов, а кроме того, в ней незначительно изменен порядок рубрик. Поскольку рукопись из архива ОЛЕАЭ переписана рукой самого Иванова, то публиковать заговоры предпочтительно именно по ней.

Рукопись 1909 г. представляет собой крупное собрание заговоров, устных и рукописных, систематизированное по функциям. В начале рукописи помещены в основном ранее опубликованные материалы (из публикации Иванова 1885 г.), далее почти все неопубликованные. Последние включают заговоры от ячменя, чирея, супротивника, сглаза, детской бессонницы, сухоты, лихорадки, икоты, кровотечения, зубной боли, жабы-свинки, огника, плеснявки, рожи, лишая, вывиха, бельма у людей и скотины, куриной слепоты, волоса-ногтоеда, опухоли языка, спинной боли, от укуса змеи, перелогов у скотины, бешенства, от волков, червей, тараканов, при уходе за пчелами, при опущении матки после родов, а также так называемые социальные заговоры: при клевете, перед судом, на любовь людей, свадебные обереги и присушки. Всего в коллекции порядка 140 текстов, иногда это отдельные заговоры, но чаще — описания лечебного ритуала со всей его атрибутикой — действиями и используемыми предметами. Самые большие подборки представляют заговоры от кровотечения и зубной боли (по 20 текстов каждая).

²² АИЭА. № 169. Л. 1.

²³ Журнал заседания Отделения этнографии [Императорского русского географического общества] 21 дек. 1890 г. // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 267.

Хотя харьковские заговоры довольно известны, прежде всего благодаря изданиям того же П.В. Иванова²⁴, В. Липского²⁵, И. Манжуры²⁶, а также «Материалам для этнографического изучения Харьковской губернии»²⁷, тем не менее обширное архивное собрание П.В. Иванова представляет значительный интерес.

Однако дело тут не только и не столько в количестве. П.В. Иванов, будучи прекрасным знатоком слободской этнографии и фольклора, придерживался особого взгляда на отбор произведений для публикации. Анализируя состав известных собраний украинского фольклора, таких, как сборники П. Чубинского, П. Ефименко или М. Драгоманова, он отмечал, что в них «вошли лучшие, так сказать, очищенные материалы, между тем только в редких случаях мы находим теперь в народном употреблении старинные поэтические произведения в неприкосновенной чистоте и целостности; обыкновенно ж встречаем мы обрывки, обломки или спайки нередко даже отдельных кусков из разных произведений. Таким образом, имея в виду только избранный материал, мы получаем не действительную, а нереальную картину народной жизни, а так как сверх того некоторые из темных сторон этой жизни обойдены в упомянутых сборниках, то картина приобретает еще более одностороннее освещение». Удивительно актуально и проницательно звучат и следующие слова Иванова (из переписки с Н.Ф. Сумцовым по поводу своего отказа публиковать выборочные тексты сказок вместо целой коллекции): «[...] я придерживаюсь того взгляда, что всякое исследование должно обнимать возможно большую группу явлений, исчерпывать, если то достижимо, их все, а не ограничиваться одними новостями, курьезами, раритетами. Мне кажется, что мы вышли уже из периода собирания редкостей, а приступаем к научному изучению вещей и явлений. Как в естественнoисторических исследованиях, так равно и в собирании материалов по этнографии я следую одному и тому [же] методу: давать все, что я наблюдаю, вижу, слышу...» (цит. по [9. С. XVIII, XXI]). Поэтому смысл издания всей обширной коллекции материалов Иванова, относящихся к вербальной магии Купянского уезда, как раз и состоит в том, чтобы представить ее во всей возможной полноте, без купюр, не избегая, казалось бы, известных текстов и неизбежных повторов.

Если же обратиться непосредственно к самим текстам из собрания Иванова, то надо отметить, что в архивной коллекции имеется немало замечательных образцов харьковских заговоров. Особый интерес у исследователей вызовет присутствие в них мифотопонимов (*остров Обуян, камень Алтырь, Афонская гора, Осіянская гора, город Юрусалым, рика Ердань*), хотя принято считать, что в украинских заговорах мифотопонимы редки (ср. [4. С. 137]). Внимание привлекают к себе и трясовичные молитвы, в частности молитва «Силою Честного и животворящего Креста Господня...», записанная явно изустно в Купянском уезде и при этом находящая ближайшую параллель в молитве из рукописного сборника, составленного или переписанного во Владимирской губернии в 1830-е годы²⁸. Присутствие этой

²⁴ Иванов П. Знахарство, шептанье и заговоры // Киевская старина. 1885. № 12. С. 730–744; Иванов П.В. Несколько заговоров из Старобельского уезда // Вестник Харьковского историко-филологического общества. 1913. Т. 4. С. 74–76.

²⁵ Липский В. Малороссийские заклинания в Харьковском уезде // Харьковские губ. вед. 1890. Ч. неоф. № 88. С. 1.

²⁶ Манжура И.И. Сказки, пословицы и т.п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губерниях. Харьков, 1890. С. 150–153.

²⁷ Материалы для этнографического изучения Харьковской губернии // Харьковский сб. Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю». Харьков, 1894. Вып. 8; 1895. Вып. 9; Вып. 12. С. 1–180.

²⁸ Несколько народных заговоров / сообщены А.Н. Афанасьевым // Летописи русской литературы и древности. М., 1862. Т. 4. Отд. III. С. 79–80.

молитвы в собрании Иванова указывает на широкое хождение рукописей Сисиниевой молитвы у русских и украинцев, свободный переход рукописных текстов в устную традицию с неизбежными при этом потерями, а также на присутствие в устной традиции переходных русско-украинских форм (что отражается в явной «украинизации» устных текстов в записях из собрания Иванова). Эти наблюдения подтверждаются сопоставлением еще одной трясовичной молитвы из архивного собрания с рукописной молитвой из тетради, опубликованной Н. Виноградовым²⁹, тетради, переписанной в 1853 г. в г. Пинеге (Архангельской губернии), в которую вошли две трясовичные молитвы явно разного происхождения (северно- и южнорусского) (об этом [1. С. 755, 764]).

Обратим также внимание на заговоры от зубной боли, а именно те, в которых «парные» персонажи св. Писания (Адам и Христос, Каин и Авель) выясняют между собой, у кого из них болят зубы; на заговоры от рожи-*бешихи*, основу которых составляют так называемые операционные, или «житийные» тексты, имеющие параллели в украинско-карпатской и балканославянской заговорной традиции (о них см. [3]); на обширный перечень имен собственных змей в заговорах от укусов; самоименование знахаря «врачом» и другие моменты.

Вторая украинская коллекция заговоров из архива ОЛЕАЭ, привлекая внимание, представлена небольшим рукописным сборником³⁰, который был переписан в 1915 г. из тетради жительницы Мглинского уезда Черниговской губернии и не имеет названия. Язык рукописи близок к русскому, с некоторым количеством украинских и белорусских слов и огласовок. Репертуар сборника, а также язык указывает на его южнорусско-украинское происхождение, что неудивительно, если вспомнить причудливую судьбу этого небольшого города, расположенного на южнорусско-украинско-белорусском пограничье: Мглин последовательно входил в состав Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Новгород-Северского наместничества, Черниговской губернии, Гомельской губернии, Брянской губернии, Западной области, Орловской области, а ныне он является районным центром Брянской области.

В сборнике около 50 текстов вербальной магии (заговоров, формул, приговоров), а также некоторое количество малоинтересных народномедицинских рецептов. В функциональном отношении коллекция довольно разнообразна: входящие в ее состав магические тексты читаются над людьми и домашними животными от зубной боли, кровотечения, опущения матки, детского крика, лихорадки, вывиха, ногтоеда, рожистого воспаления (*скулы*), от укуса бешеной собаки или змеи, от выкидыша у женщины и скотины, от перелогов, потницы, чешеры и других болезней скота, от потери скотиной жвачки и опоя лошадей, от пожара, от последствий сглаза и порчи, от тоски; они читаются на легкие роды женщины и скотины, на ослабление регул, на защиту скотины от волков, увеличение надоев у коров, на успех всякого дела, любовь людей, согласие супругов и др. Такой широкий спектр функций в целом нетипичен для сборников рукописной традиции и, по всей вероятности, является результатом длительного накопления текстов одним «пользователем».

С точки зрения поэтического языка заговоров внимание привлекает довольно богатый для небольшого в принципе собрания арсенал имен собственных, среди которых имеются мифотопонимы (*Кясъян море*, *Кит море*, *Сиянна гора*, *Ремайская*

²⁹ Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. (По старинным рукописям и современным записям) // Живая старина. 1909. Вып. 3. С. 10–11.

³⁰ АИЭА. № 154.

гора, река Маланья, река Уляница, Златырь камень), имена природных объектов (месячко Зосим; ранняя зоря Пелагея, полуденная Просковья, а вечерняя Екатерина), стихий (огня, например: Фаргон, Хавимон, царь Владимир), артефактов (криница Анастасия), неизвестных мифических персонажей (мальчики-Иванчики, жена Ивина) и т.д. Язык заговоров из этого собрания отличается немалым количеством биномов (кроме привычных крикс-плакс, встречаем такие пары, как Юрий-Егорий, ведьма-чародейница, куры-тетеры, потницы-холодницы, луга-берега, собака-кусака, ясный-красный), наличием «семейных» и парных женско-мужских групп персонажей (волки и волчицы и волченята, медведи и медведицы и медвежата; перелог и переложницы), «играми» с грамматическим родом (скулы-побратики, царь-трава) и другими особенностями.

Обнаруживаются в собрании и некоторые оригинальные сюжеты и мотивы. Так, при сильных регулах женщине рекомендуется затесать два дубовых колिका, заплести их лозой, поставить на порог, поливать их водой, в которой стирали белье и, кланяясь коликам, говорить: «Добри день вам, дубки — родные братки, а я 3-я сестрица». Потом, взяв ложку воды, вылить на один колик: «Это тебе, дубок — родный браток»; потом на второй: «Это тебе дубок — родный браток; а это мне, 3-й сестрице», и последнюю ложку вылить на себя. Этот заговорный ритуал примечателен как своей уникальностью, так и обнаруживающимися в нем параллелями с целым рядом украинских магических практик для избавления от сильных регул, лечения детской бессонницы и др.

В заговоре, направленном на то, чтобы супруги в браке жили мирно и ладно, встречаем такой фрагмент: «Пошел муж на море, на лукоморье за Сиянскую гору топиться, шолковою плетью давиться, не рад он ни отцу, ни матери и всему роду, а рад только своей жене (имя)»³¹. Более всего этот мотив близок к характерным для всего комплекса вербальной любовной магии пожеланиям любовному партнеру потерять сон, не есть и не пить, разорвать все связи с обществом и отречься от своей семьи, и лишь только любить и отдаваться партнеру, — пожеланиям, которые более всего напоминают насылание порчи и проклятие (подробно об этом см. [11. С. 136–182]). В то же время нельзя не признать, что пожелание брачному партнеру чувствовать себя без жены настолько плохо, чтобы покончить с собой, представляется явным перебором даже для бескомпромиссных любовных заговоров, что и выделяет этот текст в ряду других заговоров той же функциональной направленности. Параллелей к этому тексту практически нет, если не считать единственного упоминания в русском рукописном сборнике, датированном 1830-ми годами, ср.: «Раба Божия... зажигаи свое сердце ретиво... по мне, рабе Божиим (имярек), в тоску, в печаль; как удавшему (удавленнику) в петле, так бы рабе Божией (имярек) было тошно по рабе Божиим (имярек), как утопшему в море, так бы рабе Божией (имярек) было тошно по рабе Божиим (имярек)...»³².

В заключение замечу, что украинских коллекций, подобных тем, о которых речь шла в статье, в России известно совсем немного, и потому будущая публикация украинского магического фольклора из собраний РГО и ОЛЕАЭ несомненно вызовет большой интерес с учетом того исключительного места, которое украинская фольклорно-этнографическая традиция занимает в культурном пространстве Восточной Славии.

³¹ АИЭА. № 154. Л. 21.

³² Несколько народных заговоров. С. 75–76.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЭА – Архив Института этнологии и антропологии.
АРГО – Научный архив Русского географического общества.
ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.
РГО – Русское географическое общество.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Архив Института этнологии и антропологии. РАН. Фонд ОЛЕАЭ.
Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. (По старинным рукописям и современным записям) // Живая старина. 1909. Вып. 3.
Ефименко П. Сборник малороссийских заклинаний. М., 1874.
Журнал заседания Отделения этнографии [Императорского русского географического общества] 21 дек. 1890 г. // Живая старина. 1891. Вып. 3.
Иванов П.В. Несколько заговоров из Старобельского уезда // Вестник Харьковского историко-филологического общества. 1913. Т. 4.
Иванов П. Знахарство, шептанье и заговоры // Киевская старина. 1885. № 12.
Липский В. Малороссийские заклинания в Харьковском уезде // Харьковские губ. вед. 1890. Ч. неоф. № 88.
Манжура И.И. Сказки, пословицы и т.п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губерниях. Харьков, 1890.
Материалы для этнографического изучения Харьковской губернии // Харьковский сб. Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю». Харьков, 1894. Вып. 8; 1895. Вып. 9; Вып. 12. Народная медицина, заговоры и бытовая магия Волынской губернии (по материалам М.Ф. Кривошапкина из архива РГО) / публикация и комментарии Т.А. Агапкиной // Славянские архаические ритуалы в пространстве Европы. М., 2019.
Научный архив Русского географического общества. СПб. Оп. 1.
Негрескул В. Несколько простонародных способов лечения в Херсоне и окрестностях // Москвитянин. 1853. № 11. Соврем. известия.
Несколько народных заговоров / сообщены А.Н. Афанасьевым // Летописи русской литературы и древности. М., 1862. Т. 4. Отд. III.
Памятная книжка Археологического института в С.-Петербурге. 1878–1911 гг. / сост. П.С. Яковлев. СПб., 1911.
Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом: Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные П.П. Чубинским. СПб., 1872–1878. Т. 1–7.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агапкина Т.А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010. 824 с.
2. *Агапкина Т.А.* Восточнославянские заговоры в материалах Научного архива Русского географического общества: издания и неопубликованные материалы // Славяноведение. 2020. № 6. С. 28–40.
3. *Агапкина Т.А.* Параллели в области вербальной магии у восточных и южных славян: «житийный» текст как заговор // Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 225–244.
4. *Агеева Р.А.* Пространственные обозначения и топонимы в заговоре как типе текста (на восточнославянском материале) // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / отв. ред. Н.А. Слюсарева. М.: Наука, 1982. С. 132–159.
5. *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 1–3. Пг., 1914–1916.
6. *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества / подгот. текста и вступ. ст. А.И. Васкул. СПб.: Наука, 2019. Вып. 4. 512 с.
7. *Керимова М.М.* Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и судьба его архива // Этнографическое обозрение. 2007. № 1. С. 137–141.
8. *Кибальнич Т.В.* Южно-русские геммы. (Неизданные материалы для истории гравировального искусства древних народов, живших в Южной России) / изд. Н. Будковской. Берлин: Типография Рейнке и Грунвальд, 1910. 67 с.

9. Красиков М. Петро Іванов і справа його життя // *Іванов П.В. Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии / упорядкування та передмова М.М. Красикова. Харків: Майдан, 2007. С. V–XLIII.*
10. Петро Іванов — дослідник Куп'янщини (1837–1931): Біобібліографічний показник / упоряд. О.М. Дмитрієва, М.М. Красикова; наук. ред. та автор передмови М.М. Красиков. Харків, 2007. 562 с.
11. *Топорков А.Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX в. История, символика, поэтика. М.: Индрик, 2005. 420 с.*
12. Українська фольклористична енциклопедія / голов. ред. Г. Скрипник. Київ: Видавництво ІМФЕ, 2019. 840 с.

REFERENCES

- Agapkina T.A. *Vostochnoslavianskie lechebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii: Siuzhetika i obraz mira*. Moscow, Indrik Publ., 2010, 824 p. (In Russ.)
- Agapkina T.A. Vostochnoslavianskiye zagovory v materialakh Nauchnogo arkhiva Russkogo geograficheskogo obshchestva: izdaniia i neopublikovannyye materialy. *Slavianovedeniye*, 2020, 6, pp. 28–40. (In Russ.)
- Agapkina T.A. Paralleli v oblasti verbal'noi magii u vostochnykh i iuzhnykh slavian: «zhitiinyi» tekst kak zagovor. *Slavianskii al'manakh*, 2020, 3–4, pp. 225–244. (In Russ.)
- Ageeva R.A. Prostranstvennye oboznacheniiia v zagovore kak tipe teksta (na vostochnoslavianskom materiale). *Aspekty obshchei i chastnoi lingvisticheskoi teorii teksta*, ed. N.A. Sliusareva. Moscow, Nauka Publ., pp. 132–159. (In Russ.)
- Kerimova M.M. Imperatorskoje Obshchestvo liubitelei jestestvoznaniia, antropologii i étnografii i sud'ba jeho arkhiva. *Étnograficheskoe obozreniye*, 2007, № 1, pp. 137–141. (In Russ.)
- Kibal'chich T.V. *Iuzhno-russkije gemmy. (Neizdannyye materialy dlia istorii graviroval'nogo iskusstva drevnikh narodov, zhivshikh v Iuzhnoi Rossii)*, ed. N. Budkovska. Berlin, Tipografia Reinke i Grunval'd, 1910, 67 pp. (In Russ.)
- Krasykov M. Petro Ivanov i sprava ioho zhyttia // *Yvanov P.V. Zhyzn' y pover'ia krest'ian Kupianskoho uезда Khar'kovskoi hubernyy*, ed. M.M. Krasykov. Kharkiv, Maidan Publ., 2007, pp. V–XLIII. (In Ukr.)
- Petro Ivanov — doslidnyk Kup'ianschyny (1837–1931): Biobibliohrafichnyi pokazchyk*, eds. O.M. Dmytriiev, M.M. Krasykov. Kharkiv, 2007, 562 pp. (In Ukr.)
- Toporkov A.L. *Zagovory v russkoi rukopisnoi traditsii XV–XIX v. Istoriia, simbolika, poetika*. Moscow, Indrik Publ., 2005, 420 pp. (In Russ.)
- Ukraïns'ka fol'klorstychna entsiklopediia*, ed. H. Skrypnyk. Kyïv, Vydavnytstvo IMFE, 2019, 840 pp. (In Ukr.)
- Zelenin D.K. *Opisanije rukopisei Uchenogo arkhiva Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, St. Petersburg, Tipografiia A.V. Orlova, 1914–1916, vol. 1–3. (In Russ.)
- Zelenin D.K. *Opisanije rukopisei Uchenogo arkhiva Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, ed. A.I. Vaskul. St. Petersburg, Kompozhitel Publ., 2019, vol. 4, 512 pp. (In Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Алексеевна Агапкина,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела
этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения РАН.
Москва, Российская Федерация
<https://orcid.org/0000-0001-8098-7471>
E-mail: agapi-t@yandex.ru

Information about the author

Tatyana A. Agapkina,
DSc (Philology), Leading Research Fellow,
Department of Folklore and Ethnolinguistics,
Institute of Slavic Studies:
Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-8098-7471>
E-mail: agapi-t@yandex.ru

Славяноведение, 2021, № 6, с. 68–86

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 6, pp. 68–86

DOI: 10.31857/S0869544X0017675-5

Оригинальная статья /
Original Article

Аббревиатуры и формулы в мемориальной эпиграфике Подляского воеводства

© 2021 г. О.В. Белова*, М.В. Ясинская**

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

*olgabelova.inslav@gmail.com, **marusiaya@gmail.com

Аннотация: В статье анализируются формулы и аббревиатуры, а также графические системы, зафиксированные на надгробных памятниках православных некрополей Гайновского повета Подляского воеводства (Польша). Кириллические эпиграфические надписи передают локальные диалектные особенности и служат конфессиональным маркером, важным для самоидентификации православного населения данного региона.

Ключевые слова: этнокультурное пограничье, языковые контакты, графические системы, орфография, мемориальная эпиграфика, эпитафия.

Ссылка для цитирования: Белова О.В., Ясинская М.В. Аббревиатуры и формулы в мемориальной эпиграфике Подляского воеводства // *Славяноведение*. 2021. № 6. С. 68–86. DOI: 10.31857/S0869544X0017675-5.

Fixed formulas and acronyms in the memory epigraphics of Podlasie province (Poland)

© 2021 г. O.V. Belova*, M.V. Yasinskaya**

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

*olgabelova.inslav@gmail.com, **marusiaya@gmail.com

Abstract: The paper analyzes epigraphic fixed formulas and acronyms along with their graphical systems presented on the Orthodox necropolis tombstones from Hajnówka region Podlasie province (Poland). Cyrillic inscriptions reflect local dialect features and appear to be a confessional marker of the local Orthodox population.

Keywords: ethnocultural borderlands, language contacts, graphic systems, spelling system, memorial epigraphy, epitaph.

Reference for citation: *Belova O.V., Yasinskaya M.V. Fixed formulas and acronyms in the memory epigraphics of Podlasie province (Poland) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2021. No 6. P. 68–86. DOI: 10.31857/S0869544X0017675-5.*

Статья продолжает серию исследований, проводимых авторами на материалах эпитафий, зафиксированных на надгробиях православных некрополей, обследованных в ходе экспедиций на территории Подляского воеводства (Гайновский повят) в 2017–2020 гг. в местах компактного проживания православного восточнославянского населения [2; 1]. Выбранный для исследования Гайновский повят интересен в этнолингвистическом плане тем, что он относится к полосе переходных восточнославянских говоров на территории полиэтнического региона — Подляшья (подробнее см. [1]).

Исследования проводились в населенных пунктах Дубичи Церковные (здесь же на кладбище находятся захоронения жителей окрестных деревень Рутка, Тофиловцы, Чехи (Чехи Орляньские), Грабовец, Исток, Мохнате), Щиты-Новодворы, Курашево, Клейники, Новоберезово, Новокорнино, Старый Корнин, Тростянка, Чижи, Черемха.

В настоящий момент в нашем распоряжении имеется более 500 образцов мемориальной эпиграфики, зафиксированных на надгробных памятниках указанных некрополей. При подготовке публикации проанализировано около 100 надписей, датированных 1900–1980-ми годами (необходимо отметить, что сплошного описания кладбищ нами на данный момент не проводилось).

В нашей работе мы учитывали опыт польских коллег, осуществивших фронтальное обследование некрополей южной части Подляшья (северо-восток Люблинского воеводства) — в 2005–2008 гг. ими было обследовано 60 кладбищ, зафиксировано около 10 000 надписей (материалы хранятся в Картотеке надгробных надписей (*Kartoteka inskrypcji nagrobnych*) в Отделе украинской филологии Института славянской филологии Люблинского университета им. Марии Кюри-Склодовской [7. S. XI–XII]. Ценным источником сравнительного материала стало для нас издание «Антропонимия польско-восточнославянского пограничья в свете надгробных надписей. Часть 1: Словарь фамилий», подготовленное Ф. Чижевским на основе этих материалов; в словаре Чижевского воспроизведены частично или полностью 525 эпитафий, учтено всего 2 795 фамилий [7].

Мемориальная эпиграфика Подляского воеводства, а также сопредельных территорий Люблинского и Малопольского воеводств Польши и Гродненской области Республики Беларусь отвечает основным структурным и формальным параметрам, выделенным и подробно описанным польскими и белорусскими исследователями (К. Длугош, Ф. Чижевский, А. Дудек-Шумигай, Ю. Страчук, Л. Фроляк, И. Пивоварчик, Н. Филина — см. [3–10; 12; 15]).

Суммируя наблюдения предшественников, А. Дудек-Шумигай характеризует надгробную эпитафию как «краткую надгробную надпись, чаще всего рифмованную, а также поэтическое произведение, прославляющее умершего, выдержанное в стиле данной надписи, выполненное по каноническому шаблону; являясь языковым сообщением, эта надпись содержит постоянные и факультативные элементы. Она имеет в своей структуре конвенциональные языковые знаки. К постоянным элементам надгробных надписей относятся: имя и фамилия, даты рождения и смерти; в то время как к элементам, которые встречаются не всегда, т.е. к непостоянным, относятся: профессия, место рождения, место

происхождения, текст, являющийся посланием, дополнительная информация об умершем, а также представление того, кто установил надгробие» [11. S. 202].

Структура эпитафий обследованных нами православных некрополей также соответствует заданным стандартам и содержит набор обязательных позиций:

- начальные аббревиатуры (З У («здесь упокоился(лась)»), ЗА УП («за упокой»), З П («здесь покоится»), В П («вечный покой»), Р Б («раб(а) Божий(ья)»);
- именование (фамилия – имя – (отчество) или имя – (отчество) – фамилия); имя покойного (покойных) может стоять как в им. п., так и в род. п.;
- даты смерти, рождения и смерти; в нескольких случаях нам встретились надгробия без дат или содержащие только информацию о возрасте умершего (подробнее см. [2. S. 350–351]);
- указание на возраст усопшего;
- заключительные формулы и аббревиатуры («мир праху...», В. П. – «вечная память»);
- имена донаторов, установивших надгробие (родственников, поминающих), – о формулах, относящихся к сооружению памятника, см. ниже;
- дата установки памятника.

Факультативно в эпитафии могут появляться характеристики усопшего, указание на обстоятельства смерти (этот элемент эпитафии исследован нами специально в [2. S. 350–354]).

Подчеркнем, что эпиграфические надписи, выполненные кириллицей, не только передают локальные диалектные особенности, отражающие специфику восточнославянской языковой культуры на польско-восточнославянском пограничье, но также служат конфессиональным маркером, важным для самоидентификации православного населения данного региона [1]. Надгробные надписи могут выступать как свидетельства взаимодействия белорусской, украинской, русской (церковнославянской) и польской языковых традиций. Особенности графики (кириллица) и орфографии при передаче текстов эпитафий на надгробиях отражают не только этноконфессиональные и этноязыковые контакты, но и живое произношение, запечатленное в письменной форме.

Это тип надписей, обусловленных конфессиональной традицией (образцы православной эпиграфики), но при этом не ориентированных на нормативную (литературную) национальную орфографию. В зависимости от локальной принадлежности некрополя к «украинской» или «белорусской» зоне Подляшья прослеживается тенденция предпочтительного использования соответствующих орфографических систем (необязательно последовательная).

Предметом данной статьи стали аббревиатуры и формулы, встречающиеся в эпитафиях на захоронениях Гайновского повета Подляского воеводства. Учитывая опыт коллег, анализировавших эти особенности мемориальной эпиграфики других районов польско-украинского и польско-белорусского пограничья [13; 11; 10; 16], представим некоторые результаты наших наблюдений.

Наличие многочисленных сокращений и аббревиатур – характерная особенность эпитафий; наблюдаются общие принципы «оптимизации» информации для надгробных памятников и памятных / обетных крестов (см. [2]). Играют роль и «экстралингвистические» факторы – форма и размеры памятника (креста),

обуславливающие сокращения слов в эпитафиях. В исследуемом регионе традиция рукотворных надписей сохранялась довольно долго: резчик работал «по шпаргалке» (воспроизводя текст, предоставленный заказчиком, см. об этом [1]), но и сам приносил что-то исходя из размеров памятника, чтобы уместить надпись (этим могут быть обусловлены необычные переносы и разнообразные сокращения слов).

Приведем пример надписи, в которой большинство элементов представлено без сокращений:

З [в центре изображение восьмиконечного креста] П / РАБА БӨЖ / УЛИТА / ДАНИЛОВНА / РОМАНЮК / ЖЫЛА 80 ЛЕТ / УМЕРЛА / 6-ІІ-1951 г. / МИР / ПРАХУ / ТВОЕМУ / СЕИ КРЕСТ / СОРУЖЕН / СЫНОМ АЛЕКСА / НДЕР РОМАНЮК / 6-ІІІ-1952 г. (Щ-Н)¹.

Как показывает материал, любой элемент (кроме имен) может быть подан в сокращенной форме:

ЗА. [четыреконечный крест] УП. / РАБА БОЖ. / УБЫЄНАГО / АДАМА / УБЫТ НЕМЦА / 26. Д. ІЮЛЯ / 1944 Г. / ПРОЖ. 53 Г. / СЕЇ КР. СООР. / ДЕТЯМЫ И / ЖЕНОЮ [...] (Ч).

Рассмотрим более подробно отдельные элементы эпитафий, которые традиционно передаются с сокращениями.

Начальные аббревиатуры

Тексты эпитафий открываются в большинстве случаев стандартными формулами (буквы могут разделяться точками, а могут и не разделяться): З У («здесь упокоился(лась)»), З П («здесь покойся»)², ЗА. УП, ЗА УП. («за упокой»), В П («вечная память»). На надгробиях и обетных крестах буквы начальных формул могут быть дополнены изображением креста (чаще православного — шестиконечного или восьмиконечного).

Единожды на кладбище д. Дубичи Церковные встретились нам «зеркальная» аббревиатура П З («покойся здесь»?): П. [наклоненный влево восьмиконечный крест] З. / ПАРАСКЄВИЯ / ПАВЛОВНА / ПШЧОЛА [...] (ДЦ).

В этом ряду выделяется сокращение В. П. «Вечная память» в эпитафии может фигурировать дважды: как начальная аббревиатура (см. также [13; 10. S. 27; 14. С. 89]) и как финальная полная формула:

В [четыреконечный крест] П / ЗДЕСЬ ПОКОЙ- / ТЦА МЛАДЕНЕЦ / МИРОСЛАВ / ГЕРАСИМИЮК / РОД 28 V 1962 г. / ПОМ 30 V 1962 г. / ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ / ЕМУ / СЕЇ [четыреконечный крест] КРЕСТ / 1968 г. / СООРУЖОН / РОДИТЕЛЬАМИ / МИКОЛАИ И НИНА / ГИРАСИМИЮК ДИР ЧЕХИ. ОРЛЯНСКИ (ДЦ)³.

¹ Здесь и далее надписи передаются в соответствии с оригиналом, с соблюдением орфографических, графических и шрифтовых особенностей; разделение на строки показано знаком /. После текста эпитафии в скобках указывается название деревни, где расположен некрополь.

² Исследователи некрополей Южного Подляшья расшифровывают подобные аббревиатуры как ЗП 'здесь покойся' и ЗУ 'здесь упокоится' (см. [10. S. 28]), возможно, на том основании, что в их распоряжении имеется эпитафия, где данная формула представлена в «раскрытом» виде с употреблением глагола в настоящем времени: ЗДЕСЬ УПОКОИТСЯ / РАБ БОЖИЙ / ТАБАНЮК МАТВЕЙ [...] (Заблотье, пов. Бяла Подляска [7. S. 98]).

³ На интересный случай соседства двух аббревиатур указал авторам С. В. Грунтов (Минск). Текст на надгробии 1899 г. в одной деревне под Минском начинается так: В. П. / З. П. / Прах... Аббревиатура В. П. означает здесь «вечная память» («вечный покой» и «здесь покойся» составляли бы

Среди наших материалов есть пока только один пример, когда «вечная память» выступает в начале эпитафии как полная формула. Это деревянный крест-кенотаф Стефану Онищуку на прицерковном участке в д. Курашево:

[фотография] / **О ВЕЧНОЙ / ПАМЯТИ / СТЕФАНА / АЛЕКСЕЕВА / ОНИЩУКА / УБИТОГО** [нижняя часть надписи ушла под землю] (Кур).

Рядом с крестом стоит каменный крест-кенотаф этому же солдату, как следует из эпитафии – умершему от ран в мае 1945 г. и похороненному в Гросс Линденау [2. S. 354–355].

В Южном Подляшье аналогичную пару составляют аббревиатура Б. П. («блаженной памяти») и формула-закрепка «вечная память» («вiчна пам'ять», «вiчна йому пам'ять», «вiчна їй пам'ять», которая также может принимать вид аббревиатуры В.П., ВП, В.Є.П. [7. S. 26, 29, 48; 10. S. 32; 4. P. 195, 199].

Отметим, что широко распространенная в эпитафиях Южного Подляшья аббревиатура Б П / Бл. П («блаженной памяти», «блаженної пам'яті») [4. P. 198; 13; 10. S. 27; 7], которая соответствует аббревиатуре Ś. P. («świętej pamięci») на польскоязычных надгробиях в аналогичных позициях [7. S. 17; 10. S. 26]⁴, нам пока не встретились ни разу.

Интерес представляют случаи, когда кириллическая эпитафия дублируется польскоязычной надписью на латинице: на кириллице эпитафия начинается с аббревиатуры З. П. («здесь покоится»), на латинице – с аббревиатуры Ś.Р. Именно так оформлены эпитафии на могилах супругов Масальских на кладбище д. Дубичи Церковные.

Левое надгробие: З. П. / МАРИЯ / МАСАЛЬСКА / жила лет 88 / ум. 4.II.1999 / МИР ПРАХУ ЕЁ.

На кресте временная табличка: Ś. P. / MASALSKA MARIA / Żyła lat 88 / Zm. dn. 04.02.1999 r. / Prosi o modlitwę / DO BOGA.

Правое надгробие: З. П. / ИЯКОВ / МАСАЛЬСКИ / жил лет 96 / ум. 1.XII.2005 / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ.

На кресте временная табличка: Ś. P. / JAKUB / MASALSKI / Żył 95 lat / Zm. dn. 01.12.2005 r. / Prosi o modlitwę / Do BOGA.

Что в этом случае означает Ś. P. – «świętej pamięci» или «święty pokój»? Согласно устоявшемуся мнению, в католических эпитафиях Ś. P. в начальной позиции всегда означает «świętej pamięci», хотя встречаются и интерпретации в пользу слова «pokój» [3. С. 93]. Возможно, перед нами как раз такой случай? При обсуждении этого сюжета белорусский историк С.В. Грунтов (Минск) отметил, что в православной местности могло произойти какое-то смешение традиций и польская формула могла получить новое прочтение, но говорить об этом с уверенностью можно лишь в том случае, если на том же кладбище выявлены памятники с начальной развернутой формулой «święty pokój»;

стилистически избыточную конструкцию). Тем не менее, вероятно, под влиянием того, что в эпиграфике получила широкое распространение полная заключительная формула «вечная память», дублирующая начальную аббревиатуру (см., например, [7. S. 27, 51, 76]), некоторые исследователи расшифровывают начальное В. П. как «вечный покой», стремясь избежать смысловой тавтологии, см., например, [3. С. 93].

⁴ Ф. Чижевский отмечает также уникальный случай транслитерации польской аббревиатуры на кириллицу: С. П. / ЗДЕС ПОКОИТСЯ / ПРАХ РАБА БОЖА / ГО / ТРИФОНА / БОЖИКА [...] (Сосновица, Парчевский пов. [7. S. 19]).

в целом же даже при полной содержательной идентичности русской и польской надписей аббревиатуры **З. П.** и **Ś. P.** могут указывать на разные вещи — покой и память соответственно, как это утвердилось в православной и католической традициях⁵.

Отметим, что начальная формула может не согласовываться с текстом эпитафии, представляя, таким образом, своеобразный декор, выполняя функцию «заголовка»:

З. П. / ЗА УПОКОЙ / РАБА БОЖОГО / ФИОДОРА / ПИОНЧУКА / ПОМЕР 24. МАЯ / 1900 ГОДУ / ПОЖЫЛ 77 Г. ОТ РОДУ (Чер).

Аналогичный пример — воинский мемориал на прицерковном кладбище в д. Новоберезово, могила неизвестного солдата:

З. [восьмиконечный крест] П. / НЕИЗВЕСТНОМУ ВОЙНУ / ПОГИБШЕМУ В ЧАС⁶ / ВТОРОЙ МИРОВОЙ / ВОЙНЫ / [декор] / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ (Н).

Несколько эпитафий на кладбище д. Дубичи Церковные начинаются со слов «О упокоении...» (два зафиксированных памятника сооружены одним человеком — жителем д. Тофиловци Василием). Данная формула повторяет формулу, используемую в церковных записках об умерших, которых поминают во время богослужения:

[по центру: головка амура с крылышками] / **О УПОКОЕНИИ / Р.Б. / ЛЕОНТИЯ / УМЕРШ. 22 АВГ. / в 1934 г. / на 52 г. жиз. / И СРОДНИКОВ ЕГО (ДЦ);**
О УПОКОЕНИИ / ВАСИЛИЯ / САКОВИЧА / Ум. П 10. / 1957. г. Ж. 82 г. / ИОАННА ГРИГОРИЯ / ЦЕНЦЕЛА / СООРУЖЕН / ЖИ. Д. ТОХВИЛОВ / ЦИ ВАСИЛИЕМ / 1958 г. (ДЦ);

О УПОКОЕНИИ / ФЕКЛЫ / ум. 5. IX. 1958 г. / ж. 71 го / САКОВИЧ / СООРУЖЕН / Ж. Д. ТОХВИЛОВЦ / ВАСИЛИЕМ (ДЦ).

Некоторые эпитафии отражают, вероятно, процесс работы над ними — начали писать одну формулу, а закончили другой:

За [фото в военной форме] П. / ВО [фото] ЄНН- / А [фото] ГО / ПОРУЧНИКА / ВАСИЛИЯ / ВАСИЛИЄВИЧ / БОНДАРУКА (ДЦ).

Судя по грамматическому согласованию, предполагалось «За упокой военного поручника», т.е. аббревиатура должна была быть **За УП.** Но мастер то ли пропустил букву У, то ли вспомнил другую формулу («здесь покойтсся»), и на памятнике появилась лишь буква П. Возможно еще одно объяснение: перед нами калька с польского «*za pokój*» или «*za spokój*» («за упокой»), представленная как «за покой» (**За. П.**).

Исследователи некрополей Западной Белоруссии отмечают, что на православных кладбищах Гродно начальные аббревиатуры редки, и видят в этом влияние католической традиции [3. С. 92–93]. Наши материалы свидетельствуют о другом: начальная аббревиатура содержится на всех, за малым исключением, надгробиях сельских православных некрополей Подляшья.

⁵ Авторы благодарят С.В. Грунтова за консультацию.

⁶ Выражение *в час* [...] *войны* является калькой с польского, ср.: *w czasie wojny*. Написание *войну* (т.е. воину) может быть обусловлено польским аналогом, ср. *wojownik, woj.*

Кому посвящена эпитафия

Собранный материал свидетельствует, что абсолютное преимущество при указании на личность усопшего составляет аббревиатура типа З. П и следующие за ней имя и фамилия покойного (частотно также указание при имени аббревиатуры Р Б («раб Божий» — см. ниже).

В наших материалах зафиксировано единичное (д. Черемха) упоминание о том, что в могиле покоится «прах» (при этом перед нами довольно редкий случай дублирования начальной аббревиатуры первыми словами эпитафии — «здесь упокоился» / «здесь покоится»):

З [четырёхконечный крест] У / **ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ / ПРАХ** Р. П.⁷ / ПАЛАГЕЯ КУПРИЯНОВНА / ЛАГВИНУК / СК. 1949. Г. Д 5. АВГУ / АНТОНИА. АННУ / ФИЛИПА. / СЕЙ. КРЕСТ. СООРУЖЕН / ДЕТМЫ. И. МУЖОМ. / СТЕПАНОМ / 1952 Г. Д 22. СЕНТ (Чер).

В материалах из Южного Подляшья (зона преобладания украинских говоров), напротив, упоминание о покоем прахе частотно (52 эпитафии из 525) [7]. Можно предположить, что данная формула является характерной для традиции эпитафий данного региона. Отметим, что единственный случай из нашей коллекции зафиксирован в населенном пункте, относящемся к переходной зоне украинско-белорусских говоров и сохраняющем в традиции мемориальной эпиграфики черты «украинской» зоны Подляшья.

Согласно материалам из Южного Подляшья, на большинстве памятников, посвященных нескольким людям, слово «прах» употребляется в ед. ч., ср.: ЗДЬСЬ ПОКО / ИТСЯ ПРАХЪ РАБО / ВЪ БОЖИХЪ / АННЫ, ЁЕОДОРА / ДОМИКИ / ІАКУМА, АННЫ И МАТРОНЫ / ВАЩУКИ [...] (памятник датирован 1913 г.; Добратыче, пов. Бяла Подляска [7. S. 104]); ЗДЬСЬ ПОКО / ИТСЯ ПРАХЪ РАБО / ВЪ БОЖИХЪ / ЮЛИ / ЯНІИ ВАСИЛІА МА / РІИ СТЕӨАНА / [...] СЕИ / КРЕСТ СООРУ / ЖЕНЪ ІАКОВОМЪ ВАЩУКОМЪ [...] (памятник датирован 1971 г.; Добратыче, пов. Бяла Подляска [7. S. 104])⁸; ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ / ПРАХ РАБОВ БОЖИХ / АНТОНА / АННЫ / РЫБЧИНСКИХ [...] (Гола, Влодавский пов. [7. S. 83]); ЗДЬСЬ ПОКОИТСЯ ПРАХЪ / СУПРУГОВЪ / ИВАНА И ЕЛЕНА / СИДОРУКОВЪ / СКОНЧ. 4 АПРЬЛЯ 1913 Г. (Вырыки, Влодавский пов. [7. S. 87–88]); ЗДЬСЬ / ПОКОИТСЯ ПРАХЪ / МЛАДЕНЦЕВА / АНДРЕЯ / СОФІИ МАРИИ / И МИХАИЛА / ГАРМАТА / СООРУЖИЛИ ОТЕЦЪ И МАТЬ ІХЪ / ЛУКА И РОЗАЛІА / ВЪ 1893 Г. (Стжельце, Хелмский пов. [7. S. 32]). Иногда при упоминании праха нескольких покойных во мн. ч. ставится глагол, ср.: ЗДЬСЬ ПОКОЯТСЯ ПРАХЪ / РАБА БОЖЬА / НИКОЛАЯ / КОЗЬМЫ / СЪ ЕГО ДЬТЬМИ [...] (Лещаны, Хелмский пов. [7. S. 52]).

Среди наших материалов есть единичный пример употребления слова «прах» во мн. ч. на памятнике, установленном в память нескольких человек

⁷ Аббревиатура Р.П. означает «рабу Божью», т.е. должно было быть написано Р.Б. Это либо ошибка мастера, либо пример гиперкоррекции, ср. в одной эпитафии из Южного Подляшья — *усобиши* вместо *усопшия*: В.П. / УПОКОЙ ГОСПОДИ / ДУШУ УСОБИШИ / РАБЫ ТВОЕЯ / АННЫ ИГНАТЮК [...] (Яблечна, пов. Бяла Подляска [7. S. 39]).

⁸ Судя по тому, что памятники установлены на соседних участках, поставлены они в память членов одной семьи Вашук; этим же может быть обусловлено использование дореформенной русской орфографии в эпитафии 1971 г. (своего рода семейная традиция).

(д. Клейники Гайновского повета); любопытно, что конечная формула опять переводит слово «прах» в единственное число (см. подробнее ниже):

[место для иконы] / ЗДЕС **ПОКОЯТСЯ** / **ПРАХИ** РЕБ. БОЖИХ / ХРИСАНФ ТОМАШ / МЕФОДИИ МИХАИЛ / ЯКОВ СТЕПАН / ПЕРАСКЕВА УЛЯНА / ОЛЬГА 1935 г. **МИР** / **ПРАХУ** / **ТВОЕМУ** (Кл).

Ср. эпитафию на могиле Петра Трохимюка (и, возможно, его родственников — надпись в публикации воспроизведена не полностью): **ВІЧНА ПАМ'ЯТЬ** **ВАШИМ** / **ПРОХАМ** [...] (Голешув, Влодавский пов. [7. S. 100]).

Отметим, что по сравнению с нашими материалами, данные **Ф.** Чижевского из Южного Подляшья содержат свидетельства о том, что в могиле покоится «тело» или «тела» (пять упоминаний — четыре случая из пов. Бяла Подляска и один из Парчевского пов. [7. S. 13, 38, 61, 78, 96]) и «останки» (один случай из Парчевского пов. [7. S. 109]).

Раб Божий / Раба Божая / Рабы Божии

Имени погребенного часто предшествует указание на его статус («раб(а) Божий(ая)»). Эти слова могут быть написаны полностью или частично сокращены:

[изображение шестиконечного креста] / ЗА. УП / **РАБИ** / **БОЖИЙ** / **КАТЭРИ** / **НИ ДЕРЭ** / **ВНІ ДУБИ** / **ЧИ.** / [в нижней части памятника изображение четырехконечного креста] (*ДЦ*);

РАБА БѢЖ / **УЛИТА** / **ДАНИЛОВНА** / **РОМАНЮК** [...] (*Щ-Н*).

Обращают на себя внимание случаи, когда в эпитафии смешиваются буквы разных алфавитов, например **Б** кириллическое и **В** латинское:

3. [в центре изображение шестиконечного креста] **П.** / **РАВА ВОЖІЬ** / **КИРІЬЛА** / **БИЛКИЕВІЧ** [...] (*Ч*).

В подавляющем большинстве случаев данное определение передается аббревиатурой **Р Б** / **Р. Б.** (см. также [10. S. 28]):

О ЗДРАВІИ / **Р. Б.** / **МУЖЧИН** / и / **ЖЕНЩИН** / *дер. ЧЕХИ* / 17 VI 1962 г. (*ДЦ*, прицерковный участок).

Реже встречаются случаи упоминания «рабов Твоих»:

[...] **ДУШЫ** / **РАБЫ ТВОЯ** / **ОНІКІЯ** / **І МАРІЙ** / **КАРЧЕВСКІ** [...] (*Ч*);

УПОКОЙ ГОСПОДЙ / **Р. Т. КОРНИЛІЯ Й** / **ТАТІЯНУ** [...] (*Ч*).

Содержательная часть эпитафии: сокращения частотных слов

Разнообразие наблюдается при описании установления креста или памятника. Используются формулы: крест «сооружен», «поставлен» + кем (имя/термин родства в тв. п.); крест «соорудили», «сооружили» + кто (имя/термин родства в им. п.)⁹. Второй вариант упоминания жертвователей — использование формулы «память от», «на память от» + род. п. Все эти слова (включая термины родства и имена собственные донаторов) могут сокращаться, они понятны потенциальному читателю и узнаваемы — отсекаются окончания или слова

⁹ Ср. в Южном Подляшье: «сей крест сорузил», «сооружили отец и мать», «мать сооружыла», «збудовав», «збудовала», «поставлен сїновьями», «сей крест сооружил», «сеи крест сооружень» [7. S. 14, 32, 48, 49, 54, 91, 104].

сокращаются до одной буквы (например, «ж» — «жизни»); в словах, традиционно писавшихся под титулом в церковнославянских текстах (например, «крест»), опускаются гласные:

СООРУЖ. ЖЕНЩИН. Д. / ДУБИЧИ-ЦЕРКОВНЫ / 15 МАЯ 1938 г. (ДЦ, придорожный крест);

СЕЙ КР. СООР. / ДНЯ 6-І-1962 г. / МОЛОД. ДЕР. / РУТКА (ДЦ, прицерковный участок);

СЕЙ КРЕСТ / СОР ОЛГА / ВИЛКІЕВІЧ (Ч);

СЕ КРСТЬ СОРУЖЕНЬ / СИНОМЪ / ӨИЛИПОМЪ (ДЦ);

СЕЙ КРЕСТ / СООРУЖОН / ДОЧЕР МАРЬ / СЕГЕНЬ (Ч);

НЕЗАБВЕН ДЫВЕРУ / ПАРАСКЕВА ПЧЕЛА / Д. ТОФИЛОВЦЫ / 20. IV 1949 (ДЦ);

ДОРОГ СЫНУ / ДИАКОН РОМАН и / МАРИЯ (ДЦ);

ДОРОГ МУЖУ И СЫНУ / МАРИЯ / Д. ТОФИЛОВЦЫ I I 1950 г (ДЦ);

Нами была зафиксирована эпитафия, в которой говорится о четырех поколениях одной семьи (памятник установлен оставшимися в живых представителями «поколения детей» — среди почивших упоминаются родители, дети, внук и правнук):

з. [крест шестиконечный] п. / ГЕРМАН / КАЧКА / ж. 65 г. ум. В 1831 г. / ДЕТИ ЕГО МАРИЯ / ТИМОФЕЙ АНАСТАСИЯ / ВН. ИВАН И ПР. ПЁТР / МИР ПРАХУ ИХ / ПАМЯТЬ ОТ ДЕТЕИ / д. ДУБИЧИ-Ц. 1974 г. (ДЦ).

Так же, как и в соседних регионах, используются частотные сокращения типа род.[ился], р.[одился], ж.[ил], ск.[ончался], ум.[ер], уб.[ит], пог.[иб] и др. [7. S. 28, 30, 31, 32 и др.; 10. S. 28]:

3. [изображение шестиконечного креста] П. / ПАВОЛ / МАКСИМЭК / род. 1884 г. ск. 1944 г. / ЛИДИЯ / род. 1931 г. ск. 1934 г. / НИНА / жила 3 мес. (Ш-Н);

[надгробие в виде сердца, в правом верхнем углу — фото] / МАРИЯ / СИЛЬВОНЮК / род. 18.10.1968 / ск. 12.07.1974 / от скорбящих / родителей (Ш-Н);

3. [место для портрета? иконы?] П. / МЛАДЕНЕЦ / МИРОСЛАВ / ГЕОРГИЕВИЧ / ЯКОНЮК / р. 22-VI 1962 г. / ум. 30 III 1963 г. / СЫНОК НАШ ДОРОГОЙ / ЛЕЖЫШ ТЫ В ЗЕМЛИ СЫРОЙ / МЫ ОЧЕНЬ ПЕЧАЛИМ СЕБЬЯ / ЖЕ БОЛЬШЕ НЕ УВИДИМ ТЕБЬЯ / ГЕОРГИЙ И НИНА / с дер. ЧЕХИ 20 IV 1963 г. (ДЦ);

3. [изображение шестиконечного креста] П. / МИХАИЛ / СИМЕОНОВИЧ / ТАРАСЮК / род. 13 XI 1949 г. / ум. 16 VIII 1950 г. (ДЦ);

3. [в центре изображение шестиконечного креста] П. / РАВА ВОЖІЬ / КИРІЬЛА / БИЛКІЕВІЧ / ПР 78 ЛЕТ / СК 17 III 1951 / МИР ПРАХ / СЕЙ КРЕСТ / СОР ОЛГА / ВИЛКІЕВІЧ / ЧІЬЖІЬ 20 IX / 1963 г. (Ч).

Для обозначения периода жизни употребляется глагол несовершенного вида «жил(а)»: ИВАН / ГРИГОРУК / жил 30 лет (ДЦ); МАРЫЯ / КАЗИМИРУК / ЖИЛА 30 Л. (ДЦ); ИВАН / АНТОНЮК / ж. 66 л. (ДЦ); ДОЧКА АНАСТАСИЯ / ж. 4 г. ум. в 1941 г. (ДЦ).

Для обозначения истечения жизненного срока употребляются глаголы совершенного вида «прожил», «пожил» (ср. [10. S. 29]), а окончание жизни

описывается не только литературными глаголами «умер», «скончался», но и просторечным «помер» («пом.»., «пр.»):

За [четырёхконечный крест, основание в овале] УП. / РАБА БОЖ / ФОМУ / ЛЕВЧУКА / [волнистый декор] / **ПРОЖИЛ** / 72 г. / **ПОМЕРЬ** 1938 Г. / [волнистый декор] / СЕЙ КР. СООР. / ОЛЬГОЮ / ДУДЬЛ / [волнистый декор] / 1969 Г. (Ч);

3. [четырёхконечный крест] П. / ЗА УПОКОЙ / РАБА БОЖОГО / ФИОДОРА / ПИОНЧУКА / **ПОМЕР** 24. МАЯ / 1900 ГОДУ / **ПОЖЫЛ** 77 Г. / ОТ РОДУ (Ч);

В [четырёхконечный крест] П / ЗДЕСЬ ПОКОЙ- / ТЦА МЛАДЕНЕЦ / МИРОСЛАВ / ГЕРАСИМИЮК / **РОД** 28 V 1962 г. / **ПОМ** 30 V 1962 г. [...] (ДЦ);

3. [в центре оставлено место для иконы?] П. / ФИЛИПА / ГОЛЬОНКО / **УР.** 1893 г. **ПР.** 1945 / ПАМЯТЬ / ОТ ЖЕНЫ / И ДЬЕТЬЕЙ / ЧЫЖЫ дн. 17 IV 49 (Ч).

Есть единичные примеры своеобразного высокого стиля; в эпитафии на могиле Анисима Багинского говорится, что он «скончил жизнь»:

[барельефное изображение скорбящей женщины] / АНИСИМ БАГИНСКИ / ОТ РОДУ 32 ГОДА / СКОН. ЖИЗ. 14 ДЕКАБ / 1935 Г. МИР ПРАХУ / ТВОЕМУ В ПАМЬЯТ / ПО ДОРОГОМУ МУЖ (Щ-Н).

Некоторые эпитафии отражают влияние польского языка; зафиксирована передача кириллицей польских лексем *urodziła się, zmarła*:

ЗА [изображение наклоненного вправо шестиконечного креста] УП. / Дмитрук Анна / здому Саевич / у. 17 VI 1891 **зм.** / 24 IX 1959 го. / прсив о молитве / соружень Р.Б. / Дмитрук Максим / Климиук Владимир (ДЦ).

В этой эпитафии польское влияние очевидно и в употреблении традиционной финальной формулы «просив о молитве» (ср. пол. *prosi o modlitwę, proszę o modlitwę* — «он (умерший) просит о молитве» или «я (умерший) прошу о молитве»)¹⁰. Как указал нам коллега С.В. Грунтов, данная формула на католических надгробиях представлена в более конкретизированном варианте: *Proszę o Zdrowaś Maryjo* (с большой вариативностью окончания имени Мария) или *Proszę o Pozdrowienie Anielskie*¹¹. В нашем случае интересна форма *прсив* (т.е. *просив*), указывающая, что о молитве за упокой души просил один из поставивших памятник донаторов?

Результатом влияния польского языка можно объяснить особенности согласования числительных со словом «года»/«годов» или «лет»:

П. [наклоненный влево восьмиконечный крест] 3. / ПАРАСКЄВИЯ / ПАВЛОВНА / ПШЧОЛА / Ум. 27 октября / 1943 го. / жи. **70 го.** (ДЦ);

3. [изображение шестиконечного креста] П. / ЕВДОКИЯ ИВАНЮК / жила **51 лет** / мир праху твоему / Грабовец (ДЦ);

¹⁰ См. рассмотренные выше эпитафии на могиле супругов Масальских, где данная формула составляет параллель с финальной формулой кириллической эпитафии — «мир праху твоему».

¹¹ Благодарим С.В. Грунтова за консультацию. Об этих формулах см. также [3. С. 101].

[лежащий шестиконечный крест и лавровая веточка] / З.П. / АНАСТАСИЯ / КОВШУК / ЖИЛА 102 ЛЕТ / УМ. 26 - VI - 2012 г. / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ (ДЦ)¹².

Аналогичная тенденция прослеживается и в материалах из Южного Подляшья: В. П. / ЮЛЯ / ГАЦЬ / ЖИЛА ЛЕТ 91 [...] (Горостыта, Влодавский пов. [7. S. 31]); ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ / ИВАН ЁВИК / ЖИЛ ЛЕТ 81 [...] (Конты, пов. Бяла Подляска [7. S. 42]); ЕМЕЛЯН / КУШНЕРУК / ЖИЛ 63 ЛЕТ [...] / EMILIAN KUSZNERUK / ŻYŁ LAT 63 [...] (Бокинка Паньска, пов. Бяла Подляска [7. S. 56]).

Для обозначения внезапно оборвавшейся жизни (гибель на войне или в результате несчастного случая) употребляются не только глаголы «убит» или «погиб», но и определение смерти как «трагической / трагичной», при этом вариативность написания в данном случае также велика:

[в центре — место для иконы / лежащий восьмиконечный крест] / ВЛАДИМИР / РОМАНОВИЧ / СТАРОСЕЛЬНИК / УБ. НЕМЕЦКИМИ / ОКУПАНТАМИ / 27. VI. 1941 г. / НА 25 г. ЖИЗ. / ПОМЯНИ ЕГО ГОСПОДИ / ВО ЦАРСТВИИ ТВОЕМ [...] (ДЦ);

ПАВЕЛ / ЗИНОВИЕВ / РОЛЯ / род. 24 III 1909 / уб. в польск. арм. / 16 IV 1945 г. / и похоронен / в г. Кольфурт / [фотография] / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ (ДЦ);

УПОКОЙ Г. / ДУШУ РАБА ТВОЕГО / АЛЕКСЕЯ / ЛЕОНЮКА / ПОГ. ОТ НЕМЦОВ / В ЛЮБЛИНЕ В 1943 г. / ЖЫЛ 34 года (ДЦ);

[слева — детское фото, справа — шестиконечный крест] / З.П. / ПЁТР / ВИШНЕВСКИ / род. 2.01.1976 г. / погиб траг. см. / 14.04.1979 г. (Ч);

ТРОФИМ ж. 15 л. / ПОГИБ ТР. СМ. в 1942 г. (ДЦ);

[изображение четырехконечного креста / ниже по центру фото, вокруг него группируется надпись] / За [фото в военной форме] П. / ВО [фото] ЄНН- / А [фото] ГО / ПОРУЧНИКА / ВАСИЛЯ / ВАСИЛИЄВИЧ / БОНДАРУКА / ПОГИБ ТРАГИ- / ЧНОЙ СМЕРЬЮ / 25 Д ІЮНЯ 1953 г. / В 6 ВЕЧЕРА Ч. / РОЖД. ЄГО 27 Д / ОКТЯБРЯ 1929 г. / СЕЇ КР. СООР. / МАТЕРЬЮ / БОНДАРУК / Д. ЧОХИ (ДЦ).

Аналогичные конструкции зафиксированы в Южном Подляшье: «загинули трагічно», «трагічно загинув» [7. S. 57, 97].

«Трагично» можно не только *погибнуть*, но и *умереть*:

МИХАИЛ / МИХАЙЛОВИЧ / ИВАНЮК / жил 21 г. / ум траг. 17 XI 1965 (ДЦ).

Эта формула также распространена в южной части Подляшья, она даже более частотна, чем формула с глаголом «погиб»: «пом. трагично», «трагично померла», «вмер трагічно», «траг. пом.», «помер трагічно», «помер трагичною смертю», «пом. траг.», «трагично вмарлому», «пом. трагично» [7. S. 28, 51, 59, 75, 76, 87, 92, 93, 108].

Сокращения подвергаются названия месяцев, на которые пришлось смерть: АПР[е]ЛА (ДЦ, коллективный памятник без фамилии), АВГ[уста] (ДЦ, Леонтий), АВГУ[ста] (Ч, Лагвинук); СКОН. ЖИЗ. 14 ДЕКАБ / 1935 Г. (Щ-Н, Багински), ум. 17 дек[абря] 1936 г. (ДЦ, Качка), 15 ФЕВР[аля] 1925 г.

¹² На этой могиле сохранена первая временная табличка, где написано по-польски: Ś. P. / ANASTAZJA / KOWSZUK / Żyła lat 102.

(ДЦ, Джега), 13 СЕН 1933 г. (ДЦ, Джега). В случаях, когда при передаче дат используются римские цифры, надписи иногда превращаются в ребус, как, например, на надгробии Пелагии Онопрынок на кладбище д. Дубичи Церковные:

3. [изображение восьмиконечного наклонного креста и место для иконы] П. / ПЕЛАГИЯ / ПЕТРОВНА / ОНОПРЫЮК / ж. 74 л. ум. 31X63 / МИР ПРАХУ ТВОЕ- / М.У. / [разделительная линия] / ДОРОГОЙ МАМЕ / КРЕСТ СООРУЖЕН / ГРЫГОРЫЕМ. ОЛЬГОЙ / ДЕР. МОХНАТЕ (ДЦ).

Дата смерти в данном случае (написана без пробелов и точек между цифрами) может быть прочитана и как 3 сентября, и как 31 октября.

Заключительные формулы

Наиболее частотным заключительным элементом эпитафии является «мир праху твоему / вашему / их»¹³. При этом воспроизводится она в широком диапазоне — от полной формулы до аббревиатуры:

3. [изображение шестиконечного креста] П. / АНАСТАСИЯ / РЫБАК / ж. 94 г. ум. в 1981 г. / **МИР ПРАХУ ТВОЕМУ** / ПАМЯТЬ ОТ РОДНЫХ / в 1982 г. (ДЦ);

3. [изображение шестиконечного креста] П. / АЛЕКСАНДРА / АРСЕНТИЕВНА / КРАСЬКО / ж. 35 л. ум. в 1937 / **МИР ПРАХУ ТВОЕМУ** / ПАМЯТЬ ОТ ДОЧКИ / КСЕНИИ с МОСКВИ / в 1970 г. (ДЦ);

3. [изображение шестиконечного креста] П. / ПАВЕЛ / ТАРАСИУК / жил 86 лет / ум. 28. VII. 1949 г. / [декор] / **МИР ПРАХУ ТВОЕМУ** (ДЦ);

[изображение шестиконечного креста на голгофе] / ЗА [фото на две строки] УП. / Р [фото на две строки] Б / ОТРОКОВИЦА / НАДЕЖДЫ / Г. 1925 20.IV / СОН. 1946 25 XII / **МИ ПРАХУ / ТВОЕМУ** (Ч)¹⁴;

[в левом верхнем углу — фото] / 3. [изображение шестиконечного креста] П. / МАРЫЯ / КАЗИМИРУК / ЖИЛА 30 Л. / **МИР ПРАХУ ТВО** / ПАМЯТОТСЫНА (ДЦ);

3. [шестиконечный крест] П. / МАРИЯ / МАСАЛЬСКА / жила лет 88 / ум. 4.II.1999 / **МИР ПРАХУ ЕЁ** (ДЦ);

3 [четыреконечный крест] П / АННА / ДАНИЛЮК / РО 26 III 1988 / УМ 26 III 1988 / **МР ПР ЕЕ** (ДЦ);

3 У / ВЕРА / ГАВРЫЛЬУК / ЖЫЛА 31 / СК 7 IX 1936 / **МИР ПРАХ** / СЕИ КРЕСТ / СОРЖ / СЫН ВА / СИЛИ ЧЫЖЫ / 15 IV 1966 (Ч);

[фото] / МИХАИЛ / МИХАЙЛОВИЧ / ИВАНЮК / жил 21 г. / ум траг.17 XI 1965 / **М.П.Т.** / СООРУДИЛ СЫНУ / МИХАИЛ / д. ГРАБОВЕЦ 1966 г. (ДЦ)¹⁵;

3. [наклоненный влево восьмиконечный крест] П. / ЕЛЕНА / МОРЕ / жила 85 л. / ум. 12 X. 1975 г / **М. П. Т.** / сооружен ЛЕОНТИЕМ / д. ТОФИЛОВЦИ (ДЦ).

¹³ В польскоязычных надписях этой формуле соответствует формула *Pokój jej / jego / ich duszy / duszom*, см. [13].

¹⁴ В этой эпитафии Г. 1925 должно означать Р. 1925 (родилась в 1925 г.); СОН 1946 – СКОН 1946 (скончалась в 1946 г.).

¹⁵ В польскоязычных эпитафиях формула также может быть представлена в виде аббревиатуры: *PJD* «*pokój jej/jego duszy*», *PID* «*pokój ich duszom*» [10. S. 31].

Наше внимание привлекла эпитафия на одном из памятников в д. Щиты-Новодворы:

БЕЗЮК / АФАНАЗИЙ / жил 53 г. ум. 8.08.1946 г. / ИОАН / жил 52 г. ум. 7.06.1948 г. / АНАСТАЗИЯ / жена Афаназия / [на нижней части памятника отдельная табличка] / **МИР ПРАХУ ТВОЕМУ** (Щ-Н).

Это семейное захоронение, но финальная формула дана в ед. ч. Можно сделать предположение, что слова «мир праху твоему» адресованы именно Анастасии, «жене Афанасия», ни дата рождения, ни дата смерти которой не указаны. Если для Анастасии этот памятник является кенотафом (т.е. захоронена она где-то в ином месте или место захоронения вообще неизвестно), то финальная формула является единственным способом помянуть ее вместе с родственниками.

Употребление финальной формулы во мн. ч. также разнообразно:

3. [изображение шестиконечного креста] П. / ВАРФОЛОМЕЙ / НЕСТЕРУК / ж. 68 л. ум. 26 III 1932 г. / И СЫН ЕГО / СТЕФАН ж. 35 л. / ПОГИБ НА ВОИНЕ / в 1917 г. / **МИР ПРАХУ ИХ** / ПАМЯТЬ ОТ СЫНА / ИВАНА д. ЧЕХИ / в 1970 г. (ДЦ);

3. [изображение шестиконечного креста] П. / ИВАН / ГРИГОРУК / жил 30 лет / убит нем. окуп. / 27 VI 1941 г. / И ДОЧКА АНАСТАСИЯ / ж. 4 г. ум. в 1941 г. / **МИР ПРАХУ ИХ** / ПАМ. ОТ ЖЕНЫ МАРИНЫ / И МАТЕРИ ПАРАСКЕВИ / д. ДУБИЧИ 1969 г. / жена / МАРИНА / ж. 83 г. ум. 26 X 1991 г. (ДЦ);

3. [крест шестиконечный] п. / ОНОПРЫЮК / ИВАН ум. 1920 г. / ВАВРЕН ум. 1920 г. / АКИЛИНА ум. 1936 г. / **МИР ПРАХУ ИХ** (ДЦ);

3. [изображение шестиконечного креста] П. / ЕВДОКИЯ ТИХА / ЖЫЛА 60 лет УМ. 1922 г. / муж её РОМАН / ЖЫЛ 57 лет УМ. 1909 / **МИР ПРАХУ ИХНЕМУ** / ПАМЯТЬ ОТЪ ДЕТЕЙ / д. ТОФИЛОВЦЫ (ДЦ).

Вариант «мир праху вашему» имитирует прямое обращение к покойным:

3. [изображение шестиконечного лежащего креста и веточки] П. / БЕРЕЗНЯК / младенцы / МАРИЯ / ИОСИФ / МАРИЯ / **МИР ПРАХУ ВАШЕМУ** (ДЦ);

СТЕФАН / ПЕТРОВИЧ / ПЧЕЛА / жил 71 г. / ум. 12 III 1949 г. / ПЕТР ПАВЕЛ И / АЛЕКСЕЙ / **МИР ПРАХУ ВАШЕМУ** (ДЦ).

Сингулярная форма поминания на коллективном памятном кресте может помещаться в начало эпитафии (за формулой следует список имен поминаемых) — нами зафиксирован один такой случай в Дубичах Церковных:

[изображение шестиконечного креста] / 1935 г. Д 25 / АПРЛА / **МИР ПРАХУ / ТВОЕМУ**. / ИВАИА СКО 1934 / МАРӨА. СКОЧ 1934 / АННА ПАРАСКВІЙ / N ВСЕХ СРОДНИКОВ / СЕ КРСТЬ СОРУЖЕНЬ / СИНОМЬ / ӨИЛИПОМЬ (ДЦ).

Молитвенные формулы

В эпитафиях может присутствовать формула, восходящая к поминальным молитвенным текстам на церковнославянском языке.

«Упокой Господи...»

В этом наиболее частотном обращении (ср. [7. S. 14–15, 20, 32, 33, 34, 39, 41–42, 45, 52, 61, 65, 68, 70, 71, 75, 77, 83, 88, 95, 99, 103, 111]), предшествующем

тексту эпитафии, написание имени сакрального персонажа может подвергаться сокращению; иногда сокращенно пишутся оба слова и вся фраза представлена аббревиатурой:

УПОКОЙ Г. / ДУШУ РАБА ТВОЕГО / АЛЕКСЕЯ / ЛЕОНЮКА (ДЦ);

У. [изображение шестиконечного креста] Г. / МДАДЕНЦА / АНАТОЛИЯ / РОЖ 26 I 1960 г. / УМ IV 6 1960 г. / СЕЙ КРЕСТ СООР. / РОДИТЕЛЯМИ (Чер).

По наблюдению А. Дудек-Шумигай, на надгробиях южной части Подляшья встречаются сокращения типа ГОС, ГСП, ГОСП или написание слова ГДИ под титлом [10. S. 29–30]; в наших материалах таких позиций пока не выявлено. В материалах Ф. Чижевского представлен единичный случай замены сакрального имени — вместо Господа упомянут Христос: **УП. ХР. Р. БОЖ. / ЯКОВА В. / ЮЙКО [...] СК. [...] 1909 Г. / Р. ДОР. ОТЦУ ОТІ СІНА [...] 1914 Г. (Кодень, пов. Бяла Подляска [7. S. 39]).**

Обратим внимание на единичный случай, когда формула «Упокой Господи...» помещена в конец эпитафии. Адресована она не молодой девушке, захороненной в могиле, а людям, которых наряду с погребенной хотел бы помянуть донатор, установивший крест:

3. [четырехконечный крест] П. / ПЕЛАГИИ ПАВЛОВНА / ЛЕВЧУКЪ / СКОН. НА 17 ГОДУ / ЖИЗНИ 1934 Г. 17 III / УПОКОЙ ГОСПОДИ / Р. Т. КОРНИЛИЙ Й / ТАТИАНУ / СЕЙ КРЕСТЬ СОРУЖЕНЬ / ФОМОЙ ЛЕВЧУКОМЪ / 1935 Г. 5 АПРЕЛЯ (Ч).

«Помяни Господи...»

Эта формула была зафиксирована нами дважды¹⁶. Отметим, что оба случая нетривиальны: эпитафия в первом посвящена сыну диакона, во втором — читается на могиле самоубийцы.

[в центре — место для иконы / лежащий восьмиконечный крест] / **ВЛАДИМИР / РОМАНОВИЧ / СТАРОСЕЛЬНИК / УБ. НЕМЕЦКИМИ / ОКУПАНТАМИ / 27. VI. 1941 г. / НА 25 г. ЖИЗ. / ПОМЯНИ ЕГО ГОСПОДИ / ВО ЦАРСТВИИ ТВОЕМ / ДОРОГ СЫНУ / ДИАКОН РОМАН И / МАРИЯ / с. ДУБИЧИ 17 IX 1949 г. (ДЦ);**

3 [четырехконечный крест] У / Помяни / Господи / душу раба / Тимофея / Рынкевич / род. 1884 год / ум. 1-X-1949 го. / СМИЕРТЬ / ЗДЕЛАВ / СВОЕЙ РУКОЙ / [декор, два круга, как лежащая цифра 8] / СЕЙ КРЕСТ / СООРУЖИЛА / БЫЩУК АННА (Ч).

На возможность нетривиального прочтения формулы «помяни Господи» в контексте суицида внимание авторов обратил С.В. Грунтов. Он высказал предположение, что эту формулу можно трактовать как своего рода обход ограничений на поминание самоубийцы, налагаемых церковью; за душу самоубийцы кроме специального дня или дней молитвы не принято, следовательно, и помещать на надгробие самоубийцы адресованную кому-либо из людей стандартную просьбу помолиться за него было неуместно; в данном случае помолиться просят Господа, а не прохожего или читающего эпитафию. Таким образом, душе человека, наложившего на себя руки, как бы обеспечивается поминовение свыше¹⁷.

¹⁶ В материалах Ф. Чижевского, значительно превышающих наши по объему, она также встречается редко — всего три случая, ср. [7. S. 34, 84, 103].

¹⁷ Авторы благодарят С.В. Грунтова за консультацию.

«Прими во Царствии Твоем...»

[наклонный шестиконечный крест] / **ПРИМИ ВО / ЦАРСТВІЬ ТВО / ЕМ ДУШЫ / РАБЫ ТВОЯ / ОНІКІЯ / І МАРІЙ / КАРЧЕВСКІ / СЕЙ КРЕСТ / СООРУЖОН / ДОЧЕР МАРІ / СЕГЕНЬ / ЧИЖІЬ 7.IV.1955 (Ч).**

В материалах из Южного Подляшья зафиксирована также формула «Царство небесное им» (Кодень, пов. Бяла Подляска [7. S. 49]), а также пять случаев, когда в эпитафии присутствует фраза «Со святыми / святыми упокой душу усопшаго раба Твоего / души раб Твоих / душу усопшаю рабу Твоею / душу усопшаю рабы Твоею / душу рабы Твоея...», причем все эти эпитафии зафиксированы на одном некрополе (Заблотье, пов. Бяла Подляска [7. S. 16, 59, 90, 96, 110]) и составляют, таким образом, микролокальную традицию. По данным из Малопольского воеводства (лемки), собранным Л. Фроляк, эта формула бытует и там, ср.: «Съ Святими / Упокой Христе / душу раба твого / Павла / Павелчака / и сотвори ему / Вѣчную Память» (надгробие 1913 г., Горлицкий пов. [4. Р. 201]).

Памятник как память

Формализации подвергается также информация, от кого кому или в память кого поставлено надгробие. Донаторы могут обозначаться терминами родства (дети, муж, жена, сын, дочь, внук, «родные») или выступать под своими именами с указанием степени родства:

3. [крест шестиконечный] п. / **УЛЬАНА / РОМАНОВНА / САМОСЮК / ум. I XI 1957 г. / НА 75 ЛЕТ / ЖЫЗНИ / МУЖ ЖЕНЕ / ДЕТИ МАТЕРИ [...]** (ДЦ);

3. [изображение 6-конечного креста] П. / **АНАСТАСИЯ / РЫБАК / ж. 94 г. ум. в 1981 г. / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ / ПАМЯТЬ ОТ РОДНЫХ / в 1982 г.** (ДЦ);

3. [изображение шестиконечного креста] П. / **ИАКОВ / ФИЛИППОВИЧ / РИБАК / жил 67 л. / ум. 27. IX. 1955 г. / ПАМЯТЬ ОТ ЖЕНЫ И ДИТЕЙ / АНАСТАСИИ ВЛАДИМИРА / И АННИ д. Тофиловци 1955** (ДЦ);

3. п. / **ИГНАТ / ЛАВРЕНТИЕВИЧ / ОНОПРИЮК / прожил 56 лет / ум. 28 IV 1963 г / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ / ПАМЯТЬ ОТ ЖЕНЫ И СЫНА / дер. ДУБИЧИ-Ц. в VI 1963 г.** (ДЦ);

3.П. / **КОРНИЛО / МАРЧУК / жыл 81 год / ум. 13 VIII 1960 г. / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ / ПАМ. ОТ ЖЕНЫ / ПАРАСКЕВЫ И / СЫНА МАКСИМА / д. ДУБИЧИ 20 IX 1960 г.** (ДЦ);

МАКСИМ / КОРНИЛОВИЧ / МАРЧУК / ж. 65 л. ум. 13 I 1969 г. / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ / ПАМЯТЬ ОТ ЖЕНЫ / ДОМИНИИ И ДОЧКИ МАРИИ / д. ДУБИЧИ в 1970 г. (ДЦ);

3. [крест шестиконечный] п. / **УЛЯНА / САПЕЛКА / ж. 66 л. ум. в 1945 г. / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ / ПАМЯТЬ ОТ ДЕТЕЙ / УЛИСИ ВЕРЫ / И ТАТЬЯНЫ в 1979 г.** (ДЦ);

3. [крест шестиконечный] п. / **АНАСТАСИЯ / ГАВРИИЛОВНА / ДМИТРУК / ж. 82 г. ум. 9.VIII 1969 г. / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ / ПАМЯТЬ ОТ ДЕТЕЙ / ИВАНА И МАРИИ / д. ДУБИЧИ 26.IX. 1969 г.** (ДЦ);

3. [крест шестиконечный] п. / **АННА / ЧИКВИН / ж. 34 ум. 10 IV 1932 г. / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ / ПАМЯТЬ ОТ ДЕТЕЙ / ДЕЛЯНА И ОЛЬГИ / д. ЧЕХИ в 1986 г.** (ДЦ);

з. [крест шестиконечный] п. / ЯКИМ / ИГНАТИЕВИЧ / ГЕРАСИМЮК / ж. 27 л. ум. 29 X 1925 г. / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ / **ПАМЯТЬ ОТ ДЕТЕЙ / ВЛАДИМЕРА И ИВАНА** / д. ДУБИЧИ в 1970 г. (ДЦ);

з. [крест шестиконечный] п. / РОМАН / МИХАИЛОВИЧ ж. 50 л. / жена ВАСИЛИСА / ПАВЛОВНА ж. 49 л. / КОРХ / ум. 1918 г. / МИР ПРАХУ ИХ / **ПАМЯТЬ ОТ ВНУКА ИВАНА / И ЕГО ЖЕНЫ НИНЫ** / д. ДУБИЧИ в 1984 г. (ДЦ);

з. [крест шестиконечный] п. / ТИХОНЬ / ГИЛЬ / ж. 50 л. ум в 1919 г. / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ / 1965 г. / **ПАМЯТЬ ОТ ВНУКИ МАРИИ** (ДЦ);

з. [крест шестиконечный] п. / МАРТА / ТОПОР / ж. 80 л. ум. 28 VI 1975 г. / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ / **ПАМЯТЬ ОТ ВНУКИ / ОЛЬГИ и ее МУЖА ПАВЛА** / д. ТОФИЛОВЦЫ в 1975 г. (ДЦ).

Интересна эпитафия, в которой памятник сам по себе обозначен как «память»:

З. [в центре изображение шестиконечного креста] П. / ДЕМИДЬ / ПЕТРУЧУКЪ / ЖИЛЬ 51 Г. / СК. 10 ФЕВРАЛЯ / 1937 / **ПАМЯТЬ / ДОРОГОМУ ОТЦУ** (Щ-Н).

Наше внимание также привлекла эпитафия, в которой о надгробном кресте говорилось, что поставлен он «на память», т.е. представляет собой как бы подарок усопшей от детей:

З. [восьмиконечный крест] П. / МАРФА САХАРЧУК / УМЕРЛА В 1954 г. НА 65 г. Ж / ЧИЖЫ / **НА ПАМЯТЬ ОТ ДЕТЕЙ** (Ч).

Еще больший интерес вызвала эпитафия, в которой о памятнике прямо говорилось как о «последнем подарке» от матери и брата погибшей в 1944 г. 10-летней Анастасии Прокопюк. Из эпитафии понятно, что впоследствии мать Анастасии — Харитина Прокопюк — была захоронена в этой же могиле, а для ее отца — Андрея Прокопюка — надгробие является кенотафом (он пропал без вести — «погиб без известия» в 1942 г.).

З. [в центре изображение шестиконечного креста] П. / АНАСТАСИЯ / ПРОКОПЮК / РОД 1934 г. / ПОГ. ТРАГ. СМЕРТЬЮ / 1944 г. / **ПОСЛЕДНИЙ ПОДАРОК** / ОТ МАТЕРИ И БРАТА / З. П. / ХАРИТИНА / ПРОКОПЮК / РОД. 1914 г. УМ. 1980 г. / АНДРЕЙ / ПРОКОПЮК / РОД. 1906 г. / ПОГИБ БЕЗ ИЗВЕСТИЯ / в 1942 г. (Щ-Н).

В материалах из Южного Подляшья также зафиксировано свидетельство о «последнем подарке». Эпитафия рассказывает о семейной трагедии: сын убил 73-летнего отца (которому и посвящена эпитафия), а памятник — это «последний дар» отцу от «добрых» детей, т.е. двух других сыновей, к убийству не причастных.

Б. П. / КІНДРАТ / ІЛЬЧИНА / УБИВ / РІДНІ СИН / СТЕПАН / НА 73 РОЦІ ЖИТ. / 21 СЕРП. 1937 р / СПОКІЙ ТВОЙ / ДУШІ / ОСТАННІЙ ДАР / ДОРОГОМУ БАТЬКО / ВІД ДОБРИХ ДІТЕЙ / ІЛЬЯ І МИХАЙЛО / РОДИНА (Коденец, Парчевский пов. [11. S. 210]).

На данном этапе исследования мемориальной эпиграфики Гайновского повета Подляского воеводства мы рассмотрели некоторые локальные особенности использования аббревиатур и формализованных лексико-фразеологических конструкций в эпитафиях. Графические особенности

проанализированных текстов передают особенности бытования «русского» языка на данной территории; он бытует преимущественно в устной форме, поэтому письменность передает фонетические особенности местного говора (твердые [р], [ж], [ч], [ц]). Наблюдается отход от стереотипных литературных лексических форм к «разговорным» («помер», «пожыл» и т.п.). Влияние польского окружения проявляется не только в использовании калькированных выражений («в час», «за покой», «змарла» и др.), но и в смешении кириллических и латинских букв.

Подводя предварительный итог, можно заключить, что эпитафии православных некрополей – это один из способов этноконфессиональной самоидентификации восточнославянского населения восточных районов Подляского воеводства.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ДЕРЕВЕНЬ ГАЙНОВСКОГО ПОВЕТА ПОДЛЯСКОГО ВОЕВОДСТВА

ДЦ – Дубичи Церковные
Кл – Клейники
Кур – Курашево
Н – Новоберезово
Ч – Чижи
Чер – Черемха
Щ-Н – Щиты-Новодворы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова О.В., Ясинская М.В. Антропонимия и топонимия в мемориальной эпиграфике Подляшья // Вопросы ономастики. 2021. № 1. С. 62–84.
2. Белова О.В., Ясинская М.В. Мемориальная эпиграфика польско-белорусского пограничья: коллективная память и практики коммеморации // Slavica Slovaca. 2020. Roč. 55. № 3. S. 346–358.
3. Пивоварчик И., Филина Н. Эпиграфика надгробных памятников поликонфессионального региона // Кладбища трансграничных регионов. Сборник научных статей по некрополистике / ред. С. Пивоварчик. Минск: Медисонт, 2015. С. 91–108.
4. Фроляк Л. Структурно-семантичні типи інскрипцій та графічні особливості намогильних написів на деяких лемківських цвинтарях (Ч. 1) // Spheres of Culture. Vol. 1. 2012. P. 192–203.
5. Фроляк Л. Структурно-семантичні типи інскрипцій та графічні особливості намогильних написів на деяких лемківських цвинтарях (Ч. 2) // Spheres of Culture. Vol. 2. 2012. P. 203–213.
6. Фроляк Л.Д. Семантика і структура намогильних написів православних некрополів польсько-східнослов'янського пограниччя // Nekropolie jako znak kultury pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego / red. Czyżewski F., Dudek-Szumigaj A., Frolak L. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2011. S. 51–70.
7. Czyżewski F. Antroponimia pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego w świetle inskrypcji nagrobnych. Cz. 1. Słownik nazwisk. Lublin: Polihymnia, 2013. 155 s.
8. Długosz K. Inskrypcje nagrobne w ujęciu językoznawczym. Gorzów Wielkopolski: Wydawnictwo Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej, 2010. 210 s.
9. Długosz K. Nagrobne inskrypcje lamentacyjne jako cecha dawnych lamentów pogrzebowych // Język Polski. 1993. R. 73. S. 317–825.
10. Dudek-Szumigaj A. Abrewiatura jako element inskrypcji nagrobnych (na przykładzie nekropolii prawosławnych wschodniej Lubelszczyzny) // Teka Komisji Polsko-Ukraińskich Związków Kulturowych PAN. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2016. S. 25–34.
11. Dudek-Szumigaj A. Aksjologiczna identyfikacja zmarłego w świetle inskrypcji nagrobnych (na materiale nekropolii prawosławnych pogranicza polsko-ukraińskiego) // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio FF. 2016. Vol. XXXIV. № 1. S. 201–213.
12. Dudek-Szumigaj A. Inskrypcje nagrobne pogranicza polsko-ukraińskiego. Studium genologiczne. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2018. 338 s.

13. Dudek-Szumigaj A. Pogranicze polsko-wschodniosłowiańskie w świetle badań nad inskrypcjami nagrobnymi // Droga ku wzajemności. Materiały XVIII Międzynarodowej Konferencji Naukowej / red. E. Pańkow, I. Popow, E. Jarmusik. Lida, 2014. S. 130–136.
14. Dudek-Szumigaj A. Uwagi o języku inskrypcji nagrobnych nekropolii prawosławnych pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования. Сборник научных трудов по материалам VII Международной научной конференции. Ч. 1. Брест: БрГУ, 2016. С. 87–93.
15. Strazcuk J. Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2013. S. 63–162.
16. Szerszunowicz W. Abrewiatura jako element inskrypcji nagrobnych // Zeszyty Naukowe Filii UW w Białymstoku. Z. 34. Humanistyka. T. 6. Dział FR – Filologia Rosyjska. Białystok, 1982. S. 125–133.

REFERENCES

- Belova O.V., Yasinskaya M.V. Antroponimiia i toponimiia v memorial'noi epigrafike Podliash'ia. *Voprosy onomastyki*, 2021, no. 1, pp. 62–84. (In Russ.)
- Belova O.V., Yasinskaya M.V. Memorial'naia epigrafika pol'sko-belorusskogo pogranich'ia: kollektivnaia pamiat' i praktiki kommemoratsii. *Slavica Slovaca*, 2020, Roč. 55, no. 3, pp. 346–358. (In Russ.)
- Czyżewski F. *Antroponimia pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego w świetle inskrypcji nagrobnych*. Part 1. Słownik nazwisk. Lublin, Polihymnia Publ., 2013, 155 p. (In Polish)
- Długosz K. *Inskrypcje nagrobne w ujęciu językoznawczym*. Gorzów Wielkopolski, Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej Publ., 2010, 210 p. (In Polish)
- Długosz K. Nagrobne inskrypcje lamentacyjne jako cecha dawnych lamentów pogrzebowych. *Język Polski*, 1993, r. 73, pp. 317–825. (In Polish)
- Dudek - Szumigaj A. Abrewiatura jako element inskrypcji nagrobnych (na przykładzie nekropolii prawosławnych wschodniej Lubelszczyzny). *Teka Komisji Polsko-Ukraińskich Związków Kulturowych PAN*, Lublin, UMCS Publ., 2016, pp. 25–34. (In Polish)
- Dudek-Szumigaj A. Aksjologiczna identyfikacja zmarłego w świetle inskrypcji nagrobnych (na materiale nekropolii prawosławnych pogranicza polsko-ukraińskiego). *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*. Sectio FF, 2016, Vol. XXXIV, no. 1, pp. 201–213. (In Polish)
- Dudek-Szumigaj A. *Inskrypcje nagrobne pogranicza polsko-ukraińskiego. Studium genologiczne*, Lublin, UMCS Publ., 2018, 338 p. (in Polish)
- Dudek-Szumigaj A. Pogranicze polsko-wschodniosłowiańskie w świetle badań nad inskrypcjami nagrobnymi. *Droga ku wzajemności. Materiały XVIII Międzynarodowej Konferencji Naukowej*, eds. E. Pańkow, I. Popow, E. Jarmusik, Lida, 2014, pp. 130–136. (In Polish)
- Dudek-Szumigaj A. Uwagi o języku inskrypcji nagrobnych nekropolii prawosławnych pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego. *Slavianskije iazyki: sistemno-opisatel'nyi i sotsiokul'turnyi aspekty issledovaniia. Sbornik nauchnykh trudov po materialam VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Part 1*, Brest, Brest State University Publ., 2016, pp. 87–93. (In Polish)
- Froliak L. Struktarno-semantychni typy inskryptsiï ta hrafichni osoblyvosti namohyl'nykh napysiv na deiakykh lemkiivs'kykh tsyntyariakh (Part 1). *Spheres of Culture*, vol. 1, 2012, pp. 192–203. (In Ukr.)
- Froliak L. Struktarno-semantychni typy inskryptsiï ta hrafichni osoblyvosti namohyl'nykh napysiv na deiakykh lemkiivs'kykh tsyntyariakh (Part 2). *Spheres of Culture*, vol. 2, 2012, pp. 203–213. (In Ukr.)
- Froliak L. D. Semantyka i struktura namohyl'nykh napysiv pravoslavnykh nekropoliv pol's'ko-skhidnoslov'ians'koho pohranychchia. *Nekropolie jako znak kultury pogranicza polskowschodniosłowiańskiego*, eds. F. Czyżewski, A. Dudek-Szumigaj, L. Frolak, Lublin, UMCS Publ., 2011, pp. 51–70. (In Ukr.)
- Pivovarchik I., Filina N. Epigrafika nadgrobnnykh pamiatnikov polikonfessional'nogo regiona. *Kladbishcha transgraniichnykh regionov. Sbornik nauchnykh statei po nekropolistike*, ed. S. Pivovarchik, Minsk, Medisont Publ., 2015, pp. 91–108. (In Russ.)
- Strazcuk J. *Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi*. Toruń, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika Publ., 2013, pp. 63–162. (In Polish)
- Szerszunowicz W. Abrewiatura jako element inskrypcji nagrobnych. *Zeszyty Naukowe Filii UW w Białymstoku*, Book 34. Humanistyka. Vol. 6. Dział FR – Filologia Rosyjska, Białystok, 1982, pp. 125–133. (in Polish)

Информация об авторе**Белова Ольга Владиславовна**

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник Отдела
этнолингвистики и фольклора
Институт славяноведения РАН
119991, Москва, Ленинский пр., 32а
ORCID: 0000-0001-5221-9424
E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

Ясинская Мария Владимировна

кандидат филологических наук,
научный сотрудник Отдела
этнолингвистики и фольклора
Институт славяноведения РАН
119991, Москва, Ленинский пр., 32а
ORCID: 0000-0001-9137-6668
E-mail: marusiaya@gmail.com

Information about the author**Olga V. Belova,**

DSc (Philology), the Leader Research Fellow
Department of Ethnolinguistics and Folklore
Institute of Slavic Studies
of Russian Academy of Sciences
32A, Leninsky Ave., 119991, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5221-9424
E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

Maria V. Yasinskaya,

PhD (Philology),
Department of Ethnolinguistics and Folklore
Institute of Slavic Studies
of Russian Academy of Sciences
32A, Leninsky Ave., 119991, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9137-6668
E-mail: marusiaya@gmail.com

Славяноведение, 2021, № 6, с. 87–98

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 6, pp. 87–98

DOI: 10.31857/S0869544X0017703-6

Оригинальная статья /
Original Article

Мотивационный признак диалектного слова в зеркале аналитической диалектологии

@ 2021 г. Т.И. Вендина

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

vendit@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам развития русской диалектологии. Современный этап развития диалектологии, по мнению автора, можно с полным основанием охарактеризовать как этап становления «аналитической, объясняющей диалектологии», имеющей своей целью глубинную интерпретацию диалектного слова и сопряженный с ним анализ языка традиционной культуры. Поэтому автор предлагает раздвинуть рамки диалектологических исследований и выйти в культурно-языковую диалектологию с целью реконструкции традиционной духовной культуры.

Ключевые слова: русская диалектология, культурная антропология, когнитивная лингвистика.

Ссылка для цитирования: Вендина Т.И. Мотивационный признак диалектного слова в зеркале аналитической диалектологии // *Славяноведение* 2021. № 6. С. 87–98. DOI: 10.31857/S0869544X0017703-6.

Motivation of the dialectal word in reflection of the analytic dialectology

2021. T.I. Vendina

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

vendit@rambler.ru

Abstract. The paper deals with the problems of the Russian dialectology. We consider the modern period of the development of dialect studies as the era of “analytical and explanatory dialectology” whose aim is to give dialect word a deep interpretation and in connection with this to analyze the language of traditional culture. Thus, we offer to broaden the framework of dialect studies and to shape what can be called cultural dialectology which aims at the reconstruction of the traditional spiritual culture.

Keywords: Russian dialectology, cultural anthropology, cognitive linguistics.

Reference for citation: Vendina T.I. Motivation of the dialectal word in reflection of the analytic dialectology // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2021. No 6. Pp. 87–98. DOI: 10.31857/S0869544X0017703-6.

Современный этап развития диалектологии можно с полным основанием охарактеризовать как этап становления аналитической, объясняющей диалектологии, имеющей своей целью глубинную интерпретацию диалектного слова и сопряженный с ним анализ языка традиционной культуры.

Языкознание превратилось сегодня в полипарадигмальную науку, отличительной особенностью которой стал экспансионизм, выход за ее пределы — в философию, психологию, социологию, историю, культурную антропологию и другие области гуманитарного знания. Из лингвистики «в самой себе и для себя» оно превратилось в антропоцентрическую лингвистику. На наших глазах происходит формирование новой конвергентной традиции мультидисциплинарных исследований, отличительной особенностью которых является антропоцентризм.

Этот процесс затронул и диалектологию. Несмотря на то что, по сравнению с XIX в., она достигла полной автономии, стремясь дать диалектным фактам культурологическое, этнопсихологическое, историческое объяснение, она начала испытывать острую нужду в союзе с этнографией, культурной антропологией, психологией и другими науками гуманитарного знания. И это понятно, так как сама логика развития *зачем/почему-лингвистики* требует реализации общей программы антропоцентрической лингвистики — найти доступ к Человеку через язык, поскольку только язык может дать истинную картину языкового сознания человека той или иной культуры со всеми ее сложностями и нюансами.

Как известно, исходный тезис антропоцентрической лингвистики заключается в том, что язык есть конститутивное свойство человека. В формулировке Э. Бенвениста этот тезис гласит: «Невозможно вообразить человека без языка и изобретающего себе язык [...] В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» [1. С. 293]. Согласно идеям Э. Бенвениста, высшим уровнем языка в самой широкой его семиотической трактовке следует признать культуру, которая в основе своей так же семиотична, как и язык, поэтому без привлечения культуры язык не может быть осмыслен глубоко и полно. Отсюда следует, что 1) познание человека невозможно без изучения его языка; 2) понять природу языка можно лишь исходя из человека.

Не случайно осмысление языка культуры начинается, как правило, с изучения его словаря, поскольку именно словарь определяет логико-понятийную сеть языка, лексика которого является самым чувствительным индикатором культуры. «Если словарь народа, — писал крупнейший социолог языка, основатель европейской школы неогумбольдтианства Й.Л. Вайсгербер, — является суммой и результатом понятийной переработки им своего опыта, то исследование словаря служит в первую очередь постижению понятийного мира этого народа» [2. С. 143]. Успехи когнитивно-ориентированной лингвистики убедительно говорят о том, что «языковая структура в принципе не произвольна, напротив, она существенно мотивирована устройством когнитивной структуры, которая “отражается” в зеркале естественного языка» [4. С. 75].

Перед диалектологией открывается, таким образом, новое поле исследований, связанных с лингвистической реконструкцией когнитивной структуры диалектного слова. Поэтому современный этап развития диалектологии можно

с полным основанием охарактеризовать как этап становления **объясняющей диалектологии**, поскольку диалектное слово представляет собой культурное творение, которое нельзя объяснить, не обращаясь к истории народа, его традициям и религии.

А это значит, что сам язык ставит перед нами задачу перейти от эмпирических данных к их интерпретационному анализу. Фиксация самых разных диалектно-языковых фактов, представленных в многочисленных диалектных словарях, требует сегодня своего теоретического осмысления с выходом в **культурную диалектологию**. Ведь «диалект представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую», — говорил Н.И. Толстой, отмечая высокий культурологический потенциал диалекта [5. С. 21].

И хотя культурологическая информация существует в диалектных словарях чаще всего в латентном, непроявленном состоянии, а потому нуждается в своей экспликации, однако извлечь ее можно с помощью методов лингвистического анализа. И это прекрасно показали авторы опубликованной недавно монографии «Жизнь диалектного слова» (Волгоград, 2019) В.Е. Брысина и В.И. Супрун. Материалы монографии позволили раздвинуть рамки исследования этой темы и выйти в культурно-языковую диалектологию, имеющую своей целью реконструкцию «живой старины» казачества.

Предложенный авторами историко-культурный подход к исследованию диалектного слова, а главное — полученные результаты еще раз доказали, что вскрыть сущностный характер того или иного языкового явления возможно только лишь используя комплексный подход к изучению данного явления. Последовательное использование в работе методов как социолингвистического, так и собственно лингвистического анализа позволило авторам рассмотреть донские казачьи говоры как определенный социально-исторический феномен, обусловленный типом культуры и конкретными условиями общественной жизни.

Диалектолог, обратившийся к изучению языка культуры, неизбежно сталкивается с необходимостью исследования слова либо с точки зрения его семантической структуры (ее разложимости на элементарные смыслы), либо с точки зрения его синтагматики (узусной или свободной сочетаемости), либо с точки зрения его внутренней формы, определения тех мотивационных признаков, которые были актуализированы в слове в языкотворческом акте, либо с точки зрения его коннотативных приращений и т.д.

В этом перечне языковых носителей культурной информации следует особо выделить внутреннюю форму слова, которая дает исследователю уникальную возможность — услышать голос человеческой личности, познающей и осваивающей мир, и проследить движение мысли в акте номинации. Работы томской школы диалектологов, и в частности работы О.И. Блиновой, позволили преодолеть тот скепсис в отношении внутренней формы слова, который долгое время существовал в отечественном языкознании, поскольку господствовал тезис о произвольности, случайности выбора мотивационного признака в акте номинации (отсюда концентрация внимания в основном на концептуальном анализе, имеющем своей целью выявление глубинных культурных коннотаций).

Думается, однако, что возможности ономаσιологического анализа в плане выявления национально-культурной специфики языковых единиц еще далеко не исчерпаны, а устойчивая повторяемость одного и того же мотивационного

признака в разных видах номинации свидетельствует против произвольности, а тем более случайности его выбора.

Диалектологические исследования показывают, что выбор того или иного мотивационного признака предопределен языком культуры, той культурной информацией, которая соответствует его главному регулятивному принципу. Поэтому внутренняя форма слова, система его значений являются часто отражением категориального членения мира не с точки зрения его объективной реальности, а с точки зрения осмысления его человеком.

Апелляция к внутренней форме слова позволяет понять те субъективные мотивы, которые послужили толчком для языкового словотворчества, и вместе с тем выявить общие закономерности мышления людей, поскольку субъективные мотивы, как правило, репрезентируют более общие, объективные закономерности. Через внутреннюю форму слова нам дано явление смысла. Именно смысл является проводником человека в мире реальном и ирреальном, ибо смысл, как остроумно заметил М. Бахтин, — это тот или иной ответ на поставленный нами вопрос. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла, а потому, добавим, не номинируется, так как коллективный разум «не видит» того, что не названо словом. А поскольку «смысл никогда не ограничивается “пространством” одного слова, даже если оно носитель этого смысла по преимуществу» [6. С. 16], то одни участки семантической системы языка оказываются детально проработанными в языковом плане, другие — довольно поверхностно, а на третьих вообще обнаруживаются лакуны. Действие принципа разной культурной разработанности частных смыслов и позволяет понять тончайшие нюансы глубинных смыслов языка.

Используя дедуктивно-индуктивную технику анализа, следуя за всеми нюансами внутренней формы слова, мы сможем найти объяснение устройству многих когнитивных структур, и то, что на первый взгляд казалось случайным и произвольным в номинации человека или внешнего мира, обретет свой глубокий смысл. Благодаря такому подходу диалектолог сможет перейти от эмпирического метода когнитивно-ориентированной лингвистики к методу интерпретационного анализа, подняться с уровня регистрации фактов на уровень их объяснения.

Такой подход к диалектному слову позволит понять, почему, например, среди огромного множества слов, обозначающих «природного человека», описывающих его внешний вид, особенно выделяется группа имен, связанная с оценкой лица (ср. *лицеватый* ‘красивый’ Яросл., СРНГ 17:85; *лицевитый* ‘видный, красивый’ Ряз., Калуж., Тамб., Яросл., СРНГ 17:85; *лицевато* ‘красиво’ Костром., СРНГ 17:85; *взглядный* ‘видный, красивый’ Пск., Твер., СРНГ 4:254; *взглядистый* ‘красивый, представительный’ Брян., Смол.: *Парень взглядист* СРНГ 4:254; *взрачный* ‘красивый’ Даль без указ. места, I:200; *добро-видный* ‘миловидный, имеющий приятную наружность’ Олон., СРНГ 8:77; *милозглядный* ‘привлекательный, миловидный’ Яросл., СРНГ 18:162; *казимый* ‘красивый’ Перм., СРНГ 12:319 (< прич. от глагола *казить* ‘иметь вид’); *оказистый* ‘видный, красивый’ Север., СРНГ 23:106 (< *оказ* ‘внешний вид’ Олон., СРНГ 23:106); *позорный* ‘видный, красивый’ Южн., Зап., Арх.: *Позорная девка* СРНГ 28:338; или *невзглядивый* ‘невзрачный, неказистый’ Калуж., СРНГ 20:338; *незрачный* ‘невзрачный, непривлекательный’ Влад., Арх., Перм., Костром.: *По-вашему пусть худенькая, а по-нашему — незрачная* СРНГ 21:53; *неказимый* ‘некрасивый’ Ветл., Костром., СРНГ 21:57; *неприглядчивый*

‘некрасивый’ Костром., СРНГ 21:126; *безвидный* ‘невзрачный, неказистый’ Перм., СРНГ 2:182 и др.).

Объясняется это, по-видимому, тем, что именно лицо служит общим выражением моральной идентичности человека, поскольку оно во многом проясняет его характерологические свойства. Не случайно с этим корнем связаны такие важные культурологические понятия, как *личность, личный, приличие, приличествовать, личина, не к лицу, лицемер, лицемерие, лицепрятный, олицетворять* и др.; отсюда стремление человека *не потерять своего лица, не ударить в грязь лицом*, что говорит о значимости идеи личной идентичности для языка русской культуры.

Или почему, например, в такой далекой от социальной сферы лексике, которая связана с обозначением внешнего вида человека, нередко наблюдается **явление социализации** тех или иных мотивационных признаков, стремление осмыслить их с точки зрения нравственной нормы (ср., например, следующие названия: *вихляй* 1) ‘худой, высокий человек’ Ряз., Волог.; 2) ‘ленивый, неуклюжий человек’ Волог., Новг., Тамбов.; 3) ‘лодырь’ Смол., Влад., СРНГ 4:305; *варлаган* ‘очень высокого роста человек, великан’ Казан.; // ‘высокий, неуклюжий и грубый человек’ Саратов., Пенз., СРНГ 4:55; *дуботолк* ‘высокий, здоровый человек, верзила’ Вят., Перм.; // ‘здоровый, сильный человек, но бестолковый’ Южн. Сиб., СРНГ 8:240; *изжилы* 1) ‘худой, заморенный, нездоровый человек’ Перм., Иркут., Свердлов.; 2) ‘скупец, скряга’ Волог., СРНГ 12:134; *лоботёс* бран. 1) ‘крутолобый человек’ Орл.; 2) ‘лентяй, бездельник, любящий насмехаться’ Астрах., Перм., СРНГ 17:97; *лобарь* ‘о крепком, здоровом, но ленивом человеке’ Курск., СРНГ 17:94; *лупья* ‘толстая, неповоротливая и ленивая женщина’ Волог., СРНГ 17:203; *пухляк* 1) ‘толстый человек’ Бурят., Влад.; 2) ‘лентяй, лежебока’ Бурят., Забайкал., СРНГ 33:162; *скиляга* 1) ‘худой, тощий человек’ Пск., Твер., Яросл.; 2) ‘скряга, крохобор’ Новг., Пск., Твер., Волог., Моск., Калуж., Смол., Тамбов., Яросл.; 3) ‘человек, приобретший себе имущество недобросовестным путем’ Волог., СРНГ 37:414 и т.д.).

Совершенно очевидно, что, описывая внешность человека, диалектное слово подвергает оценке те или иные характеризующие признаки и вводит их в систему межличностных отношений. Аксиологизация мотивационных признаков свидетельствует об их этической социализации, стремлении языка осмыслить их с нравственной точки зрения (ср. *брындик* 1) ‘щеголь’ Влад., Ряз., Твер.; 2) ‘высочка’ Ряз., Влад.; 3) ‘лентяй’ Смол., СРНГ 3:218; *клюжий* ‘статный, красивый, видный’; // ‘честный, порядочный’ СРНГ 13:318; *видкой* 1) ‘имеющий хорошее зрение’; 2) ‘опытный, много повидавший’ Арх.: *Видкой человек, все видит, знает каждое место*, СРНГ 4:275; *лобырь* ‘здоровяк верзила’ Курск.; 2) ‘грубиян, невежа’ Костром., СРНГ 17: 98; *неряха* 1) ‘неумелый человек’ Вост.-Казах.; 2) ‘невоспитанный человек’ Влад.; 3) ‘глупый человек’ Новосиб., СРНГ 21:148; *сухуша* 1) ‘худощавый человек’ Калинин.; 2) ‘скупой, жадный’ Калинин., СРНГ 43:13.

Довольно многочисленную группу имен, характеризующих человека как существо физическое, образуют слова, указывающие на состояние его здоровья, а также на его физическую ущербность. Особенно многочисленны слова, называющие слабого, тщедушного или больного человека (ср.: *больняк* Иван., СРНГ 3:86; *болявый* СРНГ 3:94; *гнидёнок* Дон., СРНГ 6:243; *дохлец* Урал., СРНГ 8:158; *доходяй* Урал., СРНГ 8:162; *дряблик* Волог., СРНГ 8:223; *жиделяга* Вят., Перм., СРНГ 9:169; *жидюль* Курск., СРНГ 9:171; *захворок* Пск., СРНГ 11:146; *кислятьё* Смол., СРНГ 13:237; *кишкотряс* Волог., Вят., СРНГ 13:251; *млявотина* Калинин.,

СРНГ 18:185; *мозгля* Волог., СРНГ 18:202; *мозглявец* Ряз., СРНГ 18:202; *мозгляв-ка* Калуж., Ряз., Твер., СРНГ 18:202; *мозглятина* Пск., Смол., Горьк., Костром., Ленингр., СРНГ 18:202; *мозголь* Шенк., Арх., СРНГ 18:204; *недомочь* Пск., Твер., Костром., СРНГ 21:26; *недосилок* Урал., СРНГ 21:31; *нездоровяка* Зап.-Брян., СРНГ 21:50; *немогач* Арх., СРНГ 21:82; *никтошка* Кемер., СРНГ 21:234; *никудышник* Ряз., Калуж., СРНГ 21:235; *околек* Пск., СРНГ 23:136; *окорач* Забайк., Ч:393; *слабой* СРНГ без указ. места, 38:211; *хвороба* 'о долго болеющем человеке' Ново-сиб., Ч:503; *убога* Пск., Твер., СРНГ 46:128; *убожина* Карел., СРНГ 46:130; *увечье* Костром., СРНГ 46:173 и т.д.).

Причем это не просто названия слабого человека, а человека не способного к трудовой деятельности, т.е. и этот признак осмысливается, прежде всего, в социальном аспекте (ср. *дохлец* 'тщедушный человек со слабым здоровьем' Урал.: *Такого дохлеца и в артель примать нельзя*, СРНГ 8:158; *расхляба* 1) 'физически слабый, невыносливый человек' Ярослав.; 2) 'не способный к работе человек' Ветл., Костром.; 3) 'бездельник' Ярослав., СРНГ 34:297; *кисляк* 1) 'слабосильный человек' Ряз., Смол. Новг.; 2) 'вялый, ленивый, недействительный, апатичный человек' Ряз., Новг., Колым., СРНГ 13:236; *недвиг* 1) 'параличный, больной человек' Ворон.; 2) 'ленивый, малоподвижный человек' Курск., Ворон., Волог., СРНГ 21:9), ср. в связи с этим такой яркий пример, как *убога* 1) 'больной, нездоровый человек' Пск., Осташк. Твер.; 2) 'бедняк, нищий' Пск., Осташк. Твер., СРНГ 46:128.

И в этом главная причина многочисленности этих имен, особенно на фоне названий здорового, сильного человека, которые не отличаются таким разнообразием (ср. *здоровяга* Твер., Пск., Калуж., Перм., СРНГ 11:235; *здоровина* Моск., Оренб., Урал., СРНГ 11:233; *здоровчак* Брян., СРНГ 11:235; *здоровякиши* Забайкал., Ч:193; *крепчак* Ряз., СРНГ 15:220; *крепак* Курск., СРНГ 15:215; *крепик* Пск., Твер., СРНГ 15:216; *крякатень* Зап.-Брян., СРНГ 15:365).

Или другой пример: почему такое, казалось бы, положительное явление как дружба, характеризуется как отрицательное при наименовании человека, нарушающего социальные нормы, ср. *дружник* 'любовник' Твер., Пск., Новг., СРНГ 8:210; *подружошка* 'любовница' Пинеж., Арх.: *Дед пил. Было время — погулял, подружошки были у него в деревне*, СРНГ 27:165; *подружник* 'любовник' Пск., Смол., Зап., СРНГ 27:165; при этом значение «подружиться» сопровождается часто значением «вступить в любовную связь», что ведет к развитию значений нормативно-оценочного характера, в которых присутствует отрицательная коннотация (ср.: *смантыжиться* 1) 'подружиться' Пск.; 2) 'вступить в любовную связь' Пск., СРНГ 38:344; *смыргаться* 'сдружиться, вступить в любовную связь с кем-л.' Пск., Осташк., Твер.: *Смыргалась с парнем*, СРНГ 39:74; *съетажиться* 1) 'познакомиться, подружиться с кем-л.' Шацк., Тамб., Вост. Закамье; 2) 'состоять в любовной связи с женатым мужчиной или с замужней женщиной'; 'прелюбодействовать' Ульянов.: *Они давно съетажились*, СРНГ 43:117 и т.д.).

Совершенно очевидно, что внутренняя форма этих слов дала толчок развитию вторичных значений, объяснить которые можно, только лишь выйдя за пределы диалектного слова, обратившись к культурной антропологии. Поскольку лексическая система языка — это социально детерминированная система, в которой важную роль играет этический элемент, то данные примеры убедительно свидетельствуют о том, что язык традиционной культуры не приемлет дружбы между мужчиной и женщиной вне брачных отношений (тогда как в наименованиях лиц, связанных брачными отношениями, этот

корень используется, ср.: *дружина* Карел., Олон., СРНГ 8:214; *дружка* Орл., Ворон., Смол., СРНГ 8:217; *дружечка* Смол. СРНГ 8:213, *подружие* 'жена' Арх., СРНГ 28:196; *дружник*, *дружинушка* 'муж' Смол., СРНГ 8: 212). Референтная сфера существования такой «половой» дружбы четко очерчена ситуациями, связанными с половой распушенностью субъекта, которая ведет к разрушению традиционных семейных устоев. Поэтому с точки зрения нравственных императивов традиционной культуры такая дружба, не предполагающая каких-либо этических ограничений и разрушающая семью, входит в противоречие с этическим нормами, принятыми в деревенском социуме, ибо человек, не способный противостоять природным желаниям и влечениям, отторгается обществом как не отвечающий его нравственным устоям. Так происходит социализация нравственных постулатов традиционной духовной культуры. И этот факт является убедительным свидетельством победы культуры над стихией природного начала в человеке.

Внутренняя форма этих слов, сама номинативная логика свидетельствуют не только о социальной значимости, но и проливают свет на их моральную оценку общественным мнением.

А это значит, что при отборе тех или иных мотивационных признаков, характеризующих человека, при их семантизации учитывается принцип их этической значимости. Это говорит о том, что лексическая дублетность в диалектах мотивирована не только функционально, но и культурологически.

Отсюда следует, что лексическая плотность того или иного мотивационного признака свидетельствует не только о его значимости, но и о культурной социализации этого признака.

В связи с этим встает вопрос: как протекает процесс социализации мотивационного признака?

Почему социализация мотивационных признаков происходит даже в далеких от социальной сферы обозначениях, например в описаниях так называемого природного человека (ср., например, обозначение красивого ~ некрасивого человека: *знаткий* 1) 'видный, красивый' Бурят.; 2) 'известный, уважаемый' Ср. Урал, Ч:198; *неловкий* 1) 'некрасивый'; 2) 'неуживчивый' Арх., СРНГ 21:73; *знакомистый* 'красивый' Курск.; // 'ласковый, вежливый, обходительный' Ярослав., Пск., Ч:197). Ответ на этот вопрос подсказывает сама традиционная духовная культура, в языке которой действует принцип социоцентризма, свидетельствующий о том, что ведущей культурной мотивацией языка традиционной культуры является **социализация нравственных постулатов этой культуры**. В связи с этим большое значение приобретает одобрение окружающих и страх осуждения¹. О высокой значимости феномена общественного мнения в традиционной духовной культуре говорят такие имена, как *нелажий* 'непокладистый, неуживчивый' Новг., Костром.: *Дядя Иван у нас нелажий*, Ч:344; *ненародный* 1) 'необщительный' Ср. Урал: *Уж больно я не люблю ненародных*; 2) 'не пользующийся авторитетом, любовью народа' Краснояр.: *Ненародный председатель нынче в колхозе*, Ч:347). Социальная обусловленность человеческой природы является

¹ «Значение общественного мнения четко осознавалось крестьянами. Вынесение безнравственных поступков на суд мира осуществлялось не только прямым обсуждением их на сходе, но и в других формах обращения к соседям. По существу, любое сколько-нибудь широкое собрание в деревне — от крестин до поминок и от хоровода до помочей — могло послужить ареной для апелляции к общественному мнению» [7. С. 682].

необходимым условием жизни человека, в том числе трансляции регулятивных принципов культуры. Не случайно нарушить социальные нормы – это *умереть живой смертью* (ср. *умереть живой смертью* ‘оставить семью’: *Мужик живой смертью умер, ушел от жены*, Печор., СРГНП 1:207).

Аксиологический подход к диалектному слову показал, что в диалектном слове наблюдается явный перевес в сторону этических ценностей, свидетельствующий о нравственном отношении к миру. Это говорит о том, что язык традиционной культуры является в значительной степени языком морали. Концептуальная база диалектной лексики с ее морально-нормативными предписаниями и запретами отражает различные способы этической рационализации мира.

Все это указывает на то, что внутренняя форма диалектного слова является иллюстрацией феномена антропологизации языка традиционной духовной культуры, проявляющегося в творческом восприятии реальности. Даже в лексике природы можно увидеть, что это не просто созерцательное восприятие природы, а деятельностное, практическое, поскольку человек осмысляет ее в соответствии со своими жизненными интересами и потребностями (отсюда множество имен, называющих лес с большой древесиной: *гнильтье, гнилушник, дурняк*; мелкий, низкорослый лес: *мелкаш, мелкотина, мелкотник*; кривой, нестройной лес: *вилажник, коряжник, кривьё*, в которых на первый план выходит когнитивно-прагматический аспект; при этом для обозначения здорового, сильного леса используются, как правило, описательные конструкции: *взводистый лес, жаровой лес, жирной лес; кондовый лес* ЛАРНГ т. 1 «Растительный мир»). Именно такое биологическое и экзистенциальное осмысление природы делает человека личностью.

О феномене антропологизации языка традиционной духовной культуры свидетельствует и аксиология диалектного слова, поскольку сознание не только дублирует с помощью знаковых средств отражаемую реальность, а выделяет в ней значимые для субъекта признаки и свойства. А это значит, что выбор внутренней формы слова, сами механизмы номинации «запускаются» ценностями.

Диалектное слово дает возможность понять, *какие* элементы внеязыковой действительности и *как* маркируются, *почему* они удерживаются сознанием, поскольку уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта лексической детерминации свидетельствуют о его значимости для носителей языка. Цветовые, звуковые, вкусовые, функциональные качества и свойства предметов и явлений внешнего мира актуализируются лишь в тех объектах, которые вовлекаются в сферу познавательной и практической деятельности человека и которые представляют для него жизненную или социальную ценность.

Проиллюстрировать эту мысль можно на примере с временем, показывающим, как происходит рождение ценностных смыслов: восприятие человеком времени как такового («в самом-себе-и-для-себя-бытии»), т.е. так, как оно воспринимается, например, в физике, лишено всякого ценностного осмысления, но как только время рассматривается не само по себе, а в его отношении к человеку как субъекту, осмысляющему время, оно сразу же становится субъективированным, т.е. приобретает ценностную значимость для субъекта. Ведь «человек не рождается с чувством времени, его временные [...] понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит» [8. С. 105]. В диалектном слове это проявляется довольно ярко, поскольку многие жизненные действия человека традиционной культуры чрезвычайно ритуализированы,

они закрепляются обрядами, нормами, предписаниями, которые регулируют темпоральные процессы человеческой жизнедеятельности (ср., например, многообразие диалектных имен, структурирующих бытовое время в самых разных аспектах, например время замерзания рек: *заледки, ледостой*; время таяния снега: *потайка, росталь*; время, когда солнце согревает землю: *обогрев, солнопёк*; время работы на пашне: *запряжка, пашенина*; время вывоза навоза на пашню: *навозница, назёмица*; время сенокоса: *косьба, сеностав*; время жатвы: *зажин, пожинальница* и т.д.), поскольку «выбор “правильного” времени являлся непременным условием успеха любого начинания: сева, жатвы, выгона скота на пастбище, закладки дома, снования полотна, сватовства и т.д., т.е. время служит важнейшим регулятором всей практической и ритуальной деятельности людей и является одним из главных инструментов упорядочения мира и регламентации человеческой жизни» [3. С. 28].

Другой пример: в диалектах среди имен, характеризующих человека как личность духовную, выделяются названия, атрибутирующие умственные способности человека и речевую деятельность, причем среди них самыми многочисленными являются названия, связанные с речевой деятельностью человека (это названия **болтуна, пустослова, пустомели, говоруна, сквернослова** и проч.: *алюсник* 1) ‘болтун’ Том., Сиб., Перм.; 2) ‘бездельник, лентяй’ Ср. Урал., Ч:14; *балаболка* ‘лгун, болтун, пустомеля’ Новосиб., Ч:21; *болтень* ‘болтун, враль’ Ряз., Курск., Ч:51; *ляпун* 1) ‘болтун’; 2) ‘лгун, обманщик’ Волог., Ч:280; *зубомой* ‘сплетник, болтун’ Ср. Урал., Ч:200; *мешалка* ‘болтливый, легкомысленный человек’ Свердл., Ч:296; *колотырник* 1) ‘болтун’ Тамб., Ворон., Олон.; 2) ‘пройдоха’ Тобол.; 3) ‘бездельник’ Ворон., Ряз., Ч:227; *пустолай* ‘болтливый, пустой, несерьезный человек’ Тобол., Ч:455 и т.д.).

Обилие имен, отрицательно характеризующих болтливую человека, свидетельствует о том, что в языке традиционной культуры *слово* обладает высокой ценностью. Ценность **слова** проявляется в том, что оно осмысливается как категория этики, которая формирует нравственные основы человеческих отношений, и прежде всего – сострадания (ср. *дать ласковое слово* ‘утешить’ Калуж., Жиздр., СРНГ 38:294; *словом принять кого-л.* ‘пожалеть кого-л.’ Свердл., СРНГ 38:295; *легкосердное слово* ‘утешение’ Даль; // ‘приветливое слово’ Костром., СРНГ 16:313 и т.д.), т.е. *слово* в языке крестьянской культуры предстает как императив христианской этической ценности, которым определяются нравственные устои жизни общества (ср. *божье слово* ‘молитва’ Перм., Оренб., Сиб., СРНГ 3:63; *слово божье* ‘проповедь’ Свердл., СРНГ 38:295; *по доброму слову* ‘по-хорошему’ Рост., СРНГ 38:294).

О высокой ценности слова свидетельствуют и русские пословицы (ср. *Доброе слово и бездомный богат*; *Ласковое слово, что великий день*; *Слово закон, держись за него, как за кон*; *Не дав слово – крепись, а дал слово – держись* и др.).

Наделяя *слово* ценностью, культура накладывает запрет на «разбазаривание» этой ценности, поэтому язык относится отрицательно к многословию, к пустым, бессодержательным разговорам, отсюда болтовня – это *даровое слово* (Пинеж., Арх., СРНГ 7:177), ругательство – это *черное слово* (Новг., НОС 12:52), а ругаться – *словоблудить* (Карел., СРГК 6:156). Не случайно значение ‘болтун’ часто сопровождается отрицательными коннотациями или пометой *неодобрительное* (ср.: *байло* неодобр. ‘болтун’ Волог., Ч:21; *балаболка, балабон* неодобр. ‘болтун, пустомеля, лгун’ Новосиб., Ч:21; *болмотоха* неодобр. ‘болтун’ Хабар., Ч:51; *болтало* неодобр. ‘болтливый человек’ Новосиб., Ч:51;

брякало неодобр. ‘болтун’ Амур., Ср. Урал, Забайкал., СРНГ 3:229; *долгоязыкий* неодобр. ‘болтливый’ Перм., Свердл., Ч:133 и т.д.).

Это относится и к семье, которая также осмысливается как категория аксиологическая, о чем свидетельствует не только множество имен, входящих в это семантическое поле, но и то, что **социальный статус человека определялся наличием семьи, дома и детей** (сама лексема *семья* в диалектах является чрезвычайно емкой в семантическом плане, так как это не только ‘группа людей, объединенных родственными отношениями’, но и ‘жена’ (Олон., Беломор., Арх.), ‘дети’ (Арх.), а также ‘дом’ (Свердл., СРНГ 37:159). При отсутствии детей человек как бы терял свой социальный статус, лишался своего рода (ср. *беспородный* ‘не имеющий семьи, рода’ Сиб.: *У здорового человека дети должны быть у всякого, а то какой же ты человек, который детей не имеет* [9. С. 257]).

О ценностном осмыслении семьи свидетельствует и тот факт, что жизнь и семья в традиционном языковом сознании являются соотносительными понятиями, поскольку жизнь — это не только биологическое существование человека, но и социальное, предполагающее семью, хозяйство, имущество, дом и т.д. (ср. *житье* 1) ‘жизнь’; 2) ‘хозяйство’ Арх.; 3) ‘семья’ Арх.: *Раньше большими жителями жили*, КАОС; *жить за кем* ‘быть замужем’ Казаки-некрасовцы 2005:75; *жизня* 1) ‘жизнь’; 2) ‘брак, семейные отношения’ Орл., СОГ 3:110; 3) ‘семья’ Арх.: *Она тоже из моего дома по жизни-то* (происходит из той же семьи), КАОС).

Ценность семьи определяется и тем, что с точки зрения нравственных императивов традиционной духовной культуры создать семью — это *закон принять* (Тамб., Пск., Ворон., Оренб., Калуж., Яросл., Твер., Вят., Север., Арх., Волог., Перм., СРНГ 10:149), *закон брать* (Забайкал., СРНГ 10:149), *в закон поступиться* (Север., СРНГ 10:149), *идти на суд Божий* (Орл., СРНГ 3:64), поэтому **семья — это закон** (Тамб., Смол., Яросл., Ветл., Костром., Перм., Урал., СРНГ 10:149), причем не просто закон, а ‘супружеская верность’ (Пенз., Заонеж., Олон., СРНГ 10:149). Отсюда следует, что ‘жить в супружестве’ — это *исполнять закон* (Яросл., СРНГ 12:237).

С ценностью семьи связано признание злом всего того, что разрушает семью, и в частности прелюбодеяния (ср. в связи с этим лексемы *любодейство* ‘блуд’ Даль II:283; *любодейничать* ‘впадать в блудный грех’ Даль II:283; *пралюбодей* ‘человек, нарушающий супружескую верность, прелюбодей’ Груз., СРНГ 31:66), так как ‘разрушить семью’ — это *разлучить закон* (Омск., Смол., СРНГ 34:6).

Таким образом, диалектное слово является яркой иллюстрацией творческого восприятия реальности, поскольку выбор мотивационного признака не является случайным, он предопределен интересами человека и имеет свою культурную мотивацию.

Более того, в разных семантических сферах языка традиционной культуры наблюдается повторение одного и того же мотивационного признака, и этот повторяющийся мотив в зеркале культурной антропологии позволяет понять ведущую культурную мотивацию языка традиционной культуры, т.е. его регулятивный принцип, который свидетельствует о социализации нравственных постулатов этой культуры.

И в этом проявляется феномен влияния человека на язык: феномен первичной антропологизации диалектного слова (влияние на язык психофизиологического механизма сенсорного восприятия) и феномен вторичной антропологизации (влияние на язык религиозно-мифологических, философских

воззрений, социально-нормативных предписаний и запретов, существующих в традиционной культуре).

Все эти факты не могут не свидетельствовать о том, что «языковая структура в принципе не произвольна, напротив, она существенно мотивирована устройством когнитивной структуры, которая «отражается» в зеркале естественного языка» [4. С. 75]. В основе мотивационных признаков слова лежит интерпретация субъектом действительности, при этом любая интерпретация есть результат его культурной рефлексии, поскольку слово стремится не просто описать мир, но и объяснить его.

Поэтому сегодня логика развития *зачем/почему-лингвистики* требует от диалектолога реализации общей программы антропоцентрической лингвистики — «найти доступ к Человеку через язык». Внимание к мотивационному признаку слова позволит провести лингвистическую реконструкцию его когнитивной структуры, выйти в **культурную диалектологию** и выявить истинную картину языкового сознания человека традиционной духовной культуры со всеми ее сложностями и нюансами. В этом смысле по-прежнему остаются актуальными слова Н.И. Толстого, сказанные им в 1990-х годах: «Подобно тому, как славянская диалектология в современных условиях не может обойтись без лингвистической географии, этнолингвистика, фольклористика и этнография нуждаются в активном развитии такой автономной дисциплины, как культурологическая география» [5. С. 15].

Антропологический подход к изучению диалектного слова, имеющий своей целью описание проявлений «человеческого духа» в языке, убедительно свидетельствует о том, что адекватная характеристика психологии народа и, соответственно, его культуры может быть получена только с опорой на данные его языка, поскольку в диалектах этнически маркированы не только отдельные слова или коннотации, но и вся лексическая система языка в целом.

Поэтому сегодня следует возродить интерес к изучению диалектов, повысить их ценность как памятника нашей культуры и истории, ибо только так — по мысли А.А. Шахматова — мы сможем привить любовь к своему отечеству, уважение к его прошлому, а также веру в его будущее.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978–1980. Т. I–IV.
ЛАРНТ — Лексический атлас русских народных говоров.
КАОС — Картотека архангельского областного словаря. МГУ.
НОС — Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–2000. Выпю 1–13.
СОГ — Словарь орловских говоров. Ярославль; Орел, 1989–2001. Вып. 1–12.
СРГК Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Т. 1–6.
СРГНП — Словарь русских говоров низовой Печоры. СПб., 2003. Т. 1–2.
СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; СПб., 1965—. Т. 1–.
Ч — Алексеев М.А., Литвинникова О.И. Человек в производных именах русской народной речи М., 2007.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 445 с.
2. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М.: Изд-во МГУ, 1993. 224 с.
3. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М.: Искусство, 1989. 367 с.

4. Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания 2008. № 4. С. 51–77.
5. Русские. Серия народы и культуры. М.: Наука, 1999. 590 с.
6. Толстая С.М. Время как инструмент магии: компрессия и растягивание времени в славянской народной традиции // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 28–35.
7. Толстой Н.И. Язык и народная духовная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 509 с.
8. Топоров В.Н. Предисловие // Айрапетян В. Герменевтические подступы к русскому слову. М.: Лабиринт, 1992. С. 4–27.
9. Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. М.: Гардарики, 1998. 400 с.

REFERENCES

- Benvenist E. *Obshchaia lingvistika*. Moscow, Progress Publ., 1974. 445 p. (In Russ.)
- Chesnov Ia.V. *Lektsii po istoricheskoi etnologii*. Moscow, Gardarika Publ., 1998. 400 p. (In Russ.)
- Gurevich A.J. *Kul'tura i obshchestvo srednevekovoi Jevropy glazami sovremennikov*. Moscow, Iskustvo Publ., 1989. 367 p. (In Russ.)
- Kibrik A. J. Lingvisticheskaja rekonstruktsija kognitivnoi struktury. *Voprosy iazykoznanii*, 2008, no. 4, pp. 51–77. (In Russ.)
- Tolstoy N.I. *Iazyk i narodnaia dukhovnaia kul'tura. Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike*. Moscow, Indrik Publ., 1995. 509 p. (In Russ.)
- Tolstaya S.M. Vremia kak instrument magii: kompressiia i rastiagivanie vremeni v slavianskoi narodnoi traditsii. *Logicheskii analiz iazyka. Iazyk i vremia*. Moscow, Indrik Publ., 1997, pp. 28–35. (In Russ.)
- Toporov V.N. Predislavije. *Airapetian V. Germenevticheskije podstupy k russkomu slovu*, Moscow, Labirint Publ., 1992, pp. 4–27. (In Russ.)
- Russkije. *Seriia narody i kul'tury*. Moscow, Nauka Publ., 1999. 590 p. (In Russ.)
- Vaisgerber I.L. Rodnoi iazyk i formirovanije dukha. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1993. 224 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Вендина Татьяна Ивановна,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
руководитель Центра ареальной лингвистики,
Институт славяноведения РАН, г.
Москва, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0001-7752-6615,
E-mail: vendit@rambler.ru

Information about the author:

Tatiana I. Vendina,
DSc. (Philology), chief researcher,
Director of the Centre of areal linguistics,
Institute of Slavic studies of
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
ORCID: 0000-0001-7752-6615,
E-mail: vendit@rambler.ru

Славяноведение, 2021, № 6, с. 99–109

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 6, pp. 99–109

DOI: 10.31857/S0869544X0017728-3

Оригинальная статья /
Original Article

Почему на стенах Софии Киевской оставляли надписи о «козе»?

© 2021 г. М.М. Дробышева

Государственный академический университет гуманитарных наук
(Москва, Российская Федерация)

m.m.bubnova@gmail.com

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

Благодарю участников семинара по проблемам исторической русистики при кафедре русского языка Филологического факультета МГУ им. Ломоносова (17 июня 2021 г.) за возможность обсудить содержание статьи и очень ценные замечания, появившиеся во время дискуссии.

Аннотация. В статье исследуются семь древнерусских надписей-граффити, сделанных в алтарной зоне Георгиевского придела Киевского Софийского собора (№ 126, 127, 851, 854, 904, 927 и 1076а), в которых содержится призыв «отдать козу мою» или так или иначе сообщается о «козе». Для граффито № 927 приводится новая версия прочтения, согласно которой в надписи говорится о сватовстве козы и барана при участии беса. Для всей этой серии граффити приводится сравнение с существующим фольклорным и эпиграфическим материалом, делается вывод об ее брачно-эротической семантике. Приводится подробный внестратиграфический анализ надписей, результатом которого стал вывод о необходимости датировать весь комплекс граффити по сумме признаков концом XIII — началом XIV в.

Ключевые слова: граффити, Древняя Русь, эпиграфика, фольклор.

Ссылка для цитирования: Дробышева М.М. Почему на стенах Софии Киевской оставляли надписи о «козе»? // *Славяноведение*. 2021. № 6. С. 99–109. DOI: 10.31857/S0869544X0017728-3.

Why did they leave inscriptions about the «goa»
on the walls of St. Sophia Cathedral in Kiev?

© 2021. М.М. Drobysheva

State Academic University for Humanities
(Moscow, Russian Federation)

m.m.bubnova@gmail.com

Abstract. The paper studies seven Old Russian graffiti inscriptions made in the altar of the St. George's Chapel of the Kiev St. Sophia Cathedral (No 126, 127, 851, 854, 904, 927 and 1076a). They contain a call «to give my goat» or they report about a «goat». A new version of the reading is given for graffiti № 927, according to which the inscription says about the matchmaking of a goat and a ram with the participation of a demon. For this entire series of graffiti, a comparison with the existing folklore and epigraphic material is presented. The conclusion provides its marital and erotic semantics. There has been made a detailed extra-stratigraphic analysis of the inscriptions which brings us to a conclusion that the entire graffiti complex should be dated to the end of the 13th – beginning of the 14th centuries.

Keywords: graffiti, Old Rus, epigraphy, folklore.

Reference for citation: *Drobysheva Maria M.* Why did they leave inscriptions about the «goat» on the walls of St. Sophia Cathedral in Kiev? // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2021. No. 6. P. 99–109 DOI: 10.31857/S0869544X0017728-3.

В первой публикации древнерусских граффити Софии Киевской (1947) Б.А. Рыбаков привел наиболее любопытные надписи, обнаруженные реставраторами в Георгиевском и Михайловском приделах храма. В частности, исследователя заинтересовали два граффити с одинаковым текстом – в них содержался призыв «отдай козу мою». Квалифицировав их как бытовые, Б.А. Рыбаков посчитал, что в надписях какой-то клирошанин требует вернуть ему некий необходимый для богослужения предмет [20. С. 53]. В более поздней работе исследователь уточнил, что в надписи скорее всего идет речь о треножнике-попитре [22. С. 64], который, согласно словарю В.И. Даля, действительно имел наименование «коза» [13. С. 132]. С.А. Высоцкий в целом согласился с предложенной Б.А. Рыбаковым интерпретацией, упомянув также, со ссылкой на устное сообщение А.И. Багмут, альтернативную трактовку слова *коза* как обозначения маски (вероятно, имеется в виду маска для обряда вождения ряженого козой). Автор трехтомного корпуса киевских граффити присвоил этим надписям номера 126 и 127 [8. С. 46. Табл. XXXII. 1, XXXII. 3, XXXIII. 1, XXXIII. 3].

Б.А. Рыбаков отмечал, что вместе с двумя надписями про «козу» на той же южной стене апсиды Георгиевского придела находится еще одно граффито, содержащее «совершеннейшую непристойность о козе и о бесе», и не стал приводить его полный текст [22. С. 64]. Он допускал, что граффити с требованием отдать «козу» навели одного из прочитавших на мысль сделать свою надпись уже про реальную козу, вспомнив «рифмованную пословицу» про козу и беса [20. С. 64]. С.А. Высоцкий об этой надписи в своем корпусе киевских граффити ничего не сообщал.

Новый исследователь надписей Киевской Софии В.В. Корниенко не только заново изучил эти три надписи, но и обнаружил в том же Георгиевском приделе еще четыре фрагментированных граффити с упоминанием «козы». Из семи надписей шесть (№ 126, 127, 851, 854, 904 и 927) располагаются на уже упомянутой южной стене апсиды, еще одна (№ 1076a) – на западной грани северной лопатки первого от алтаря южного крещатого столба [17. С. 130. Табл. II].

Приведу тексты всех семи граффити в прочтении В.В. Корниенко.

№ 126 [17. С. 37–38. Табл. XXXIV. 1]:

даі козу

мою

№ 127 [17. С. 38–39. Табл. XXXIV. 2]:

Ддi коѣ

зу

мою

№ 851 [17. С. 53. Табл. LXIII. 1]:

...козу [м](ою)

№ 854 [17. С. 53. Табл. LXIV. 1]:

...коѣ

з(у)

№ 904 [17. С. 61. Табл. LXXXVI]:

Ѡа[и] козу

мою попо[ви]

№ 927 [17. С. 66. Табл. XCVII]:

спраѣ

шиваѣ

їѣт(ѣ) са

коза с(ѣ) бѣѣ

сом(ѣ) є(и) поїти киѣ

ва баран(ѣ) єи

№ 1076а [17. С. 104. Табл. CLXXXII. 1]:

козѣ

а

Помимо «козы», ни один вид животных настолько часто не упоминается в эпиграфике Софии Киевской. Сохранившиеся полностью надписи однотипны, а фрагменты скорее всего были им аналогичны. Только граффито № 904 содержит уточнение, что «козу» требуется отдать некому попу. Надо сказать, что окончание граффито написано не совсем разборчиво и полной уверенности в нахождении здесь словоформы *попови* нет. Надпись № 927 отличается от прочих и, видимо, дает ключ для понимания смысла всей серии.

В.В. Корниенко, как кажется, справедливо предположил фольклорный характер всех надписей, допустив, что это могут быть цитаты из популярного в то время произведения (возможно, юмористического характера), где в качестве персонажей фигурировали коза, бес, баран и хозяин козы. «Дай козу мою!», по гипотезе исследователя, была коронной фразой последнего [17. С. 370].

Для надписи № 927 В.В. Корниенко предлагает следующий перевод на современный украинский язык: «Питається коза: “Із бісом їй піти?” Киває баран:

“Так!”» [17. С. 66]. Этой версии прочтения в основном уверенно распознающегося текста можно предложить альтернативу. В начале последней строки надписи вертикальный штрих делает первый знак действительно похожим на *в*, но не замкнутая нижняя петля буквы заставляет задуматься о возможности трактовки этого знака как *к* или *з*, которой предшествует случайное повреждение на штукатурке (можно сравнить с буквой *в* во второй строке, чтобы убедиться в разности написания символов). С учетом устойчивости в древнерусских источниках выражения *пойти за*, приоритет надо отдать последней версии. Таким образом, распадается чтение В.В. Корниенко *ки|ва*. Сам же исследователь отмечал, что предпоследняя буква пятой строки идентифицируется не совсем уверенно и по контексту она была им восстановлена «как особая форма написания *к*, у которой нижняя косая далеко отодвинута вперед» [17. С. 66]. Можно согласиться с тем, что эта буква написана не вполне корректно, так как начертанный символ похож на *и*, но три идущих подряд *и* маловероятны, поэтому средний символ разумней будет трактовать как *л*, перед началом которой, как и в случае с *з*, образовался не относящийся к надписи штрих. В этих двух одинаковых, не относящихся к надписи штрихах можно видеть намеренную попытку искажения ранее созданного текста или простую ошибку. При сделанных допущениях надпись складывается в осмысленный и грамматически правильный текст:

спраѣ

шиваѣ

ѣтса

коза с б[ѣ]ѣ

соме поит[и] ли

за баран[а] єи

В предложенном В.В. Корниенко прочтении источника слово *єи* встречается дважды: в самом конце, где исследователь трактует его как утвердительное междометие; и как местоимение 3-го лица ж.р. дат. п. на отрезке между *бѣсом(ѣ)* и *пойти*. Но, судя по фотографии и прориси в изданном корпусе, здесь нет *ѣ* и буквы *и*, а наличие *-е* объясняется «бытовой» заменой конечной гласной. В последнем же *єи* логичней видеть как раз местоимение.

Обращает на себя внимание написание *за барана* вместо ожидаемого *за барана*. Словоформа *на баране* встречается и в берестяной грамоте № 761 (вероятно, последняя треть XIII в.), где она, согласно комментарию А.А. Зализняка, может объясняться трояко: «а) простой опиской под влиянием обоих соседних слогов, содержащих *а*; б) отражением аканья; в) отражением ассимиляции гласных, подобной той, которая дала, например, укр. *багáтий, гарáзд, гаря́чий*» [15. С. 501]. Вопреки заключению исследователя, что «наиболее вероятно первое» [15. С. 501], надо признать маловероятным факт случайных одинаковых описок в двух независимых древнерусских источниках сразу.

Спрашиватися — многозначный глагол, но управляя предлогом *с*, он приобретает значение ‘советоваться с кем-либо’ [24. С. 88]. Таким образом, перевести надпись можно так: «Советуется коза с бесом, пойти ли ей (замуж) за барана».

В подобной интерпретации граффито № 927 и вся серия надписей «(от)дай козу мою» становится еще одним эпиграфическим источником, связанным с обрядом сватовства. Можно отметить, что в «Словаре древнерусского языка

XI–XVII вв.» в качестве примера значения *спрашиватися* как ‘просить сделать что-либо’ приводится текст из сочинения Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» 1667 г.: «Дружки у отца и у матери не-вистиной спрашиваютьца, чтоб они новобрачного и новобрачную благословили ѣхат(ь) к венчанию» [24. С. 88]. В подобном значении глагол требует управления другим падежом, что заставляет в трактовке киевской надписи отдать предположение иной версии, но само по себе ценно, что этот глагол фиксируется в контексте свадебного обряда.

Не исключено, что во всех надписях *дати/отдати* следует трактовать в значении ‘выдать замуж’. В древнерусских источниках есть примеры, когда по крайней мере глагол *отдати* используется в этом значении без дополнительного уточнения *замуж*. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» в качестве одного из подобных случаев приводит цитату из Ипатьевской летописи 1137 г.: «В то же время иде Юрьи Ростову и Всеволодь Мьстислаличь отда дчѣрь свою в ляхы Верхуславу» [23. С. 224].

Немногочисленную группу древнерусских источников, связанных с обрядом сватовства, в основном представляют надписи на пряслицах, которые большинство исследователей считают традиционным подарком жениха невесте перед свадьбой [22. С. 55]. Часть из них являются владельческими подписями с женскими именами, некоторые более явно указывают на свадебную тематику. На пряслице из Вышгорода есть граффито «невѣсточъ», а пряслица с подписями «княжее», «княжин» скорее всего отсылают к традиции называть молодых на свадьбах князем и княгиней [19. С. 66]. Пряслице из Любеча с надписью «Іванкъ с Ъвдѣтею одіна дїї[а]» – еще один пример эпиграфического памятника любовно-брачного содержания [25. С. 30–34].

Еще одно вышгородское пряслице, датируемое временем не позже третьей четверти XI в., содержит длинную надпись, фиксирующую переговоры с упоминанием трех лиц, как и в граффито № 927. В недавней публикации А.А. Гиппиуса ее текст в нормализованном виде приводится следующим образом: «Чепоура пыта – Пыпына рекла: «Вѣда<д>ите ма за Жадъ, хочоу за нь, да<и> ма волею сво(єю)». Надпись выражает согласие и желание невесты Пыпыны выйти замуж за Жада [9. С. 11].

Фиксация переговоров перед свадьбой произошла и на так называемой костяной грамоте, найденной в Великом Новгороде на Троицком раскопе в 2020 г. Эта костяная бирка, сделанная из коровьего ребра, содержит надпись «молвила куна соболи» и запись чисел, отражающую ход торга о сумме выкупа за невесту [5]. Ключ к пониманию этого источника дает фольклорная традиция обозначения жениха и невесты во время обряда сватовства и в брачных песнях через зооморфную символику.

По традиции, пришедшие к дому потенциальной невесты сваты употребляли особые иносказательные формулы, никогда не сообщая о цели своего прихода прямо. Начало переговорам часто давала формула «у вас А, у нас В», где могли использоваться как очевидные пары невеста – жених, княгиня – князь, товар – купец, так и зооморфные наименования: телка – бычок, ярочка – баран, курочка – петушок и т.д. [12. С. 155]. В других формулах, связанных с охотой, пару могут образовывать животные и разных видов: среди самых распространенных вариантов соболя – куница, соболя – лисица, горностай – куница, бобр – выдра и т.д. [10. С. 42–43].

Знание об особенностях традиции сватовства смогло помочь в трактовке и серии граффити XIV – первой половины XV в. из церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде «пойду бобром возле реки» [18. С. 449; 21. С. 343–344; 4]. Эта серия надписей состоит как минимум из пяти граффити, сделанных одним почерком. В новом исследовании об этих надписях М.А. Бобрик уверенно обосновывает их брачно-эротическую семантику и происхождение из весенне-летнего обрядового фольклора [4].

Интересно, что в белорусских и польских свадебных песнях коза упоминается не в паре с козлом или с бараном, как в киевском граффито, а с ищущим добычу волком, который олицетворяет жениха, добывающего себе невесту. В таком случае ухаживания волка за козой наделяются еще и эротической символикой [10. С. 126–128]. Отношение к козе как к нечистому животному объясняется поверьями о ее дьявольском происхождении. Согласно украинскому фольклору, домашняя коза сотворена чертом, и если ее окропить освященной водой, то она мгновенно подохнет. По белорусским преданиям, коза – творение черта, и потому внешне похожа на него. Наличие у коз короткого хвоста поляки объясняли легендой, что дьявол, загоняя коз на пастбище, оторвал им хвосты [2. С. 523]. Согласно другому украинскому поверью, происхождение дикой козы идет от черта, который «прижил» ее со своей женой [3. С. 169]. Народная демоническо-эротическая символика козы, вероятно, повлияла на создание басни «Коза и бес», вошедшей в сборник XVIII века «Девичья игрушка, или Собрание сочинений г. Баркова» – ее, вероятно, и имел в виду Б.А. Рыбаков, характеризующий киевское граффито как «совершеннейшую непристойность».

В славянских поверьях коза или козел могли выступать и как оберег. Из-за любви нечистых сил (домовых и чертей) к этому животному, его держали в хлеву вместе с лошадьми, либо уводили на выгон вместе с овцами, считая, что нечисть тогда не навредит скоту [2. С. 524]. Таким образом, по народным представлениям, отношения между нечистой силой и козой были родственные, почти родительские, и этим можно объяснить, почему в тексте надписи коза по поводу своего замужества советуется именно с бесом. В тексте надписи на вышгородском пряслице Пыпна заявляет о своем желании выйти замуж за Жада Чепуре – персонажу, которому в основной версии интерпретации граффито отводится роль отца и главы рода невесты [9. С. 12].

Наравне с другими коза, баран и черт были типичными персонажами, используемыми ряжеными в конце свадебного обряда для развлечения участников свадьбы [12. С. 211]. Возможно, в одной из вариаций подобного развлечения разыгрывалась сцена сватовства козы и барана при участии беса. А.В. Гура отмечал, что мотив свадьбы животных в комическом виде широко представлен в фольклоре всех славян (например, в шуточных песнях о свадьбе зайца и совы, комара и мухи и т.д.), и что он связан с животными, для которых характерна ярко выраженная мужская или женская символика [11. С. 551–552]. Как коза, так и баран (хотя и в меньшей степени, чем коза) являются таковыми, но о существовании фольклорного источника о свадьбе этих животных до сих пор ничего известно не было. Между тем выбор барана как жениха козы имеет определенную логику. С одной стороны, это два вида сельскохозяйственных животных, часто обитающих вместе. В то же время между ними есть и некоторый антагонизм: вспомним, к примеру, козлов и овец из Мф. 25:31–46 в описании сцены суда над народами, олицетворяющих грешников и праведников соответственно. В украинских легендах коза как нечистое животное противопоставляется

«божьем» созданиям — овце и корове [2. С. 523]. По другим распространенным у славян фольклорным источникам, дьявол, желая, подобно Богу, создать свое животное, вылепил из глины барана, но не смог его оживить. Бог вдохнул в него жизнь, но загнул рога назад, получив из барана козла [3. С. 169]. Ущербность козы по отношению к другим домашним животным декларирует и приведенная в «Слове» Даниила Заточника притча: «не скоть въ скотѣх коза, ни зверь въ звѣрех ожь, ни рыба въ рыбах ракъ, ни потка въ потках нетопырь»¹. С этой точки зрения уже сам подбор персонажей киевского граффито подразумевает коллизию, которую можно обыграть в сюжете фольклорного произведения. Поэтому, хотя прямых фольклорных параллелей, в которых бы присутствовали коза, бес и баран, обнаружить не удалось, граффито № 927 можно считать древнейшей восточнославянской записью фольклора с мотивом свадьбы животных.

Относительно внестратиграфической датировки надписей можно высказать следующие соображения.

Граффити № 126 и 127, как неоднократно отмечалось, имеют одинаковые начертания [8. С. 46; 6. С. 120. Прим. 67]. Обе надписи содержат довольно специфичные графические признаки: А-образная *д*, *и* с пересечкой и засечками, *к* с отворотом влево вверху справа, вертикальная *з* с переломом. Это дает основания утверждать, что надписи были сделаны одним лицом. Без подробного палеографического анализа С.А. Высоцким эти граффити были приведены в разделе, посвященном источникам XII в. [8. С. 46]. В.В. Корниенко датировал обе надписи XII — первой четвертью XIII в. [17. С. 37–39]. Рецензировавший первый том нового свода киевских граффити Т.А. Бобровский, опираясь на разработанную А.А. Зализняком методику [14], уточнил датировку В.В. Корниенко, назвав в качестве предпочтительного времени создания надписей период 1100–1200 гг. [6. С. 120, 127].

Таблица 1. Датировочная матрица для граффити № 126–127.

	1100	1200	1300	1400	
Д II Δ- и А-образные	(	)	.		
З IIIa Вертикальные (перелом)			)	.	° ° ° °
Г IIIб С пересечкой (с засечками)	[	-]	[	-]	[
К 2 Отворот влево вверху справа	°	° ° ° °	)		!
У II Y-образные	(	° ° ° ° ° °	°	° ° ° ° ° °	
Графика: Y после согласной	(	° ° ° ° ° °	°		

Граффито № 927, самое большое в серии, не содержит буквы *д*, а *и* прочерчено без засечек и перекадины, как это сделано в надписях № 126 и 127. В то же время мы здесь видим ту же вертикальную *з* с переломом, *к* с левым отворотом у верхнего косого (написанную так, будто *к* з слева добавили вертикаль) и другие совпадающие графические признаки. Поэтому вероятность того, что все три надписи были сделаны одной рукой, надо признать чрезвычайно высокой. В начертаниях букв надписи № 927, отсутствующих в № 126 и 127, обращает на себя внимание ряд деталей. *И* здесь встречается трижды: первая имеет основной вид с горизонтальной перекадиной, третья написана с наклонной перекадиной — признаком

¹ Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси / под. ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 278.

более поздней палеографии, чем XII в., на существенной части второй находят повреждения штукатурки, но по видимому участку можно опознать нижнюю часть наклонной перекладины. Еще одним поздним признаком является дважды встреченная в надписи *p* с петлей с двумя изломами. В целом для граффито № 927 датирующая матрица принимает следующий вид.

Таблица 2. Датирующая матрица для граффито № 927.

	1100	1200	1300	1400	
В Пб Перелом, не касающийся мачты				) • • •)	
З Па Вертикальные (перелом)			) •	• • • •	
И П Наклонная перекладина	•	• •	(•		2/3
К 2 Отворот влево вверх справа	•	• • • •	)		
Р V Петля с двумя изломами			(		
Язык: редуцированные пали	(• (				

Таким образом, по внестратиграфическим данным граффити № 126, 127 и 927, принадлежность которых одному автору в целом не вызывает сомнений, содержат датирующие признаки как ранних, так и относительно поздних периодов. К выраженным первым можно отнести написания *κ* и *δ*, ко вторым — *p*, *и* в двух из трех случаев, *і* в двух случаях из трех. Важным датирующим признаком является последовательно позднее состояние редуцированных в надписи (*спрашивается*, *с*), а также одиночное *у* после согласной, которое, хотя и встречается уже в XII в., более характерно для XIII–XIV вв.

Ранней чертой в граффито № 927 является написание *бъсьме*, с сохранением мягкости конечного [м'], отвердевшего после утраты слабых редуцированных. Исследовавший это явление на материале берестяных грамот А.А. Зализняк отмечал, что данный процесс, скорее всего, начался еще в XI в., к XIII в. новые формы уже использовались чаще старых, а в XIV–XV вв. они уже абсолютно преобладают [15. С. 78].

Фрагментированные граффити № 851, 854 и 1076а содержат небольшое число сохранившихся начертаний, но видно, что в них нет специфических графических свойств, присущих надписям № 126, 127 и 927. Судя по фотографиям из издания В.В. Корниенко, *κ* во всех трех граффити имеет основной вид (сомкнутые), а *з* везде разная: левонаклонная с развилкой в № 851, вертикальная с развилкой в № 854 и не имеющая аналогов, наиболее похожая на вертикальную Ъ-образную *з* в № 1076а. Для подтверждения предложенного издателем прочтения этих надписей и их графических особенностей крайне желателен новый визуальный осмотр оригиналов источников. Но имеющиеся данные вполне определенно говорят об атрибуции этих граффити иным авторам.

Граффито № 904 В.В. Корниенко датирует последней четвертью XIV — первой четвертью XV в. [17. С. 61]. Как говорилось выше, нельзя поддержать

Таблица 3. Датирующая матрица для граффито № 904.

	1100	1200	1300	1400	
А Па Выпуклые (острые)	✓ • (				
К П Нижняя косая к мачте		•	(• • • • •	•	
У П К- и Ц-образные		•	(• •		
W Пa W-образные	(• • • •	• • • •	)		•
Ю Пб Перемычка наклонно вверх		•	(		

реконструкцию буквосочетания *-ови* после *поп-*. Судя по фотографии, после *n* есть место только для одной буквы. Возможно, в надписи используется вокатив с окончанием *-е*, и тогда призыв «отдать козу» адресуется некому попу. В целом же надпись датируется концом XIII — началом XIV в. По-видимому, этим периодом необходимо датировать и всю серию надписей про «козу».

Вверху граффито № 904 находится краткая надпись, которую В.В. Корниенко изначально считал первой строчкой текста, но затем внутри своего свода выделил ее в отдельное граффито № 904а, прочтя там имя *нікола* с зеркальной *a*. Как кажется, это граффито, на котором присутствуют следы зачеркивания, является записью обценной лексемы (в виде диминутива *пиздка*), уже засвидетельствованной в некоторых памятниках эпиграфики Новгорода, включая неопубликованные граффиты Софийского собора и церкви Феодора Стратилата на Ручью², Полоцка [7. С. 8. Рис. 1; 16. С. 35–38. Ф. 7.7. Рыс. 10, 11.7] и в смоленской берестяной грамоте № 15 [1. С. 340–341. Рис. 2]. Соседство надписи о сватовстве и записи с обозначением табуированной части женского тела уже встречалось в новгородской берестяной грамоте № 955, где обценные лексемы выступают в обрядовом пожелании плодородия [26. С. 55–59]. Полагаю, приписка к надписи № 904 могла быть сделана с той же целью.

Остается открытым вопрос о назначении этой группы надписей. Едва ли подобные однотипные надписи являются простой записью полюбившегося прихожанам фольклорного текста. Более вероятно другое объяснение, что по крайней мере граффиты № 126, 127 и 927 являются навязчивым посланием для одного из попов Софии Киевской, упомянутого, согласно предложенной поправке к чтению, в граффито № 904. Можно думать, этот поп каким-либо образом препятствовал браку между автором надписей и его невестой. В тексте граффито № 927 автор провел своеобразную ролевую игру, навеянную обрядовым фольклором: свою невесту он соотнес с козой, ее реального или духовного отца, с которым она советовалась по поводу своего замужества, — с бесом, а себя — с бараном.

Переживаниями о сватовстве и свадьбе, спровоцировавшими появление на стене храма серии граффиты с зооморфной брачно-эротической символикой, сроднились неизвестный новгородец, прихожанин или клирик церкви Феодора Стратилата, воображающий себя женихом-бобром, и киевлянин, настойчиво оставляющий в алтарной зоне крайнего придела Софийского собора призывы отдать за него невесту-козу. Иносказательный смысл этих посланий, безусловно понятный современникам, исследователю приходится отгадывать, опираясь на фольклорные параллели. Предложенные в этой статье ответы, возможно, не являются окончательными, но хочется думать, что они будут полезны для дальнейшего развития дискуссии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси / под. ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 269–283.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асташова Н.И., Зализняк А.А. Берестяные грамоты из раскопок Заднепровья г. Смоленска // Историческая археология: традиция и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 336–341.

² По сведениям от А.А. Гиппиуса и С.М. Михеева.

2. Белова О.В. Коза // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5-и т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 2. С. 522–524.
3. Белова О.В., Кабакова Г.И. Коза, козел // Восточнославянские этимологические сказки и легенды: Энциклопедический словарь / под общ. ред. Г.И. Кабаковой; сост. О.В. Белова, А.В. Гура, Г.И. Кабакова, С.М. Толстая. М.: Неолит, 2019. С. 169–170.
4. Бобрин М.А. Граффити о бобре в новгородской церкви Феодора Стратилата на Ручью // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. (в печати)
5. Бобрин М.А., Сингх В.К. Документ древненовгородского свадебного ритуала: Костяная грамота XIII века из раскопок 2020 года // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2021. (в печати)
6. Бобровский Т. Бреши в корпусе (Заметки о монографии В.В. Корниенко «Корпус графіті Софії Київської») // Ruthenica. Т. IX. Київ, 2010. С. 110–130.
7. Булкин В.А., Рождественская Т.В. Надписи на камне из храма Софии в Полоцке // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1982. Л.: Наука, 1984. С. 7–12.
8. Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.). Киев: Наукова думка, 1976. 455 с.
9. Гиппиус А. «Чепура пыта, Пыпна рекла»: надпись XI в. на пряслице из Вышгорода // Ruthenica. 2020. Вып. XVI. С. 7–15.
10. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 910 с.
11. Гура А.В. Свадьба животных // Славянские древности. Этно-лингвистический словарь: в 5-и т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 551–552.
12. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 935 с.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: Типография М.О. Вольфа, 1881. Т. 2. 814 с.
14. Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Т. X. М.: Наука, 2000. С. 134–429.
15. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 867 с.
16. Калечыч І.Л. Эпіграфіка Беларусі X–XIV вв. Мінск: Беларуская навука, 2011. 274 с.
17. Корнієнко В.В. Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). Київ, 2009. Ч. 1: Приділ св. Георгія Великомученика. 463 с.
18. Медынцева А.А. Древнерусские надписи из церкви Феодора Стратилата в Новгороде // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968. С. 440–450.
19. Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси: По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII в. М.: Наука, 2000. 290 с.
20. Рыбаков Б.А. Именные надписи XII ст. в Київському Софійському соборі // Археологія. 1947. Вип. 1. С. 53–64.
21. Рождественская Т.В. Надписи и рисунки в церкви Феодора Стратилата на Ручью // Царевская Т.Ю. Роспись Церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде и ее место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века. М.: Северный паломник, 2007. С. 339–382.
22. Рыбаков Б.А. Русская эпиграфика X–XIV вв. // История, фольклор, искусство славянских народов. М.: Наука, 1963. С. 34–72.
23. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1987. Вып. 13. 316 с.
24. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 2006. Вып. 27. 275 с.
25. Янин В.Л. Эпиграфические заметки // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 21–36.
26. Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 г.). Т. XII. М.: Языки славянской культуры, 2015. 288 с.

REFERENCES

- Astashova N.I., Zalizniak A.A. Berestianyje gramoty iz raskopok Zadneprov'ia g. Smolenska. *Istoricheskaia arheologiya: traditsiia i perspektivy. K 80-letiiu so dnia rozhdeniia D.A. Avdusina*. Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 1998, pp. 336–341. (In Russ.)
- Belova O.V. Koza. *Slavianskije drevnosti. Etno-lingvisticheskiĭ slovar'*. Moscow, Mezhdunarodnyje otnosheniia Publ., 1995, vol. 2, pp. 522–524. (In Russ.)

- Belova O.V., Kabakova G.I. Koza, kozel. *Vostochnoslavianskije etimologicheskie skazki i legendy: Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Neolit Publ., 2019, pp. 169–170. (In Russ.)
- Bobrik M.A. Graffiti o bobre v novgorodskoi tserkvi Feodora Stratilata na Ruch'iu. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2021 (in print). (In Russ.)
- Bobrik M.A., Singkh V.K. Dokument drevnenovgorodskogo svadebnogo rituala: Kostianaia gramota XIII veka iz raskopok 2020 goda. *Slověne = Sloviane. International Journal of Slavic Studies*, 2021 (in print). (In Russ.)
- Bobrovskii T. Breshi v korpusе (Zametki o monografii V.V. Kornijenko «Korpus grafiti Sofii Kiivs'koï»). *Ruthenica*, vol. IX. Kyiv, 2010, pp. 110–130. (In Russ.)
- Bulkin V.A., Rozhdestvenskaia T.V. Nadpisi na kamne iz khrama Sofii v Polotske. *Pamiatniki kul'tury: Novye otkrytiia. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiia. 1982*. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 7–12. (In Russ.)
- Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*. St. Petersburg, 1881, vol. 2, 814 p. (In Russ.)
- Gippius A. «Chepura pyta, Pypna rekla»: nadpis' XI v. na priaslitse iz Vyshgoroda. *Ruthenica*, 2020, vol. XVI, pp. 7–15. (In Russ.)
- Gura A.V. *Brak i svad'ba v slavianskoï narodnoï kul'ture: semantika i simbolika*. Moscow, Indrik Publ., 2012, 935 p. (In Russ.)
- Gura A.V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii*. Moscow, Indrik, 1997, 910 p. (In Russ.)
- Gura A.V. Svad'ba zhivotnykh. *Slavianskije drevnosti. Etno-lingvisticheskii slovar'*, pod red. N.I. Tolstogo, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2009, vol. 4, pp. 551–552. (In Russ.)
- Ianin V.L. Epigraficheskie zametki. *Voprosy iazykoznaniiia*. 1992, vol. 2, pp. 21–36. (In Russ.)
- Ianin V.L., Zalizniak A.A., Gippius A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 g.)*. Moscow, 2015, T. XII. 288 p. (In Russ.)
- Kornienko V.V. *Korpus grafiti Sofii Kiivs'koï (XI – pochatok XVIII st.)*. Kyiv, 2009, Ch. 1: Pridil sv. Georgiia Velikomuchenika, 463 p. (In Ukr.)
- Kalechyts I.L. *Epigrafika Belarusi X–XIV vv.* Minsk, Belarускаia navuka Publ., 2011. 274 p. (In Belarus.)
- Medyntseva A.A. Drevnerusskije nadpisi iz tserkvi Feodora Stratilata v Novgorode. *Slaviane i Rus'*. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 440–450. (In Russ.)
- Medyntseva A.A. *Gramotnost' v Drevnei Rusi: Po pamiatnikom epigrafiki X – pervoi poloviny XIII v.* Moscow, Nauka Publ., 2000, 290 p. (In Russ.)
- Rybakov B.A. Imenni napisi XII st. v Kiivs'komu Sofiis'komu sobori. *Arkheologiia*, 1947, vol. 1, pp. 53–64. (In Ukr.)
- Rozhdestvenskaia T.V. Nadpisi i risunki v tserkvi Feodora Stratilata na Ruch'iu. Tsarevskaia T. Iu. *Rospis' tserkvi Feodora Stratilata na Ruch'iu v Novgorode i jeje mesto v iskusstve Vizantii i Rusi vtoroi poloviny XIV veka*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2007, pp. 339–382. (In Russ.)
- Rybakov B.A. Russkaia epigrafika X–XIV vv. *Istoriia, fol'klor, iskusstvo slavianskikh narodov*. Moscow, Nauka Publ., 1963, pp. 34–72. (In Russ.)
- Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* Moscow, 1987, vol. 13, 316 p. (In Russ.)
- Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* Moscow, 2006, vol. 27, 275 p. (In Russ.)
- Vysotskii S.A. *Srednevekovye nadpisi Sofii Kijevskoi (po materialam graffiti XI–XVII vv.)*. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1976, 455 p. (In Russ.)
- Zalizniak A.A. *Drevnenovgorodskii dialekt*. Moscow, 2004, 867 p. (In Russ.)
- Zalizniak A.A. Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovaniie. Ianin V.L., Zalizniak A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.)*. T. X. Moscow, 2000, pp. 134–429. (In Russ.)

Информация об авторе:

Дробышева Мария Михайловна,
младший научный сотрудник,
старший преподаватель исторического
факультета Государственного академического
университета гуманитарных наук,
г. Москва, Российская Федерация;
ORCID: 0000-0003-2943-2897
E-mail: m.m.bubnova@gmail.com

Information about the author:

Maria M. Drobysheva
Junior Research Fellow of the Faculty
of History, State Academic
University for Humanities,
Moscow, Russian Federation;
ORCID: 0000-0003-2943-2897
E-mail: m.m.bubnova@gmail.com

DOI: 10.31857/S0869544X0017704-7

Оригинальная статья /
Original Article

«Азбучные войны» в истории и современности славянских языков: заметки на полях книги Артура Стемплевского

© 2021 г. О.А. Остапчук

МГУ им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

ostapczuk@yandex.ru

Аннотация. В статье сквозь призму монографии А. Стемплевского «Семиозис письма. Кириллица и латиница в сербском и хорватском национальном дискурсе на славянском фоне» разбирается проблематика (ре)интерпретации графики и алфавита в национальных категориях в истории сербского, хорватского, а также украинского литературных языков. Для описания процесса приращения дополнительных смыслов идеологического или культурного характера при функционировании алфавитов в целом или их отдельных графем вводится понятие национализации. Освещаются вопросы параллельного функционирования латиницы и кириллицы в истории и современности сербского и хорватского, а также других славянских языков и восприятия этого факта в узусе и в национальном дискурсе. Особое внимание уделяется мерам языковой политики и усилиям представителей национальных элит, влияющим на выбор алфавита и принципов орфографии в ходе кодификации.

Ключевые слова: алфавит, графика, графема, сербский язык, хорватский язык, украинский язык, славянские языки, национальная идентичность, кодификация.

Ссылка для цитирования: Остапчук О.А. «Азбучные войны» в истории и современности славянских языков: заметки на полях книги Артура Стемплевского // *Славяноведение*. 2021. № 6. С. 110–122. DOI: 10.31857/S0869544X0017704-7.

«Alphabet wars» in the history and modernity of Slavic languages: sidenotes to the Artur Steplewski's book

© 2021. Oxana A. Ostapchuk

Moscow State Lomonosov University
(Moscow, Russian Federation)

ostapczuk@yandex.ru

Abstract. The article concerns problematics of the (re)interpretation of graphics of graphics and the alphabet in national categories in the history of Serbian, Croatian, and Ukrainian literary languages through the prism of A. Steplevsky's monograph

«Semiosis of Script: Cyrillic and latin alphabet in Serbian and Croatian national discourse on the Slavic background». The concept of nationalization is introduced to describe expanding of meaning due to ideological and cultural connotations while alphabets as a whole or their separate graphemes have been used in the symbolic function. The article highlights the issues of the parallel functioning of the Latin and Cyrillic alphabet in the history and modernity of Serbian and Croatian, as well as other Slavic languages, and the perception of this fact in the usus and national discourse. Special attention is paid to the measures of language policy and the efforts of representatives of national elites who influence the choice of the alphabet and/or the principles of spelling during standardization.

Keywords: alphabet, script, grapheme, Serbian, Croatian, Ukrainian, Slavic languages, national identity, standardization.

Reference for citation: *Ostapchuk Oxana A. «Alphabet wars» in the history and modernity of Slavic languages: sidenotes to the Artur Steplewski's book. // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2021. No 6. Pp. 110–122. DOI: 10.31857/S0869544X0017704-7.*

В современной славистике интерес к языковым явлениям, рассмотренным сквозь призму национальных идеологий, не только не ослабевает, но и приобретает особую остроту. Этому во многом способствуют активная коррекция нормы, а нередко и переосмысление принципов кодификации, происходящие прежде всего в тех славянских языках, которые относятся к «новым» государственным языкам, как, например, хорватский, словенский или украинский¹. Примечательно, что взаимная хронология процессов национально-государственного строительства и языковой дивиргенции в различных исследованиях устанавливается по-разному. Так, если общепринятым считается предшествование образования независимых государств (ре)стандартизации литературных языков, то ряд социолингвистов утверждают, что порядок событий был обратным: стремление к обособлению национальных языков и пересмотру их норм в духе национализации проявляется на славянских территориях не после распада многонациональных государств (СССР, Югославия, Чехословакия), но зачастую является его первым признаком [1. С. 19]. Этот процесс был весьма неоднозначным и оказал непосредственное влияние на изменения в иерархии языковых функций: «В результате распада федеративных государств и превращения унитарных государств в суверенные субъекты народы и доминирующие в них языки оказались, по мнению элит, под угрозой, поэтому были выработаны “программы защиты”, усилившие символическую национальную, государственную и идентификационную функции языков, нередко за счет функции коммуникативной» [4. С. 95].

В истории славянских языков отмечается несколько таких периодов, когда на первый план выдвигалась именно символическая функция языка, способствующая национально-культурной интеграции вокруг идеи самобытности, в том числе в языковой сфере. Это прежде всего эпоха национального возрождения, в рамках которой процесс становления национального самосознания славянских народов сопровождался развитием культур, литератур и кодификацией народных языков славян. Для большинства славян национальное возрождение локализуется в рамках XIX в., однако для украинцев и белорусов можно констатировать, что оно продолжалось вплоть до 1920-х годов [11. С. 637],

¹ Классификация славянских языков с учетом времени обретения ими официального статуса предложена польским социолингвистом В. Любасем [5].

а для македонцев — до середины XX в.; свои особенности в хронологии националистического дискурса в связи со становлением литературного языка обнаруживаются и в других регионах Славии, в том числе на южнославянских территориях. К числу вопросов, традиционно вызывающих пристальное внимание кодификаторов и пользователей языка и провоцирующих горячие споры, относятся способы внешнего оформления речи: графика, алфавит, орфография, которым нередко приписывается символическое значение. Тем более удивительно, что до сих пор этому аспекту кодификации славянских языков в социолингвистическом плане уделялось довольно мало внимания. Эту лакуну и призвана восполнить уже успевшая заслужить признание монография профессора Университета им. А. Мицкевича в Познани, а ныне Стамбульского университета Артура Стемплевского «Семиозис письма. Кириллица и латиница в сербском и хорватском национальном дискурсе на славянском фоне» [7].

Алфавит и графика рассматриваются в монографии как важный элемент языковой нормализации, который может быть (ре)интерпретирован в национальных категориях. Емкий заголовок в сжатом виде отражает общую композицию книги, задавая основные векторы терминологической и методологической дискуссии, которую, как мне кажется, негуст и должны вызывать научные работы такого формата и уровня. Крайне непростые вопросы функционирования и восприятия графических систем в сербском и хорватском коммуникативном пространствах оказываются в центре композиционной рамки. При этом автор вводит проблему выбора алфавита и функционирования графического кода в круг широко понимаемых вопросов теории национализма, исторической социолингвистики, культурной антропологии, семиотики.

Соссюровский тезис о произвольности знака в монографии А. Стемплевского получает свое нестандартное развитие благодаря пристальному вниманию к процессу порождения у отдельных буквенных символов и системы алфавита и письма в целом новых смыслов, приращения идеологических, культурных и т.п. коннотаций в национальном и националистическом дискурсе. «Выбранный лидерами тип записи (графика и орфография) становится частью канона в национальной культуре и благодаря системе образования социализирует членов данного сообщества, расширяя сферу его восприятия за счет идеологических функций. Этническая и/или национальная самоидентификация, какие бы изменения она не испытывала, каждый раз требует системы символов, которые распознаются как собственные» (Здесь и далее перевод мой. — О.О.) [7. S. 247]. Как хорошо показывает автор, особенно активно семиотизация алфавита и письма происходит в тех языках, которые — как хорватский — переживают этап бурного развития нормы в условиях острой конкуренции с соседним родственным языком (сербским). Однако и для целого ряда других славянских языков автор вычленяет периоды в истории развития нормы, когда графика, алфавит или отдельные их элементы приобретали символическую функцию маркера «своего» или «чужого» культурного кода.

Весьма важной как с точки зрения методологии, так и теории кодификации представляется тонкая нюансировка вопросов создания наций и литературных языков в славянском ареале. А. Стемплевский уделяет внимание как традиционным языкам культуры, обеспечивавшим связь времен и религий (церковнославянский, славяносербский и т.д.), а также большим и малым литературным славянским языкам, так и новым микроязыкам, продвигая при этом новый подход к литературному языку и его вариантам, исключая стигматизацию

«неудачников», по разным причинам не достигших уровня полноценной кодификации. Автор предлагает собственную (универсальную) модель формирования стандартного (литературного) славянского языка, согласно которой символические шаги по закреплению графического кода в качестве базы литературно-культурного выражения предшествуют стандартизации всех других уровней системы кодифицируемого языка. Терминологической новацией является введение в научный оборот термина орфолект, уточняющего предложение Э. Хаугеном понятие графолекта для относительно стабильного способа графической фиксации диалекта и/или идиолекта, который обозначает вариативный орфографический способ записи конкретного языка [7. S. 82–84]. Остается лишь сожалеть, что дальнейшее развитие данная мысль не получает, а она является крайне плодотворной для оценки развития целого ряда славянских языков, в том числе белорусского и украинского, сохраняющих варианты орфолекты вплоть до самого последнего времени.

Одной из ловушек, подстерегающих исследователей истории кодификации, являются анахронические оценки письменных источников прошлого, в которых «ошибки», в том числе орфографические, вычлняются с точки зрения современной или более поздней по времени нормы. А. Стемплевскому не всегда удается избежать подобных анахронизмов: так, некоторым преувеличением выглядит крайне нелестная характеристика первых литературных опытов на формирующихся славянских литературных языках [7. S. 78]. Неточной выглядит и их хронология: и в русском, и в польском случаях мода на «свою» литературу и литературные салоны относится явно к началу и середине, а не ко второй половине XIX в., как это было с другими славянскими народами, в частности, находившимися под властью Австро-Венгрии.

Заметим, что к «славянскому фону», вынесенному в заглавие, А. Стемплевский в ходе изложения обращается многократно, насыщая текст примерами и аналогиями из различных славянских языков и наполняя его уникальной славянской многоголосицей. Нельзя не отметить широкий славистический кругозор автора и тот факт, что цитаты фактически на всех славянских языках приводятся в тексте в оригинале (перевод дается в сносках). Это, впрочем, не отменяет пристального внимания к частным вопросам отдельных филологий. Так, например, книга знакомит с тонкостями орфографических дискуссий в польском коммуникативном пространстве, включая мало кому известные детали полемики Я. Снядецкого и А. Фелинского в начале XIX в. о возможности расширительного употребления *j* (вместо *i*) вопреки правилам грамматики О. Копчинского или дискуссии об (орфо)графических традициях в разных частях Польши, воссоединенных в единое политическое тело уже в начале XX в. [7. S. 56–58].

История литературного языка последовательно рассматривается в рамках логики националистического нарратива, стремящегося к (вос)созданию самостоятельных этноса и культуры в плоскости идей. Отмечу, что подобная «национализация» свойственна историческому дискурсу многих стран, находящихся на стадии нациестроительства, как это убедительно показывает Г. Касьянов в своей статье об украинской историографии [3]. В этом вопросе А. Стемплевский, следуя за концепцией «воображаемых наций» Б. Андерсона [8], выступает как противник идеи исторической исключительности развития отдельных славянских народов и стран, отрицая тем самым также неизбежно успешный характер движений за национальное возрождение [7. S. 85–87]. Более того, в идеологии национальных возрождений собственно «народный»

элемент, соотносимый с культурной и этно-конфессиональной традицией и нередко влияющий на выбор графики и орфографические решения, вступает в сложное взаимодействие с элементом (обще)славянским, обеспечивающим непрерывность единого воображаемого пространства Славии. Сама же концепция «славянского мира» может рассматриваться как идеологический конструкт, возникший в ответ на вызовы (центрально-)европейских национализмов [7. С. 91]. Условность проводимых идеологических границ внутри Европы иллюстрирует приведенный в монографии случай Молдавии – территорий, где неславянское происхождение этноса сочеталось с конфессиональной принадлежностью к православию и использованием церковнославянского языка в культурной традиции; в результате вплоть до конца XIX в. румынский язык иногда рассматривался как один из славянских [7. С. 99].

Случай Югославии и образовавшихся в результате ее распада стран А. Стемплевский рассматривает как пример исключительной жизнеспособности националистической логики, восходящей к идеям национального возрождения XIX в. [7. С. 100]. Отмечу, впрочем, что, как минимум, украинский и белорусский случаи вносят в эту логику свои коррективы, показывая, что националистический дискурс возрождается каждый раз, когда возникает реальная или мнимая угроза для выживания нации и языка. Центральная часть монографии посвящена непосредственному анализу событий, приведших к возрождению национальных мифов в современном сербском и хорватском коммуникативном пространстве, в частности, в связи с активизацией (около)филологических дискуссий по поводу графики и орфографических традиций, а также в целом литературной нормы. Автор разделяет (замечу, небесспорное) мнение ряда (социо)лингвистов о существовании единого сербскохорватского языка, опирающегося на общую диалектную базу, в рамках которого вычленяется несколько вариантов с различной графической фиксацией (сербский, хорватский, босняцкий, черногорский и др.) [7. С. 101–103]. В этом автор продолжает длительную традицию такого подхода к литературному языку сербов и хорватов, базирующегося на учете прежде всего генетико-типологических, а не социолингвистических параметров функционирования языка/языков [6. С. 156]. Парадокс современной языковой ситуации состоит в том, что идеологическая мобилизация хорватского и сербского общества по вопросу графики не соответствует узусу: так, латиница, будучи популярным маркером «хорватскости», все активнее используется также в Сербии и в других частях бывшей Югославии, традиционно относившихся к сфере доминирования кириллического письма. Дискуссия о возможности параллельного использования в Сербии кириллицы и латиницы возродилась с новой силой в 2010 г. в ходе подготовки к изданию обновленного орфографического словаря сербского языка. Опросы продемонстрировали преобладание сторонников латиницы (особенно в молодежной среде), и это несмотря на то, что в конституции страны зафиксирован единственно возможный графический облик языка в форме кириллицы [7. С. 110]. Латиница явно преобладает и в Воеводине, собственный ее вариант разрабатывается также в Боснии и Черногории. Как отмечает автор, для последовательного разграничения формирующихся графолектов и орфолектов кодификаторами активно используются собственно лингвистические средства стандартизации: выработанные в узусе различия закрепляются в постоянно обновляемых орфографических и толковых словарях [7. С. 107–108].

Привлекаемый в монографии материал требует интердисциплинарного подхода, что позволяет рассматривать проблему алфавита с самых разных

точек зрения, включая наблюдение как над собственно лингвистическими, так и над внеязыковыми и метаязыковыми явлениями. Так, дискуссии в сербском информационном пространстве, посвященные функционированию латиницы и кириллицы, подвергаются подробному критическому разбору с учетом используемой в них риторики, тропов, экспрессивно-эмоциональных и прочих стилистических средств пропагандистской мобилизации [7. S. 113–123]. При анализе идеологически маркированных высказываний, доказывающих преимущества кириллицы как средства выражения духа сербского народа, автор применяет метод дискурса-анализа Т. Ван-Дейка, показывая, как общая структура высказывания (нумерация аргументов, наукообразие) и его синтаксис (обилие сложноподчиненных предложений), но особенно лексика помогают выстраивать границу «мы»/«они», манипулируя сознанием [7. S. 126–128]. Аналогичная методика используется и при анализе хорватского политического и политизированного дискурса, что позволяет достичь необходимой научной беспристрастности.

Особое внимание уделяет А. Стемплевский глаголице – системе письма, фигурирующей сегодня в социальных медиа и в маркетинговых стратегиях как символ, призванный вызывать однозначные ассоциации с Хорватией. Автор сосредоточивается на процессе национализации (хорватизации) письма, учитывая его графическую трансформацию в соответствии с собственными эстетическими представлениями. Эмоциональные заявления адептов «истинно хорватского» характера глаголицы об ее уникальном характере нередко служат средством подчеркивания собственной исключительности и выстраивания националистического дискурса. Так, глаголица нередко используется в рамках этногенетической концепции иранского происхождения хорватов как маркер отличия их от православных сербов, пользующихся кириллицей [7. S. 131–138]. В этом хорваты не уникальны: «альтернативные» этногенетические концепции происхождения эксплуатируются также в националистических дискурсах других народов, как, например, польский сарматизм или неславянские теории этногенеза болгар, призванные подчеркнуть древность народа и его культуры [7. S. 140–142]; многочисленны аналогичные примеры и в современном украинском политизированном дискурсе.

Центральной проблемой монографии является политизация письма в различных национальных и националистических контекстах. Не только в Сербии, где развернулось целое движение за сохранение кириллических надписей в городском пространстве, проникновение латиницы в узус может оцениваться в категориях языковой агрессии. Так, в Болгарии актуализация политического аспекта графики оказалась тесно связанной со вступлением страны в ЕС; в результате проекты введения латиницы столкнулись с мощным противодействием, вызвав к жизни тезис о кириллице как национальном болгарском достоянии [7. S. 162–165, 169]. Весьма спорным, как справедливо отмечает А. Стемплевский, является часто возникающее в ходе подобных дискуссий утверждение об истинно «славянском» характере кириллицы, что автоматически исключает из числа «славян» всех его представителей, пользующихся латиницей. Таким образом, идеи об исключительно тесной связи между славянскими народами и гомогенности славянства следует отнести к числу стереотипных суждений, не находящих своего подтверждения в том числе в сфере графики и письма [7. S. 168–170].

Впрочем, таким же конструктом, по мнению А. Стемплевского, являются представления о национальном литературном языке как о стабильном продукте,

фиксирующем память о преемственности национальной традиции, выраженной в частности на письме. Кодификация предстает в монографии как динамический процесс, в рамках которого любой уровень языка может быть изменен, в том числе в результате сознательного воздействия. В этом контексте по-новому освещается проблематика, связанная с выбором системы орфографии на начальной стадии кодификации: фонетической (фонологической) или этимолого-морфологической. Здесь весьма показателен пример украинского языка, где в орфографических войнах середины XIX в. активно конкурировали различные варианты письменной фиксации живой речи. Так, среди конкурентов фонетической в своей основе орфографии присутствовал проект этимологического правописания, разработанный М. Максимовичем на основе русской азбуки с использованием диакритики для обозначения специфических украинских звуков (так, украинский *i* обозначался в различных типах корней как *ê* или *ô*) [7. S. 151–152]. Как ни парадоксально, в этом отношении сербская и хорватская нормы обнаруживают гораздо меньше различий, чем в вопросе о графике. (Ново)штоковский диалект, лежащий в основе как сербского, так и хорватского литературного языков, оформляется в обоих языках в соответствии с фонетическим принципом правописания (с учетом разницы алфавитов), что может парадоксальным образом создавать ситуацию неразличения идиомов, как, например, в изданном на латинице сербском стихотворении, опирающемся на экавскую норму, где только отсутствие графемы *j* позволяет отличить его от хорватской иекавицы [7. S. 150].

Актуальным примером использования графики и орфографии как средства конструирования собственной идентичности является ситуация в Черногории. Как отмечает А. Стемплевский, эта страна прошла трудный путь выработки общественного консенсуса относительно литературного стандарта, в котором идеальный лозунг фонетической орфографии «пиши, как говоришь» совмещается с ориентацией на реальное произношение носителей и элитарную литературную традицию [7. S. 177–179]. Латиница, ставшая своеобразным символом независимости республики, явилась одновременно знаком ее европейского пути. По мнению автора, внедренные в черногорскую латиницу буквы *š*, *ž* с диакритикой польского типа стали сознательным средством визуального отграничения текстов на стандартном (черногорском) языке от текстов соседей, в частности хорватов, тем более что оба идиома ориентированы на иекавскую произносительную норму. Таким образом, графика и ряд других лингвистических аргументов (наличие среднеязычных палатальных и асинхронная мягкость губных) позволили кодификаторам установить связь с этногенетической теорией происхождения предков черногорцев с территории северо-западной Польши и подчеркнуть их родство с древними полабянами, расширив тем самым спектр отличий от сербов и хорватов [7. S. 182].

Внимание к дискуссиям об «идеальной» форме орфографии, призванной обеспечить устойчивость культурной традиции и представить собственную языковую специфику, позволяет А. Стемплевскому по-новому взглянуть на историю многих славянских языков, прежде всего тех, в которых кодификация проходила в условиях конкуренции с соседними языками. Так, в Болгарии победа сторонников демократизма, завершившаяся установлением фонетической орфографии после 1944 г. и устранением ранее провозглашенного символом «болгарскости» знака *Ѣ*, одновременно, по мнению автора, отдала литературный язык от общей болгаро-македонской базы [7. S. 185–189]. В то же время македонцы, выстраивая собственную этноязыковую идентичность в отталкивании от турецкой и греческой, но прежде всего болгарской

традиции, выбрали для литературного языка диалектную базу, максимально удаленную от болгарской (что парадоксальным образом сблизило ее с сербской). Примечательно, что в рамках споров о форме и принципах письма присутствовали, в частности, предложения по введению латиницы для фиксации македонской речи, реализованные, например, в изданной в Греции македонской азбуке (1925). Автор усматривает в этом сознательный шаг, позволивший кодификаторам отграничить македонский язык от старой кириллической традиции (как болгарской, так и сербской), что, впрочем, не помешало в дальнейшем окончательному закреплению кириллицы и фонетического принципа орфографии [7. С. 198–200].

Нелинейно представлена в монографии также история графики и орфографии у восточных славян. А. Стемплевский представляет краткий ее обзор, концентрируясь на петровских реформах, а также на проектах введения латиницы для русского языка. Пристальное внимание автор уделяет идеологическим аспектам функционирования графики, останавливаясь также на доводах, использованных адептами украинской латиницы с целью окончательного утверждения независимого положения украинского языка и (пере)ориентации на европейскую (католическую или греко-католическую) традицию. А. Стемплевский в общих чертах воспроизводит логику и аргументы так называемой азбучной войны в ходе кодификации украинского языка в середине XIX в., цитирует ведущих идеологов латинизации письма и сторонников сохранения кириллицы. Впрочем, остается непонятным, почему автор ограничивается событиями XIX в., тем более что о проектах перевода русского языка на латиницу в 1920-х годах он упоминает [7. С. 194–197]. В то же время хорошо известно, что проекты украинской латиницы были живым фактом лингвистических дискуссий вплоть до 1928 г., сохраняя свою привлекательность и для некоторых современных ее адептов [9. С. 42–43].

Одним из безусловных достоинств монографии является внимание к аспектам функционирования письма, традиционно находящимся вне поля зрения исследователей. К ним относится, в частности, рассмотрение шрифта как конфессионально-культурного или политического инструмента. А. Стемплевский приводит целый ряд примеров, когда шрифт выступает как культурный или идеологический маркер. Так, веб-страница Сербской Православной Церкви, оформленная при помощи особого стилизованного в церковном духе шрифта под названием Resavska, вызывает культурные ассоциации не только с улицей в Белграде, но и с монастырем, основанным в XV в. и прославившимся своей школой переписчиков [7. С. 208]. Манипулятивные техники с использованием шрифтов, как показывает автор, широко применяются также в ходе выборов. Так, предвыборный штаб победившего на выборах президента США в 2008 г. Б. Абама оформлял лозунги при помощи созданного в 2000 г. шрифта Gotham, воспринятого как «истинно» американский благодаря использованию элементов надписей на домах в Нью-Йорке, в то время как «фирменным» знаком его противника Дж. Маккейна был шрифт Optima, известный по памятнику ветеранам вьетнамской войны и также претендующий на роль «истинно» американского [7. С. 213–214].

Процесс национализации шрифта хорошо прослеживается на историческом материале. Как показывает А. Стемплевский, распространение книгопечатания в Европе было связано с созданием шрифтов, которые первоначально идентифицировались с конкретной типографией, чтобы затем стать символом города и/или рождающейся нации. Так, историю польского нацио-

нального шрифта исследователь начинает с краковской типографии Я. Янушевского, образец почерка которого стал основой для шрифта, использованного в 1594 г. для публикации сборника текстов, в том числе посвященных орфографии (например, авторства Л. Гурницкого) [7. S. 214]. Другой краковский печатник Шв. Фиоль упоминается в монографии как создатель первого в Речи Посполитой кириллического шрифта, которым в 1495 г. была напечатана Триодь постная и цветная, Октоих и Часослов (типограф был обвинен за это в ереси). Автор усматривает в этом экспериментальном шрифте, ставшем симбиозом русского полуустава и итальянской антиквы, первую попытку сближения кириллического и латинского письма, аналогичную той, что спустя 200 лет нашла свое выражение в создании «гражданки» во времена Петра I. И даже если гипотеза А. Стемплевского о стремлении краковского печатника распространить таким образом идею унии православия и католичества кажется малоубедительной, несомненна ценность сделанных им наблюдений относительно связи формальных показателей шрифта и вызываемых им культурных и/или идеологических коннотаций [7. S. 216]. Показательным в этой связи является также приведенный в монографии пример риторики Й. Тыла – сторонника эстетизации чешской латиницы, приписывавшего ей особую «женственность» в противовес «мужественной» форме немецкой готики [7. S. 226]. Постулат о наличии прямой корреляции между графикой и развитием национальных проектов получает свое развитие и на современных примерах, таких как проект создания специфически хорватского компьютерного шрифта на базе глаголицы [7. S. 218].

Нюансировка проблемы графики и шрифта в очередной раз приводит А. Стемплевского к выводу об отсутствии в этой сфере славянской общности. В славянском ареале, как справедливо отмечает автор, разграничиваются не только кириллическая и латинская письменные традиции, но также в языках, использующих латиницу, готика и собственно латиница, при этом первая ассоциируется с протестантским кругом культуры, а вторая – с католическим. Неслучайно замена немецкой готики на латиницу чешского образца, в частности, в изданиях соратника Й. Добровского Ф. Томзы – автора грамматики для школ, предложившего также ряд орфографических новаций, воспринималась современниками как символ победы национального начала в культуре [7. S. 223]. Анализируя судьбу графики, А. Стемплевский идет в своих выводах еще дальше: в разрозненности графических традиций и отсутствии единого центра, способного объединить национальные устремления славян, он видит предрешенность неудачи общеславянской идеи.

В общую логику монографии прекрасно вписываются также разделы, посвященные судьбе отдельных букв/графем в национальном дискурсе различных славянских стран. Неудивительно, что здесь большое место отводится богатому в этом отношении украинскому материалу, в частности, на развернутом историческом фоне в книге излагается судьба графем *г* и *г* для обозначения соответственно заднеязычного фрикативного (ларингального) и взрывного звуков в украинском языке [7. S. 228–232]. Изменение артикуляции первоначального взрывного *г* на территориях «староукраинского, старобелорусского, старочешского и лужицкого» языков [5. S. 228] А. Стемплевский датирует XIII–XIV вв., однако даже если пренебречь разницей в артикуляции, хронология этого процесса может оказаться существенно более древней и относиться, согласно разным теориям, к эпохе до или сразу после падения редуцированных [2. S. 35]. XIV век в этом контексте действительно оказывается важным временем, когда благодаря

наплыву заимствований в фонетическую систему проникает новый взрывной *г*, который начал конкурировать со «своим» фрикативным звуком [2. С. 36]. Дальнейшее появление диграфа *кг* для обозначения (нового) взрывного *г* А. Стемплевский увязывает с необходимостью вычленения в тексте заимствований, что вполне подтверждается как данными памятников, так и дальнейшей логикой развития узуса, однако непонятно, почему в качестве таких заимствований упоминаются только германизмы и идишизмы, а их количество ограничивается 200 единицами [7. С. 228]. Как показывает анализ диалектного материала, гораздо более важными для украинского ареала были контакты с польским языком, что отразилось, в частности, в отсутствии нового взрывного *г* на юго-восточных украинских территориях [2. С. 36–37]. Далее внимание А. Стемплевского привлекает судьба графем для обозначения взрывного *г* на начальном этапе украинской кодификации в начале-середине XIX в. Так, в книге упоминается несколько конкурентных способов обозначения данного звука: старый диграф *кг* (в грамматике А. Павловского, 1818²); латинская графема *g* (в поэтических изданиях левобережных поэтов А. Метлинского, Л. Боровиковского, а затем в текстах П. Кулиша) и, наконец, специальный знак *г*, предложенный Иосифом Левицким (ошибочно названным в книге Евгением [7. С. 229]) в его грамматике (1834), затем распространившийся в галицкой украинофильской печати. Утвердившийся в западноукраинском узусе (использовался, в частности, на Буковине до 1944 г.) знак *г* становится фактом общеукраинской практики только благодаря одобрению на Правописной комиссии Орфографии 1928 г. — о которой, впрочем, автор не упоминает, зато приводит распространенное ошибочное мнение о насильственном характере советской политики украинизации, проводившейся якобы «без учета этнического состава населения» [7. С. 231]. Примечательно, что процесс идеологизации графемы *г* характеризовал как советский, так и собственно национальный дискурс: так, в 1933 г. по результатам работы Правописной комиссии А. Хвыли предлогом для устранения буквы из издательской практики стало провозглашение ее «проявлением буржуазной культуры»; возвращение буквы, признанной «репрессированной», в алфавит стало возможным только после придания украинскому языку статуса государственного и переработки орфографического кодекса в 1990 г.

Ярким примером, иллюстрирующим тезис о политизации отдельных графем в национальном дискурсе, могла бы стать другая не упомянутая в монографии буква, которую называют иногда «символом уникальности украинского языка». Речь о букве *ї*, также ведущей свою историю с древнерусских памятников, которая начала использоваться для обозначения сочетания звуков *ji* только в проектах украинской орфографии второй половины XIX в., в том числе в системе правописания, разработанной в «Записках» Юго-Западного отдела Императорского Российского географического общества (1874–1875), а также была использована Е. Желеховским при издании его «Украинско-немецкого словаря» (1885–1886); официально буква закреплена впервые в «Основных правилах украинского правописания» в 1921 г. [10. С. 12–15]. Уникальный характер графемы, наличие ее только в украинском алфавите, создает необходимые условия для «национализации» *ї* в общественном сознании и публицистическом дискурсе. Неслучайно эта буква используется в названии издаваемого уже 25 лет одного из самых авторитетных культурологических журналов («*Ї*»),

² Предположительно, причиной использования старого способа обозначения взрывного при помощи диграфа стало отсутствие специальной литеры *г* в кассе санкт-петербургской типографии [10. С. 7].

она же вдохновила известного современного украинского поэта И. Малковича на создание стихотворения, призывающего беречь «крошечную свечечку буквы ї», выступающую символом национальной памяти и стойкости.

Аналогичный механизм приращения дополнительных смыслов идейно-политического характера А. Стемплевский показывает на примере специфической русской буквы ё [7. С. 233–234]. Седьмая буква русского алфавита, которую традиционно связывают с именем Н.М. Карамзина, была введена в русский алфавит на одном из первых заседаний Российской академии наук в 1783 г., но до сих пор «истинно» русская буква играет важную роль также в современном национальном и политическом дискурсе³. В монографии не только упоминается движение за последовательное употребление буквы ё и «Союз ёфикаторов», основанный В. Чумаковым (1932–2012), но и отмечается роль такого рода инициатив по устроению орфографических правил в общей языковой политике: неслучайно проблема использования ё обсуждалась на специальном заседании Совета по русскому языку при Президенте РФ в 2007 г. История буквы ё оказывается также удачным примером, позволяющим автору указать на взаимосвязь кодификации и узуса: так, массовый отказ от использования буквы ё повлиял, в том числе, на изменение акцентуации в словах типа *свекла* или *осужденный*.

Последний раздел монографии посвящен проблематике алфавита и орфографии в сфере интерлингвистики (термин А. Дуличенко) на материале проектов общеславянских языков, являющихся лингвистическими проекциями идеи славянской взаимности (к которой, напомним, автор относится весьма скептически). Проблематика выбора алфавита и конкуренции кириллического и латинского письма приобретает здесь новое звучание. В истории славянских языков, как показывает автор, нередко возникали проекты использования обоих алфавитов для языкового и культурного взаимопонимания: так, особый русско-чешский (на базе латиницы) алфавит разрабатывал в самом начале XIX в. А. Пухмайер, с выработки специальной азбуки на базе латиницы предлагал начать русско-чешское сближение его младший современник Й. Юнгман, аналогичными соображениями руководствовался польский ученый русофил С. Сташиц, предлагавший перевести русский язык на латиницу. Представления о близости и взаимопонятности славянских языков находят свое продолжение и сегодня в идеях создания искусственных (общеславянских) языков: по подсчетам А. Дуличенко, сейчас насчитывается уже 21 такой искусственный идиом; А. Стемплевский упоминает 15 из них, анализируя особенности их графико-орфографического оформления. Особый интерес автора вызывает проект *neoslavonic*, создатели которого попытались объединить наиболее распространенные лексические корни, потенциально понятные большинству славян, представив их в упрощенной фонетической записи и морфологической форме, при этом кодификаторы «новославянского» языка максимально демократично подошли к выбору алфавита: пользователи могут выбрать не только латиницу и кириллицу, но также греческий алфавит или глаголицу.

«Азбучные войны», как хорошо показывает материал, приведенный в книге, сохраняют свой эмоциональный накал в различных частях славянского пространства, захватывая также виртуальную среду, где создаются

³ Так, известно несколько памятников букве ё, в том числе в Ульяновске.

и функционируют искусственные языки. Именно поэтому столь ценным представляется тот беспристрастный взгляд исследователя на болезненные вопросы истории формирования национальных славянских языков и их современного функционирования, который представлен в рассматриваемой монографии. «Национализация» графики и алфавита, превращение их в часть национального культурного канона предстает в книге не как predetermined заранее путь, а как ряд сознательных, нередко противоречивых шагов по выработке собственной логики употребления отдельных знаков и их совокупности в соответствии с политическими, эстетическими и другими представлениями элит. Автор уделяет внимание прежде всего внутренней логике этого процесса, связанного с национально-культурной самоидентификацией больших и малых славянских народов, однако учитывает и более общий славянский, и внешний его контексты. При таком широком охвате материала неизбежны отдельные неточности при обращении к частным вопросам истории конкретных славянских языков, однако в целом все повествование выстраивается в общую стройную концепцию, которая, несомненно, требует своего развития на другом материале. Монография, без сомнения, займет достойное место на книжной полке слависта, интересующегося не только собственно лингвистическими проблемами, но и вопросами национальной идентичности и языковой идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Besters-Dilger J.* Конвергенция и дивергенция славянских языков. Влияние социолингвистических факторов в прошлом и современности // *Języki słowiańskie w ujęciu socjolingwistycznym. Prace przygotowane na XV Kongres Słowistów. Mińsk 2013 / pod red. H. Kurek.* Kraków: Księgarnia Akademicka, 2012. S. 9–22.
2. *Danylenko A.* From G to H and again to G in Ukrainian. Between the West European and Byzantine Tradition? // *Die Welt der Slaven.* 2005. Bd. L. Pp. 33–56.
3. *Kasianov G.* “Nationalized” History: Past Continuous, Present Perfect, Future... // *A Laboratory of Transnational History: Ukraine and Resent Ukrainian Historiography / ed. by G. Kasianov and Ph. Ther.* Budapest; New York: Central European University Press, 2009. Pp. 7–25.
4. *Lubaś W.* Polityka językowa państw słowiańskich: między nacjonalizmem a europeizmem // *Języki słowiańskie w ujęciu socjolingwistycznym. Prace przygotowane na XV Kongres Słowistów Mińsk 2013 / pod red. H. Kurek.* Kraków: Księgarnia Akademicka, 2012. S. 93–105.
5. *Lubaś W.* Rzeczy ważne w opisie sytuacji współczesnych języków słowiańskich // *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich / red. nauk. S. Gajda.* Opole: Wydawnictwo UO. 2000. S. 69–81.
6. *Oczkowa B.* Wpływ czynników socjolingwistycznych na stan badań nad historią języka serbsko-chorwackiego // *Języki słowiańskie w ujęciu socjolingwistycznym. Prace przygotowane na XV Kongres Słowistów. Mińsk 2013 / pod red. H. Kurek.* Kraków: Księgarnia Akademicka, 2012. S. 155–162.
7. *Stęplewski A.* Semioza pisma: Cyrylica i łacinka w serbskim i chorwackim dyskursie narodowym na tle słowiańskim. Poznań: Wydawnictwo naukowe UAM, 2018. 280 s.
8. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
9. *Миллер А.И., Останчук О.А.* Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике империй // *Славяноведение.* 2006. № 5. С. 25–48.
10. *Німчук В.В.* Передне слово // *Історія українського правопису XVI–XX століття. Хрестоматія.* Київ: Наукова думка, 2004. С. 5–26.
11. *Останчук О.А.* Украинский литературный язык в свете социолингвистической типологии славянских языков // *Славянское языкознание: XV Международный съезд славистов.* Минск, 2013 г. Доклады российской делегации. М.: «Индрик», 2013. С. 633–655.

REFERENCES

- Anderson B. *Voobrazhajemyje soobshchestva*. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma, per. s angl. V. Nikolajeva; vstup. st. S.P. Ban'kovskoi. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016, 416 p. (In Russ.)
- Besters-Dilger J. Konvergensii i divergensii slavianskikh iazykov. Vliianie sotsiolingvističeskikh faktorov v prošlom i sovremennosti. *Języki słowiańskie w ujęciu socjolingwistycznym*. Prace przygotowane na XV Kongres Sławistów. Mińsk 2013, pod red. H. Kurek. Kraków, Księgarnia Akademicka, 2012, pp. 9–22. (In Russ.)
- Danylenko A. From G to H and again to G in Ukrainian. Between the West European and Byzantine Tradition? *Die Welt der Slaven*, 2005, vol. L, pp. 33–56. (In Eng.)
- Kasianov G. «Nationalized» History: Past Continuous, Present Perfect, Future... *A Laboratory of Transnational History: Ukraine and Resent Ukrainian Historiography*, ed. by G. Kasianov and Ph. Ther. Budapest, New York, Central European University Press, 2009, pp. 7–25. (In Eng.)
- Lubaś W. Polityka językowa państw słowiańskich: między nacjonalizmem a europeizmem. *Języki słowiańskie w ujęciu socjolingwistycznym*. Prace przygotowane na XV Kongres Sławistów Mińsk 2013, pod red. H. Kurek. Kraków, Księgarnia Akademicka, 2012, pp. 93–105. (In Pol.)
- Lubaś W. Rzeczy ważne w opisie sytuacji współczesnych języków słowiańskich. *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*, red. nauk. S. Gajda. Opole, Wydawnictwo UO Publ., 2000, pp. 69–81. (In Pol.)
- Miller A.I., Ostapchuk O.A. Latinita i kirillitsa v ukrainskom natsional'nom diskursie i iazykovoі politike imperii. *Slavianovedenije*, 2006, No 5, pp. 25–48. (In Russ.)
- Nimchuk V.V. Perednie slovo. *Istoriia ukraińs'koho pravopysu XVI–XX stolittia. Khrestomatiia*. Kyiv, Naukova dumka Publ., 2004, pp. 5–26. (In Ukr.)
- Oczkova B. Wpływ czynników socjolingwistycznych na stan badań nad historią języka serbsko-chorwackiego. *Języki słowiańskie w ujęciu socjolingwistycznym*. Prace przygotowane na XV Kongres Sławistów Mińsk 2013, pod red. H. Kurek. Kraków, Księgarnia Akademicka, 2012, pp. 155–162. (In Pol.)
- Ostapchuk O.A. Ukrainskii literaturnyi iazyk v svete sotsiolingvističeskoi tipologii slavianskikh iazykov. *Slavianskoje iazykoznanije: XV Mezhdunarodnyi s"jezd slavistov. Minsk, 2013 g. Doklady rossiiskoi delegatsii*. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 633–655.
- Stęplewski A. Semioza pisma: Cyrylica i łacinka w serbskim i chorwackim dyskursie narodowym na tle słowiańskim. Poznań, Wydawnictwo naukowe UAM, 2018, 280 p. (In Pol.)

Информация об авторе:

Остапчук Оксана Александровна,
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры славянской филологии
филологического факультета,
МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0002-2856-0793
E-mail: ostapczuk@yandex.ru

Information about the author

Oxana A. Ostapchuk,
PhD, assistant professor,
Chair for Slavic Philology,
Philological Faculty,
Moscow State Lomonossov University,
Moscow, Russian Federation,
ORCID: 0000-0002-2856-0793
E-mail: ostapczuk@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0869544X0017705-8

Рецензия / Book Review

M. Rak. Jan Karłowicz w świetle materiałów archiwalnych. Dialektologia, etnolingwistyka i lituanistyka. Kraków Uniwersytet Jagielloński. Wydział Polonistyki. 2021. 270 s. [Biblioteka LingVariów. T. 30]

M. Rak. Ян Карлович в свете архивных материалов. Диалектология, этнолингвистика и литуанистика. Краков, Ягеллонский университет. Отделение полонистики

© 2021 г. С.М. Толстая

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

smtolstaya@yandex.ru

Ссылка для цитирования: *Толстая С.М.* M. Rak. Jan Karłowicz w świetle materiałów archiwalnych. Dialektologia, etnolingwistyka i lituanistyka. Kraków Uniwersytet Jagielloński. Wydział Polonistyki. 2021. 270 s. [Biblioteka LingVariów. T. 30] // *Славяноведение*. 2021. № 6. С. 123–128. DOI: 10.31857/S0869544X0017705-8.

M. Rak. Jan Karłowicz in the light of the archival materials. Dialectology, Ethnolinguistics and the Lituanian Studies

© 2021. S.M. Tolstaja

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

smtolstaya@yandex.ru

Reference for citation: *Tolstaja S.M.* M. Rak. Jan Karłowicz in the light of the archival materials. Dialectology, ethnolinguistics and the Lituanian Studies. 2021. 270 p. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2021. No 6. P. 123–128. DOI: 10.31857/S0869544X0017705-8.

Профессор Ягеллонского университета Мацей Рак хорошо известен славистам своим интересом к истории польской гуманитарной науки и серией архивных разысканий и публикаций, в том числе изданием писем ряда выдающихся польских диалектологов и этнологов с подробными комментариями [8] (см. рецензию на это издание в журнале *Славяноведение*. 2019. № 6. С. 124–129). Его работа в архивах Польской академии

наук (PAN), Польской академии искусств (PAU) и других учреждений вызывает интерес не только историков польской науки, но и славистов других специальностей из разных стран. Обнаруженные им новые документы заполняют многие лакуны в истории славянской филологии и позволяют с позиций современной науки оценить вклад польских ученых в развитие разных гуманитарных дисциплин.

В рецензируемой книге объектом внимания автора стало недавно (в 2017 г.) обнаруженное им в архиве библиотеки Ягеллонского университета в Кракове рукописное наследие выдающегося польского ученого Яна Карловича (1836–1903), который известен как этнограф, языковед, фольклорист, музыковед, но прежде всего как автор «Словаря польских диалектов» (SGP) [3], один из трех авторов так называемого Варшавского словаря (SW) [5] и автор Словаря иностранных слов (SWO) [4], а также как многолетний редактор известного всем славистам этнографического журнала «*Wista*», издававшегося в Варшаве с 1887 по 1922 г. Основная часть научного архива и корреспонденции Я. Карловича находится в Вильнюсе в Государственном историческом архиве Литвы и библиотеке Литовской Академии наук. Материалы вильнюсских архивов неоднократно изучались и частично публиковались как литовскими, так и польскими исследователями. Краковская часть архива Карловича, исследованная М. Раком, значительно меньшая по объему, содержит три части: (1) картотеку изданного «Словаря польских говоров» (SGP), (2) картотеку незавершенного и неизданного «Словаря польской мифологии» (*Słownik mitologii polskiej* – SMP) и (3) карточки к неосуществленному «Словарику литовской мифологии» (*Słowniczek mitologii litewskiej* – SML).

Если бы профессор М. Рак дал только подробный обзор этих картотек, это было бы уже значительным вкладом в историю славистики. Но он не ограничился представлением и анализом архивных материалов. В книге сделана попытка на основе этих материалов и анализа всего научного пути Яна Карловича заново оценить его вклад в развитие польской гуманитарной науки с учетом не только исторической и научной обстановки и состояния разных гуманитарных дисциплин в конце XIX в., но и в перспективе сегодняшнего дня. В результате фигура и личность Яна Карловича предстает перед читателем в новом свете: он оказывается не просто выдающимся диалектологом, лексикографом, этнографом, литуанистом, но и ученым, предвосхитившим некоторые современные направления в гуманитарной науке и прежде всего направление, известное теперь под именем этнолингвистики, в основе которого лежит представление о неразрывной связи языка и культуры и необходимости видеть в языке главный источник для реконструкции народных («наивных») представлений о мире. Такое представление одновременно органично и для науки XIX в., когда диалектология и народоведение (этнография) были ветвями одной дисциплины, и для современной науки, когда антропологический подход к языку и его носителю потребовал комплексного подхода к изучению «картины мира» на базе языка, фольклора,

верований, обрядов и т.д. и нового сближения диалектологии с этнографией и фольклористикой.

В книге есть еще один план – это биографическая канва, линия жизни и научного творчества Карловича как цельной и значительной личности, чье мировоззрение оказывается созвучным нашему времени: ср. приведенные в книге слова Карловича, сказанные им в 1883 г. в связи с проблемой литовского самосознания: «*Jeżeli chcemy, aby szanowano naszą odrębność plemienną, szanujmy ją u innych*» (Если мы хотим, чтобы уважали нашу «племенную» индивидуальность, то мы должны уважать ее у других) (s. 148). Весь научный путь Карловича и судьба его наследия представлены в книге в их психологическом и драматическом напряжении, в их личностном преломлении. Нельзя без волнения читать о сыне ученого Мечиславе Карловиче, самоотверженно заботившемся о сохранении наследия отца, или о скромном варшавском библиотекаре В. Тачановском, который после смерти Карловича преданно трудился над окончанием диалектного словаря Карловича, затем был призван на русско-японскую войну и погиб там; о благородном труде Я. Лося по завершению и изданию диалектного словаря и др. М. Рак выступает в книге своего рода адвокатом Карловича, опровергая укorenившиеся несправедливые оценки его вклада в науку некоторыми современниками и показывая многогранность и истинный масштаб ученого и значение его трудов для последующего развития польской диалектологии, лексикографии, этнолингвистики и литуанистики. Нельзя сказать, что научная деятельность Я. Карловича до сих пор была обойдена вниманием исследователей, и М. Рак добросовестно ссылается на работы других ученых, посвященных трудам и биографии Карловича, но в рецензируемой книге научная биография и личность ученого представлена в наиболее полном, объемном и целостном виде.

Соответственно трем архивным находкам (картотеки SGP, SMP и SML) книга разделена на три главных части, в каждой из которых ставится и решается своя историографическая и исследовательская задача.

В первой части, посвященной SGP, по существу дается сжатый, но очень содержательный очерк истории польской диалектологии и лексикографии. Воссоздана в лицах научная атмосфера краковской академии наук в 70–80 годы XIX в., показано, как из дискуссий о типе словаря польского языка со временем вырастают проекты отдельных типов словарей – диалектного [9], старопольского [10], словаря иностранных слов. Современные слависты, привычно пользуясь словарями Б. Линде [7], Варшавским словарем (SW), «Словарем польских диалектов» Карловича, не всегда отдают себе отчет в том, что все это единая линия развития лингвистической науки: каждый новый словарь возникал на основе предыдущих, отталкиваясь от

них и продолжая их, даже если ставил перед собой новые задачи или избирал новый аспект, как Карлович в своем SGP — первом в славистике диалектном словаре. М. Рак показал, что все это единый процесс научного поиска, совершенствования и раскрытия понятия «польский язык», обогащения и уточнения этого понятия.

В первом разделе истории создания SGP автору монографии удалось вписать и в общую историю польской диалектологии, и в личную научную биографию Карловича. Сравнение картотеки с печатной версией SGP показало, что все лексикографические проекты Карловича тесно связаны друг с другом и «вырастали» один из другого. Это сравнение позволило также точнее определить степень и характер участия Я. Лося в завершении и издании трех последних томов словаря. Это участие, по заключению М. Рака, никак нельзя считать соавторством, оно может быть определено только как редактура. В этом разделе большое внимание уделено критикам SGP (К. Нитчу, С. Урбаньчику и др.) и его защитникам (М. Карасю). Подробно, по пунктам рассмотрены все возражения К. Нитча и приведены убедительные доводы, объясняющие и оправдывающие позицию Карловича. Интересны свидетельства о том, как менялось название словаря: первоначально он фигурировал в переписке как словарь провинциализмов, но уже в 1890-е годы говорится о диалектном словаре. Публикуемые письма, официальные бумаги и фотографии карточек словаря с комментариями М. Рака позволяют представить себе способ работы Карловича, непрерывные поиски им все новых источников, иллюстраций и географических подтверждений включаемых в словарь диалектных слов. Внимательное сравнение картотеки с изданным текстом словаря позволило М. Раку установить, что далеко не все детали, уточнения, пометы, этимологические сведения, обнаруживаемые на карточках, попали в издание. Скрупулезность и трудоемкость работы Карловича над словарем наглядно иллюстрируют фотографии избранных карточек.

Раздел завершается анализом критических отзывов (К. Нитча, А. Брюкнера, А. Крынского, Я. Лося и др.) на вышедший в 1900 г. первый том словаря и замысел всего грандиозного пионерского лексикографического предприятия Я. Карловича, а также позднейших оценок этого труда (К. Нитча, С. Урбаньчика, М. Караса и др.) и его влияния на развитие польской диалектной лексикографии, начиная от академического «Словаря польских говоров», который начал издаваться в 1977 г. [9], и кончая новейшими региональными словарями [6].

Второй раздел, посвященный этнолингвистике и названный «Pierwsze narodziny etnolingwistyki» (Первое рождение этнолингвистики), дает представление о картотеке «Словаря польской мифологии» (SMP), который не был завершен Карло-

вичем, но создавался многие годы параллельно с диалектным словарем. Это самая значительная из архивных находок, поскольку об этом словаре практически ничего не было известно (если не считать его упоминания в некоторых частных письмах, которые М. Рак цитирует). Действительно, этот замысел Карловича для своего времени необычен и вместе с тем он очень созвучен тому пониманию этнолингвистики, которое сформировалось в конце XX в. в школе Е. Бартминьского и других этнолингвистических направлениях в славистике и активно развивается в наши дни. Различие касается по существу лишь терминологии. В понимании Карловича то, что сейчас называется языковой картиной мира и служит главным объектом этнолингвистики, — это *мифология*, которую он определяет как «podania (klechdy, bajki, legendy, tradycje), niektóre pieśni, zagadki, przysłowia, gadki, przypowieści, oracje, ucinki, przesady, zabobony, zamawiania, zaklęcia, gusła, zwyczaje i obyczaje, życie codzienne, dom, narzędzia, strój, czary, lekarstwa, obrzędy i obchody, gry i zabawy ludu — oto główne na dziś źródło mitologii przedchrześcijańskiej» (повествования (предания, сказки, легенды, рассказы), некоторые песни, загадки, пословицы, поговорки, былички, байки, суеверия, предрассудки, заговоры, заклинания, обычаи и обряды, повседневная жизнь, дом, орудия труда, одежда, лечебные ритуалы, народные игры и забавы — вот главный на сегодняшний день источник дохристианской мифологии). Такое понимание мифологии существенно отличается от господствовавшего в XIX в. понимания, при котором мифология — это высшие и низшие божества, управляющие миром, и сказания о них. Правда, и А.Н. Афанасьев в одном из писем свой труд «Поэтические воззрения славян на природу» называет «Славянская мифология» [1. С. 493]. Дело, конечно, не в термине, а в самом понимании объекта изучения, которое у Карловича близко к тому, которое характерно для современной этнолингвистики. Отличие своего подхода от подхода Афанасьева Карлович сформулировал в письме к В. Ягичу, имея в виду общеславянскую перспективу: «следовало бы написать не каталог так называемых божеств, а очерк взглядов славянина на мир и людей [...], причем не в духе Афанасьева, ибо он говорит о «поэтическом воззрении», которого не было, потому что «поэтическое воззрение» предполагает сознательность, а первоначальный взгляд был бессознательным» (с. 87). В отличие от Афанасьева, Карлович не ставил своей задачей реконструировать древнейшие представления языческих славян; он стремился воссоздать современный ему духовный мир польского крестьянина.

В совокупном научном творчестве Карловича SMP стал «четвертой пирамидой» и вместе с Варшавским словарем (SW), словарем иностранных

слов (SWO) и польским диалектным словарем (SGP) должен был завершить всеохватное представление польского языка и польской народной культуры в их единстве. В этом ученый видел свою патриотическую миссию.

Картотека «Словаря польской мифологии» (SMP) насчитывает около 6000 карточек; материал для этого словаря собирался параллельно с диалектной лексикой, но каждый из двух словарей имел собственную задачу и свою научную перспективу. Источниками для «Словаря польской мифологии» служили, помимо собственных полевых записей, многочисленные польские публикации по этнографии и фольклору, среди которых важнейшее место занимали труды Оскара Кольберга. В архиве, кроме карточек, заполненных не только Карловичем, но и его помощниками, содержатся выписки из фольклорных и этнографических источников, отгиски опубликованных статей, газетные вырезки, библиографические сведения.

Реконструкция источников словаря SMP потребовала от профессора Рака огромного труда, поскольку сокращения Карловича были и непоследовательны, и не всегда понятны. Кроме того, в XIX в. не было тех строгих норм библиографического оформления, какие есть сейчас¹.

SMP был задуман как идеографический словарь; он должен был охватить все основные разделы польской народной культуры. Картотека включала 74 основные статьи (темы, ключевые слова): BIC, BARWY, BÓG, BRATOBÓJSTWO, BRUDNY – CZYSTY, BURZA, CHLEB, CHOROBY, CHOWAĆ, CHWIAĆ SIĘ, CIAŁO, CIEŻAR, CZAROWNICA (JĘDZA), DAR, DNI, DŃ, DOM (BUDYNEK), DOM (RÓDZINA), DROGA, DRZEWO, DUCHY, DZIECKO, EFFIGIE, GOŚĆ, GRY (IGRZYSKA), GÓRA, GRANICE, GWIAZDY, IDIOTA (OPĘTANY), IMIĘ, JEDNO, JEŚĆ, KAMIENIE, KARY, KOBIEȚA, KOŃ, KRAJ (OJCZYZNA), KRAŚĆ, KRÓL(OWA), KSIEGI (PISAĆ, CZYTAĆ, UCZYĆ), KULT, KUPNO – SPRZEDAŻ, MASŁO, METAMORFOZA, MIEŚĆ, MIŁOŚĆ, MITOLOGIA, MLEC, MUZYKA, MYŚL, OBRAZ (BAŁWAN), OWADY, PADAĆ, POTWÓR, PRZEWRAĆĆ, PTAKI, ROLNICTWO, ROŚLINY, ROZBÓJNIK, RYBY, SĄD, SŁOWO, SŁUŻYĆ, SMOK (LATAWIEC, AJTWARAS), STATKI (WODNE), STRZELAĆ, ŚWIĘCI, ŚMIERĆ, USZANOWANIE, WESELE, WIESZAĆ, WODA, ZIEMIA, ZWIERZĘTA, ŻYCIE. На карточках присутствуют знаки, которые указывают, что статьи могут быть расположены и в алфавитном, и в содержательном (идеографическом) порядке.

На основании некоторых статей, писем и высказываний Карловича, М. Рак делает вывод, что идеографический принцип для Карловича был предпочтительным, поскольку он считал «мифологию» разделом философии. При такой структуре словарь должен был бы включать следующие крупные разделы: Космология (Kosmografia), Атмосфера (Powietrzna), Камни (Kamienie), Растения (Rośliny), Животные (Zwierzęta), Человек (Człowiek).

Каждая тема (среди которых и такие крупные, как Животные и Растения) разрабатывалась с учетом основных содержательных и функциональных аспектов соответствующего фрагмента культуры. Например, раздел «Человек» должен был иметь следующую структуру: 1. Имя; 2. Тело; 3. Жизнь—смерть; 4. Чистый—грязный; 5. Болезни; 6. ЕСТЬ, Хлеб, Молоть, Земледелие, Масло; 7. Любовь; 8. Мысль, Слово, Образ (идол), Книги (писать, читать, учить), Мифология, Музыка; 9. Культи, Бог, Святые, Духи, Чудовище, Одержимый, Ведьма (чаровница), Оборотничество (метаморфозы), Дни, Игры (игрища); 10. Свадьба, Дар; 11. Дом, Семья, Женщина, Ребенок; 12. Царь (король), Царица (королева); 13. Гость, Уважение; 14. Братоубийство, Красть, Разбойник, Суд, Наказание; 15. [Действия] Бить, Прятать—хранить—растить (Chować), Качаться—колебаться, Купля—Продажа, Мести, Падать, Переворачивать, Служить, Стрелять, Вешать; 16. [Устройства и машины] Суда (водные). В качестве иллюстрации структуры более частной темы приводится план темы «Хлеб». По сути дела, это схематическое представление целой монографии, дающей всесторонний анализ народных представлений и обычаев, связанных с хлебом. Предусматривались следующие тематические рубрики: 1. Хлеб вообще; 2. Хлебные крошки; 3. Приготовление теста; 4. Баранки, Лепешка, Булка; 5. Лепешка с чем-л. запеченным внутри (монета, миндаль и т.п.); 6. Дежа, квашня; 7. Колдовской хлеб; 8. Свадебный хлеб; 9. Хлеб и соль; 10. Заплесневелый хлеб; 11. Суеверия, связанные с хлебом. Когда люблинский этнолингвистический словарь SSSL дойдет до этой темы, то схема ее разработки, данная Карловичем, будет для него безусловно полезной, несмотря на то что на тему хлеба существует в наше время большое число книг и статей. М. Рак сравнивает схему словаря Карловича с отражением этой темы в московском словаре «Славянские древности»; к приведенным им параллелям можно было бы добавить такие статьи СД, как Дежа, Булочка, Печенье, Завскаса, Калач, Крошки, Тесто и др., в которых также затрагивается тема хлеба.

В особом параграфе этого раздела М. Рак предпринимает сравнение «Словаря польской мифологии» Карловича с люблинским этнолингвистическим словарем SSSL и с московским

¹ Подобную кропотливую работу по реконструкции источников трехтомного труда Афанасьева провели в свое время московские филологи, и это вылилось в целый отдельный том, см. [2].

словарем «Славянские древности» и показывает, что опыт Карловича во многом предвосхитил современные лексикографические и этнолингвистические труды. М. Рак приходит к выводу, что картотеку SMP вряд ли стоит публиковать целиком, поскольку остается слишком много вопросов и неясностей, которые без автора невозможно разъяснить, не говоря уже о том, что по многим темам в наши дни существует большая литература, в значительной мере меняющая наши представления о предмете. Но, может быть, ее можно было бы опубликовать как «Материалы к SMP»?

Будучи уроженцем Литвы, Я. Карлович на протяжении всей своей жизни интересовался литовским языком, публиковал статьи о литовской топонимии и антропонимии, интересовался литовским фольклором, обычаями и мифологией литовцев. Он приветствовал культурное возрождение в Литве, поддерживал научные и личные связи с видными деятелями литовской литературы и культуры. В своем журнале «*Wista*» он публиковал статьи и материалы литовских авторов по этнографии и фольклору; переводил на польский язык статьи литовских ученых; в польской и чешской иллюстрированных энциклопедиях Карлович опубликовал 26 статей, посвященных литовским мифологическим персонажам.

Найденная М. Раком в архиве картотека (289 карточек) неосуществленного словарика литовской мифологии (SML) служит важным дополнением к литуанистическому наследию Карловича. Этой картотеке посвящен третий раздел монографии М. Рака. На заглавной карточке название словаря дано в сокращении: *Słowniczek Lit. mit.*, а его расшифровка (*Słowniczek mitologii litewskiej*) принадлежит М. Раку. Отметим, что мифология понимается в этом случае совершенно иначе, чем в словаре польской мифологии SMP, а именно не как совокупность всех разделов традиционной духовной культуры, а как пантеон высших и низших мифологических существ (в соответствии с принятым в литовских исследованиях разграничением теонимов и мифонимов; причем под теонимами подразумеваются имена дохристианских божеств). Можно предположить, что порядок слов в названии словаря и написание *mit.* со строчной буквы указывают на то, что это некое дополнение, уточнение к общему названию *Słowniczek Lit.* (Литовский словарь), и касается оно именно мифологических персонажей. То есть речь идет, возможно, лишь об одном фрагменте словаря, а не о словаре мифологии в целом. На карточках лишь в некоторых случаях даются дефиниции (например, *Dziwswitis* ‘bóstwo morskie Litwinów nad Bałtykiem’, *Kaukie* cf. *Kaukarus* ‘duchy domowe, drobne, rodzaj Ajtwarów’, *Wiejes* ‘wiatr, olbrzym, który wraz z Wandusem potop czyni’, *Wisije* (zap. -a) jedno z imion ognia, *Żalini* ‘duch miłości’); в основном же

приводятся в сокращениях отсылки к источникам, где соответствующие персонажи упоминаются; в некоторых случаях даются краткие этимологические сведения. В литовском Государственном историческом архиве в Вильнюсе хранится рукопись составленного Карловичем пособия для полевой собирательской работы на территории Литвы, где отмечается, что литовская мифология относится к наименее изученным, а имеющиеся сведения отрывочны, неточны и требуют тщательной проверки. Материалы картотеки Карловича оказываются первым в польской науке опытом систематического представления литовской мифологии.

Рецензируемая книга содержит также ценное приложение, в котором М. Рак на основании анализа картотеки «Словаря польской мифологии» систематизирует порядок следования разделов и подразделов словаря, реконструируя таким образом всю его содержательную структуру. Завершается книга списком архивных источников и цитируемой литературы, включающим труды современников Карловича, статьи о его творчестве, критические и аналитические работы исследователей вплоть до последних лет и насчитывающим более 600 позиций. Дается резюме на английском, русском и литовском языках.

Завершая этот по необходимости краткий обзор, необходимо сказать, что книга М. Рака о выдающемся польском ученом — диалектологе, лексикографе, этнолингвисте и литуанисте — Яне Карловиче является ценным вкладом в историю польской, славянской и литовской гуманитарной науки. Она вводит в научный оборот богатый новый архивный материал и позволяет убедиться, что многие современные идеи и подходы имеют свои истоки в трудах наших предшественников. Книга представляет фигуру и творчество Яна Карловича в более полном свете и вносит существенные коррективы в оценку его деятельности. В книгу вложен огромный труд архивных разысканий, реконструкции источников, комментирования, поисков и сверки библиографии. Все это потребовало от автора книги разносторонней подготовки в самых разных областях филологии, этнографии, фольклористики, истории. Только на этой научной основе оказалось возможным показать, что Яну Карловичу принадлежит немало идей и замыслов, опередивших свое время, и обогатить наши знания о личности и творчестве этого выдающегося польского ученого XIX в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012. Т. 1–5.
PAN — Polska akademia nauk

PAN – Polska akademія nauk i umiejętności (Kraków)
 SGP – *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. T. 1–6.
 SML – *Karłowicz J.* Słowniczek mitologii litewskiej (картотека)
 SMP – *Karłowicz J.* Słownik mitologii polskiej (картотека)
 SSSL – Słownik stereotypów i symboli ludowych / koncepcja całości i red. J. Bartmiński. T.I. Kosmos, z. 1. Niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie. Lublin, 1996; z. 2. Ziemia, woda, podziemie. Lublin, 1999; z. 3. Meteorologia. Lublin, 2012; z. 4. Świat, światło, metale. Lublin, 2012; T. II: Rośliny. z. 1: Zboża, Lublin, 2017; z. 2. Warzywa, przyprawy, rośliny przemysłowe. Lublin, 2018; z. 3. Kwiaty. Lublin, 2019; z. 4. Zioła. Lublin, 2019; z. 5. Drzewa owocowe i iglaste. Lublin, 2020; z. 6. Drzewa liściaste. Lublin, 2021..
 SW – *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiecki W.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900–1935. T. 1–8.
 SWO – *Karłowicz J.* Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia używanych w języku polskim. Kraków, 1894–1905. Z. 1–3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Афанасьев А. Н.* Происхождение мифа. М.: Индрик, 1996. 640 с.
2. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Справочно-библиографические материалы. М.: Индрик, 2000. 576 с.
3. *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. T. 1–6.
4. *Karłowicz J.* Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia używanych w języku polskim. Kraków, 1894–1905. Z. 1–3.
5. *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiecki W.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900–1935. T. 1–8.
6. *Kaś J.* Ilustrowany leksykon gwary i kultury podhalańskiej. Bukowina Tatrzńska; Nowy Sącz, 2015–2019. T. I–XII.
7. *Linde S. B.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1807–1814. T. I–VI.

Информация об авторе

Толстая Светлана Михайловна,
 доктор филологических наук,
 профессор, академик РАН,
 зав. Отделом этнолингвистики и фольклора
 Института славяноведения РАН
 119991 Москва, Ленинский проспект, 32 А.
 Россия, Russia
 ORCID: 0000-0002-4531-0024
 E-mail: smtolstaya@yandex.ru

8. *Rak M.* Materiały do dziejów polskiej dialektologii i etnologii (Listy C. Bodoïn de Courtenay-Ehrenkreutz-Jędrzewiczowej do A. Fischera, F. Kaliny, I. Kopernickiego, K. Nitscha, S. Udzieli, J. Zborowskiego [Biblioteka LingVariów. T. 25] Kraków, 2018.
9. Słownik gwar poskich. Warszawa; Wrocław; Kraków; Gdańsk, 1977–. T. 1–. Z. 1–.
10. Słownik staropolski / red. nacz. S. Urbańczyk. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1953–2002. T. 1–11. Z. 1–76.

REFERENCES

- Afanasyev A. N. *Proishozhdenie mifa*. Moskva, Indrik Publ., 1996. (In Russ.)
- Afanasyev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavian na prirodu. Spravochno-bibliograficheskie materialy*. Moskva, Indrik Publ., 2000. (In Russ.)
- Karłowicz J. *Słownik gwar polskich*. Kraków, 1900–1911. T. 1–6. (In Polish).
- Karłowicz J. *Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia używanych w języku polskim*. Kraków, 1894–1905. Z. 1–3. (In Polish).
- Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiecki W. *Słownik języka polskiego*. Warszawa, 1900–1935. T. 1–8. (In Polish).
- Kaś J. *Ilustrowany leksykon gwary i kultury podhalańskiej*. Bukowina Tatrzńska; Nowy Sącz, 2015–2019. T. I–XII. (In Polish).
- Linde S. B. *Słownik języka polskiego*. Warszawa, 1807–1814. T. I–VI. (In Polish).
- Rak M. *Materiały do dziejów polskiej dialektologii i etnologii (Listy C. Bodoïn de Courtenay-Ehrenkreutz-Jędrzewiczowej do A. Fischera, F. Kaliny, I. Kopernickiego, K. Nitscha, S. Udzieli, J. Zborowskiego [Biblioteka LingVariów. T. 25]* Kraków, 2018. (In Polish).
- Słownik gwar poskich*. Warszawa; Wrocław; Kraków; Gdańsk, 1977–. T. 1–. Z. 1–. (In Polish).
- Słownik staropolski*, red. nacz. S. Urbańczyk. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1953–2002. T. 1–11. Z. 1–76. (In Polish).

Information about the author

Svetlana M. Tolstaya
 DSc. (Philology), Professor, Academician of
 Russian Academy of Sciences,
 Head of the Department
 of Ethnolinguistics and Folklore.
 Institute of Slavic Studies
 of Russian Academy of Sciences.
 Moscow 119991 Leninsky prospect, 32 A, Russia
 ORCID: 0000-0002-4531-0024
 E-mail: smtolstaya@yandex.ru

Славяноведение, 2021, № 6, с. 129–132

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 6, pp. 129–132

DOI: 10.31857/S0869544X0017706-9

Рецензия / Book Review

А.А. Лазарева. Толкование сновидений в народной культуре.
М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2020. 258 с.

© 2021 г. О.В. Белова

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

olgabelova.inslav@gmail.com

Ссылка для цитирования: Белова О.В. А.А. Лазарева. Толкование сновидений в народной культуре // *Славяноведение*. 2021. № 6. С. 129–132. DOI: 10.31857/S0869544X0017706-9.

A.A. Lazareva. Dream interpretation in folk culture.
Moscow, RSUH Publ., 2020, 258 p.

© 2021. O.V. Belova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

olgabelova.inslav@gmail.com

Reference for citation: Belova O.V. A.A. Lazareva. Dream interpretation in folk culture // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences Slavyanovedenie*. 2021. No 6. P. 129–132. DOI: 10.31857/S0869544X0017706-9.

Книга А.А. Лазаревой «Толкование сновидений в народной культуре» посвящена анализу фольклорных рассказов о вещих сновидениях. Автор ставит целью выявить интерпретационные модели, лежащие в основе текстов—пересказов вещих снов, и факторы, влияющие на осмысление сюжета сна.

Исследование А.А. Лазаревой отличается от целого ряда публикаций о снах в народной культуре и фольклоре, вышедших в свет в последние десятилетия (число книг и статей исчисляется десятками, укажем лишь некоторые, например [5; 6; 3; 4; 11; 1]), тем, что автор предлагает комплексный текстологический анализ нарративов о снах, направленный на выявление отраженных в них моделей интерпретации приснившихся «сюжетов». Автор ставит под сомнение тезис о том, что толкование каждого индивидуального сновидения может

быть произвольным: хотя интерпретатор и обладает высокой степенью свободы, толкования всегда подчинены определенной логике. Особое внимание обращается на оценочный компонент, который ярко выражен в изучаемых текстах, что свидетельствует о важном месте данного жанра в аксиологической системе традиционной культуры. Предметом анализа становятся как общие места в фольклорных рассказах, так и индивидуальные особенности каждого из текстов. Такой подход значим не только для анализа отдельного жанра фольклорной прозы, но и для развития текстологии фольклора в целом.

Материалом для исследования послужили тексты, записанные автором во время экспедиций 2012–2018 гг. в Полтавской области Украины. Помимо собственных записей, при работе над книгой автором учтены тексты, записанные

другими исследователями в 11 областях Украины, 17 областях и краях Российской Федерации и в 5 областях Республики Беларусь. Это позволяет (на фоне локальной специфики текстов) выявить общие для восточнославянской культуры закономерности формирования рассказов о вещих снах.

В книге рассмотрена история изучения народной традиции толкования сновидений, начиная с первых записей «народных сонников» (конец XIX в.) и заканчивая современными исследованиями снотолкований и рассказов о сновидениях (с. 9–16). Автор замечает, что малоизученными остаются проблема прагматики рассказов о вещих сновидениях и вопрос о том, как представления о правилах толкования снов реализуются в личном нарративе, содержащем индивидуальные образы и смыслы.

Глава «Семиотизация образа действительности в сновидениях» посвящена мифологизации пространства в народных толкованиях снов. В главе «Фольклорная модель и личные нарративы: типичное в оригинальных сюжетах сновидений» объектом анализа становятся соматические метафоры (толкования метаморфоз тела сновидца), а в главе «Толкование эмоций и ощущений сновидца» анализируются толкования эмоций и физических ощущений, испытанных сновидцем, и показана зависимость интерпретации сна (буквальной либо противоположной) от оценки эмоциональной реакции сновидца на приснившийся сюжет.

Глава «Сюжеты сновидений и мифологические рассказы: поиск общих мотивов и повествовательных схем» выявляет общие интерпретационные и текстопорождающие модели для обеих групп текстов. Отметим, что А.А. Лазарева проявила в данном случае нетривиальный подход к материалу, избрав объектом анализа тексты, где в качестве «базовых» персонажей выступают не люди (живые или умершие), а животные, которые часто становятся персонажами быличек. В данном контексте возникает вопрос: обусловлено ли сходство сюжетов сновидений с быличками тем, что подобные образы людям снятся, либо же тем, что носители традиции склонны при описании сна использовать существующие в культуре нарративные схемы? В перспективе именно такой подход мог бы быть интересен при изучении нарративных стратегий, используемых для передачи фольклорной сновидческой информации.

Нарративы о вещих снах, рассмотренные автором, показывают, что символика образов, значимых для сюжета сна, не всегда может быть истолкована при помощи так называемых устных сонников (реестров, бытующих как в виде списков, так и в виде общего знания о снотолкованиях), построенных по принципу «X означает

Y». Гораздо большую роль играют увиденные во сне искажения (трансформации) привычных для сновидца объектов окружающего мира и предметов (изменение привычного ландшафта, разрушение дома, утрата частей тела и т.п.) или испытанные во время сна ощущения (усталость от подъема на гору, эмоции, звуки, запахи, вкус). В связи с этим вполне обоснованным следует признать вывод автора о том, что рассказы о случившихся сновидениях «следует анализировать в широком культурном контексте, сопоставляя их не только с формулами “устного сонника”, но и с нарративными схемами иных жанров несказочной прозы, сказочными мотивами, обрядами, приметами, загадками, преремиями» (с. 182–183). Анализ рассказов о сновидениях в предложенном ключе позволяет освоить «грамматику» языка пророческих снов. Добавим, что перспективным может быть в дальнейшем сопоставление повествовательных схем пророческих снов (например, о начале или окончании войны) со структурой и образностью народных видений, приуроченных к этим событиям и зафиксированных в устной и письменной форме — в этом случае жанр сновидения и жанр видения оказываются чрезвычайно схожи представленным в них визуальным рядом.

Наиболее интересным для исследователя образов и символов традиционной культуры является указатель мотивов пророческих сновидений (с. 187–231), в котором представлены инвариантные структуры, обладающие устойчивой семантикой (автор определяет любые повторяющиеся элементы структуры рассказа о сновидении, получающие сходное по своей логике толкование, как *интерпретационные модели*, что является синонимом к термину *инвариант*, а по сути соответствует мотиву, понимаемому как значимая структурная единица сюжета любого нарратива). В указателе представлены краткие описания интерпретационных моделей, лежащих в основе записанных за последнее столетие фольклорных нарративов о случившихся снах.

Основой указателя являются восемь групп, которые, по мысли автора, охватывают основные сюжеты и мотивы вещих снов: А — внешний вид и атрибуты сновидца (персонажей); В — действия сновидца (персонажей); С — эмоции сновидца; D — ощущения сновидца; Е — вербальные образы (высказывания, мысли, надписи, диалоги); F — объекты (свойства и метаморфозы); G — количество объектов (персонажей, действий); H — пространство (метаморфозы, перемещения).

Характеризуя круг персонажей, значимых для вещего сна, автор выделяет следующие позиции: S — сновидец, R — реальный человек (кто-то знакомый сновидцу), U — умерший человек, N — «некто» (незнакомый персонаж или персонаж, личность которого не имеет значения) (с. 187). На наш

взгляд, этот перечень можно дополнить еще одной позицией R/N — персонаж, изначально «не распознанный», но «узнанный» в процессе трансляции сна рассказчиком, когда он проясняет его содержание для слушателей и для себя самого (ср. традиционную для быличек и легенд пару двойников: старичок или нищий — Бог или святой).

Рассмотрим подробнее некоторые мотивы и интерпретационные модели.

А.1.2. R выглядит меньше своего нормально-го размера (роста) — у R происходит что-то плохое. Привлекает внимание зафиксированный в украинской традиции вариант, согласно которому R выглядит ребенком — R умер. Помимо идеи «ущерба для сновидца», заключенной в этой модели, здесь, на наш взгляд, можно усмотреть символику завершения круга жизни (человек рождается/приходит из небытия маленьким и таким же уходит в иной мир).

Среди мотивов группы В (действия сновидца и персонажей) наиболее значимыми в символическом плане оказываются векторность перемещения (персонаж удаляется, уезжает, пропадает из виду и т.п.), локусы, где происходит действие (персонаж переходит через мост), и предметы, с которыми взаимодействует персонаж (строит здание без окон и дверей, лодку; покупает машину без окон). Перечисленные действия и предметы сходны со «смертными» символами языка народной культуры, которые традиционно воплощаются в обрядовом фольклоре (причитания, песни).

Отметим разнообразные реализации мотива В.2.2.1 — животное нападет на человека (с. 206) — в них можно усмотреть сходство символики сновидений с символами из других областей народной культуры (укажем некоторые соответствия, расширяющие фактическую базу рецензируемого издания).

Интерпретационная модель — В.2.2.1.1 «волк откусил S руку — S вышла замуж» (орловск.) — коррелирует с эротической символикой укуса в народной культуре славян (ср. волк, кусающий или грызущий добычу, как символ совершенно-го полового акта — в народных анекдотах и шуточных песнях, см. [2. С. 363]). Другой инвариант — В.2.2.1.2 «шмель укусил S и улетел — парень ухаживал за S, а потом оставил ее с ребенком» (белгородск.) соотносится с толкованием сна о пчелином укусе среди белорусов Витебщины и Могилевщины: такой сон предвещал молодой женщине беременность; в украинских и белорусских свадебных песнях укус шершня символизирует дефлорацию невесты [2. С. 363].

Любопытны различные толкования одного и того же увиденного во сне образа, зафиксированные в одной и той же локальной традиции. Так, на Житомирщине укус собаки может интерпретироваться как сватовство

жениха (В.2.2.1.1) или как конфликт с соседями (В.2.2.1.3). В первом случае толкование может быть связано с традиционно символическим восприятием укуса как коитуса (ср. [2. С. 363]), во втором толковании превалирует бытовая символика («собака» — плохой сосед, ср. также «собачиться» в значении «ругаться, ссориться»).

Некоторые интерпретационные модели обнаруживают связь с обрядовыми практиками. Так, среди вариантов мотива В.2.2.3 (на персонажа падает/налетает некий объект) обнаруживается записанное на Харьковщине толкование: «пшеница сыпется на S — деда S убили» (с. 207). Символика этого сновидения, как кажется, напрямую связана с известным всем восточным славянам ритуальным осыпанием зерном покойника, всех присутствующих, лавки, на которой стоял гроб, дома (внутри и снаружи), порога, дороги до могилы [10. С. 583].

В группе F наиболее символически нагруженными (что ожидаемо) являются дом и дерево; в большинстве случаев они выступают символическими заместителями человека, а их трансформации универсально трактуются как знаки смерти и болезни или, наоборот, рождения и «прибавления» (с. 216–219).

В группе G (количество объектов, персонажей, действий) внимание привлекает модель G.1.1.2.1 — «несколько объектов по очереди разрушаются — вскоре в определенной последовательности умирает такое же количество людей» (житомирск., полтавск.) (с. 223). Показательно, что в качестве предметов, разрушение которых сулит смерть, называются печь и горшок, традиционно символизирующие человека в славянских загадках, поговорках, легендах (см. [8. С. 526–527; 7. С. 32–34; 9. С. 39–40]).

Даже на примере анализа лишь некоторых рассмотренных интерпретационных моделей, собранных в указателе, становится очевидно, насколько ценным является этот классифицированный материал для сравнительных изысканий в области фольклора и традиционной духовной культуры. Книга А.А. Лазаревой, посвященная механизмам толкования сновидений, открывает новые возможности для изучения этого жанра фольклорной несказочной прозы не только в структурном, но и в ареалогическом и сравнительно-типологическом аспектах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропология сновидений: Сборник статей по материалам конференции / сост. и отв. ред. А.А. Лазарева. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2021. 295 с.

2. Гура А.В. Укус // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 361–363.
3. Народный сонник / упоряд., записи, предмова М. Дмитренко. Київ: Вид. Микола Дмитренко, 2005. 232 с.
4. Сафронов Е.В. Сновидения в традиционной культуре: Исследование и тексты. М.: Лабиринт, 2016. 544 с.
5. Сны и видения в народной культуре: Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / сост. О.Б. Христофорова. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2002. 382 с.
6. Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О.В. Белова. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. 224 с.
7. Толстая С.М. О нескольких ветхозаветных мотивах в славянской народной традиции // От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре / отв. ред. В.Я. Петрухин. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. С. 21–37.
8. Топорков А.Л. Горшок // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / отв. ред. Н.И. Толстой. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 526–530.
9. Топорков А.Л. Печь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 39–44.
10. Усачева В.В. Осыпание // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М.: Международные отношения, 2009. С. 581–584.
11. Шевчук Т., Ставицька Я. Українська усна снотлумачна традиція початку ХХ ст. (Розвідки і тексти). Київ: «Дуліби», 2017, 224 с.

REFERENCES

- Antropologija snovidienii: Sbornik statei po materialam konferentsii*, ed. A.A. Lazareva. Moscow, RSUH Publ., 2021, 295 p. (In Russ.)
- Gura A.V. Ukus. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, ed. N.I. Tolstoi, vol. 5, Moscow, International Relations Publ., 2012, pp. 361–363. (In Russ.)
- Narodnii sonnik*, ed. M. Dmitrenko. Kiiiv, Mikola Dmitrenko Publ., 2005, 232 p. (In Ukrainian)
- Safronov E.V. *Snovideniia v traditsionnoi kul'ture: Issledovanie i teksty*. Moscow, Labirint Publ., 2016, 544 p. (In Russ.)
- Sny i videniia v narodnoi kul'ture: Mifologicheskii, religiozno-misticheskii i kul'turno-psikhologicheskii aspekty*, ed. O.B. Khristoforova. Moscow, RSUH Publ., 2002, 382 p. (In Russ.)
- Sny i videniia v slavianskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii*, ed. O.V. Belova. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2006, 224 p. (In Russ.)
- Shevchuk T., Stavits'ka Ia. *Ukraïns'ka usna snotlumachna traditsiia pochatku XX st. (Rozvidki i teksti)*. Kiiiv, Dulibi Publ., 2017, 224 p. (In Ukrainian)
- Tolstaia S.M. O neskol'kikh vetkhozavetnykh motivakh v slavianskoi narodnoi traditsii. *Ot Bytiia k Iskhodu. Otrazhenie bibleiskikh siuzhetov v slavianskoi i evreiskoi narodnoi kul'ture*, ed. V. Ia. Petrukhin, Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 1998, pp. 21–37. (In Russ.)
- Toporkov A.L. Gorshok. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, ed. N.I. Tolstoi, vol. 1, Moscow, International Relations Publ., 1995, pp. 526–530. (In Russ.)
- Toporkov A.L. Pech'. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, ed. N.I. Tolstoi, vol. 4, Moscow, International Relations Publ., 2009, pp. 39–44. (In Russ.)
- Usacheva V.V. Osypanie. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, ed. N.I. Tolstoi, vol. 3, Moscow, International Relations Publ., 2009, pp. 581–584. (In Russ.)

Информация об авторе

Белова Ольга Владиславовна,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Отдела этнолингвистики и фольклора,
Институт славяноведения РАН
Москва, Российская Федерация;
ORCID: 0000-0001-5221-9424;
E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

Information about the author

Olga V. Belova,
DSc., Leading Research Fellow
Department of Ethnolinguistics and Folklore
Institute of Slavic Studies
of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation;
ORCID: 0000-0001-5221-9424;
E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

Славяноведение, 2021, № 6, с. 133–139

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 6, pp. 133–139

DOI: 10.31857/S0869544X0017707-0

Рецензия / Book Review

T. Virk. Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura
in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska
navzkrižja. Ljubljana, 2021. 222 s.

Т. Вирк. Под сенью Прешерна. Словенская литература
и общественные трансформации: национальное государство, демократия
и противоречия переходного времени

© 2021 г. Н.Н. Старикова

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

nstarikova@mail.ru

Ссылка для цитирования: *Старикова Н.Н.* T. Virk. Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura
in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja. Ljubljana,
2021. 222 s. // *Славяноведение*. № 6. С. 133–139. DOI: 10.31857/S0869544X0017707-0.

T. Virk. Under Prešeren's Head. Slovene Literature and Social Changes:
National State, Democracy and Transitional Discrepancies. Ljubljana, 2021. 222 p.

© 2021. N.N. Starikova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

nstarikova@mail.ru

Reference for citation: *Starikova N.N.* T. Virk. Under Prešeren's Head. Slovene Literature
and Social Changes: National State, Democracy and Transitional Discrepancies.
Ljubljana, 2021. 222 p. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. =
Slavyanovedenie. 2021. No 6. P. 133–139. DOI: 10.31857/S0869544X0017707-0.

Проблема изменения роли художественной литературы в современном мире особенно остра в бывших социалистических странах Европы, переживших в конце XX в. коренные общественно-политические изменения, отразившиеся на всей сфере культуры, литературе, литературной теории и критике. Научное рассмотрение меняющегося облика славянских литератур в контексте произошедших политических и текущих социокультурных изменений актуально как в сугубо

литературоведческом, эстетическом, так и в общекультурном плане. Такие исследования нацелены на выявление закономерностей современного литературного процесса и могут служить основой для прогнозирования дальнейшего культурного развития Европы. Важным достижением в разработке этого дискурса является труд видного историка и теоретика литературы, эссеиста и переводчика, лауреата нескольких престижных профессиональных премий профессора Люблянского

университета (Словения) Томо Вирка, посвященный анализу структурных изменений литературы и ее социокультурной роли после обретения Республикой Словенией независимости (1991). Вклад профессора Вирка в развитие национального литературоведения был отмечен наградой М. Рожанца (за эссеистику), наградой А. Оцвирка (за исследования в области компаративистики), премией «Золотая птица» за достижения в области национальной культуры, премией Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств, в 2021 г. он был избран ее членом.

Опираясь на ряд известных гипотез о природе отношений между словенской литературой и словенским обществом, автор анализирует современное состояние национальной словесности, делая упор на трансформации ее критического потенциала. «Историческая судьба словенского народа стала первопричиной особой миссии, которую осуществляла национальная литература, — осознание единства словенской нации через художественное слово» [2. С. 14]. На протяжении нескольких веков ведущей функцией словенской литературы была национально-охранительная, т.е. вся мощь национальной жизни была сосредоточена в литературе. Вследствие этого в писательском и читательском сознании художественное слово приобрело особое, возвышенное значение. После провозглашения ФНРЮ (1945), впоследствии СФРЮ, куда на правах республики вошла Словения, с установлением коммунистического режима и тотальной идеологизации культуры литература получила новое, освободительное измерение: «в условиях политико-идеологического прессинга вырабатывала специфические формы сопротивления, которое расшатывало идеинные и художественные стереотипы и мифы и делало процесс освобождения слова от диктата идеологии необратимым» [1. С. 9]. Писатели начали обращаться к ранее запрещенным темам, отстаивая право художника на индивидуальное, критическое отношение к действительности и открыто выражая свое политическое и эстетическое инакомыслие.

В 1991 г. с обретением Словенией независимости и переходом к парламентской демократии возникли новые социально-экономические условия, оказавшие влияние на культурную сферу. В новых обстоятельствах литература начала искать адекватные способы взаимодействия с действительностью и сразу же столкнулась с проблемой «выживания» в условиях рынка, высокой конкуренцией, лавиной массовой переводной продукции. Общественные трансформации «запустили механизм саморегуляции национальной литературной системы, движимой необходимостью приспособиться к новым

условиям, “встроиться” в глобализированную западную культуру, что способствовало возникновению в стране новой литературной ситуации, развивающейся по законам рынка» [3. С. 13]. В результате литература утратила традиционную национально-компенсаторную, эмансипаторскую функцию, лишилась своего особого положения и ведущей роли и начала постепенно вытесняться на периферию общественной жизни. Автор монографии ставит своей задачей выявить и систематизировать «структурные изменения, произошедшие в словенской литературе после провозглашения национального суверенитета и установления парламентской демократии [...] с точки зрения ее (литературы. — *Н.С.*) общественного предназначения» (с. 8) и показать, как она отвечает на современные вызовы глобализации и маргинализации.

Монография состоит из трех разделов. В первом — «Традиционная структура словенской литературы» — представлены канонические концепции роли и функции национальной литературы, сформулированные в XX в. литературоведами И. Приятеlem, Д. Пирьевцем и Я. Косом, а также рефлексия на них со стороны ученых XXI в. Второй и третий разделы, соответственно, «Между Второй мировой войной и самостоятельностью» и «Словенская литература 1990–2020», посвящены описанию семи последних десятилетий функционирования литературы Словении с более подробным рассмотрением отдельных знаковых социокультурных и художественных явлений. Труд завершают выводы, авторский прогноз перспектив сохранения литературой своего общественного потенциала, библиография и именной указатель.

В первом разделе Вирк подробно анализирует программные труды И. Приятеля «Культурная и политическая история словенцев: 1848–1895» (1940), Д. Пирьевца «Главные характеристики развития словенской литературы» (1963), Я. Коса «Теория и практика современной словенской прозы» (1975) и приходит к выводу, что все авторы связывали специфику развития родной словесности, ее особый мессианский путь и национально-компенсаторную функцию с геополитическими и историко-культурными факторами: «Искусство как таковое не было ее (литературы. — *Н.С.*) главным ориентиром, а лишь способом самоутверждения нации» — И. Приятеlem [12. С. 30]; литература «не является продуктом свободного цивилизационного и общекультурного развития словенской нации, но есть результат [...] тяжелых исторических обстоятельств» — Д. Пирьевец [10. С. 383], она, «в отличие от европейских образцов, игнорирует высокие метафизические темы и ориентирована на конкретный исторический

и социальный опыт» — Я. Кос [7. S. 211]. Далее Вирк прослеживает, как этические и социокультурные константы словенской литературной парадигмы (мессианство, жертвенность, национальная ангажированность), названные Д. Пирьевцем «прешерновской структурой» [11. S. 78], подверглись критике со стороны представителей следующей генерации литературоведов — М. Ювана и М. Довича. Первый указал на то, что конституирование национальной идентичности начиная с XVIII в. является одной из значимых функций многих европейских литератур, а отнюдь не прерогативой словенской словесности [5. S. 8]; второй обратил внимание на то, что формирование национального самосознания было комплексным процессом, в котором наряду с деятелями литературы принимала участие политическая элита, образовательные институции и медиа [4. S. 78]. Проработанный материал приводит автора монографии к следующим умозаключениям: несмотря на то, что национально-конституирующая и национально-компенсаторная функции словенской литературы в европейском контексте не уникальны, художественный потенциал, приобретенный благодаря этим миссиям, в национальном социокультурном пространстве реализован ею в большей степени, чем литературами других стран с аналогичным культурным синдромом. Он также подчеркивает, что на формирование словенского литературного канона, безусловно, оказали влияние специфические исторические и общественно-политические факторы: «политическая несамостоятельность и угроза целостности нации стали причинами того, что словенская литературная система подчинилась не столько требованиям эстетического совершенства, сколько необходимости сохранения, конституирования и защиты нации» (s. 48).

Во втором разделе рассматривается литературная ситуация в период вхождения Республики Словении в состав СФРЮ. При подаче этого неоднократно востребованного словенскими и зарубежными литературоведами материала Вирк делает акцент на тех литературных феноменах, которые оказали влияние на изменение общественных настроений и способствовали переходу словенского общества от коммунистического режима к парламентской демократии. Структура раздела отвечает поставленной задаче: после экскурса в новейшую историю Словении, раскрывающего общественно-политический и социокультурный контекст в период 1945–1991 гг., следуют параграфы, посвященные конкретным литературным десятилетиям: 1950-м — «“Эра Зихерла”, ждановщина, Агитпроп»; 1960-м — «Критическое поколение, культурное инакомыслие»; 1970-м — «Конец 60-х,

“свинцовые” 70-е и их противоречия»; 1980-м — «Переоценка официальной истории в романе 80-х годов». В каждом прослеживается взаимодействие идеологии и политики с литературой, прошедшей путь от «Первого съезда писателей Югославии (1946), заявившего свою монополию на идеологическое руководство культурой» (s. 57), до «открытой критики политической и идеологической системы в 1980-х» (s. 98). К важным вехам на этом пути Вирк относит сборник Э. Коцбека «Страх и мужество» (1951), деятельность журналов «Beseda», «Revija 57», «Perspektive», «Nova revija», инициативы Общества словенских писателей, драматургию Д. Смоле, П. Козака, М. Рожанца, Г. Стрниши, Д. Йовановича, поэзию Д. Зайца, прозу В. Зупана, Л. Ковачича, Й. Сноя, И. Торкара, Д. Рупела и др. Росту протестных настроений в писательской среде способствовала репрессивная политика коммунистических властей, при которых «в тюрьмах оказалось наибольшее число словенских поэтов и писателей» [6. S. 943]. Это привело к тому, что изначально лояльные режиму авторы в поисках не только духовной, но и физической свободы, переходили в стан оппозиции. На многочисленных примерах автор демонстрирует, как литература, политизируясь сама, политизировала общество, новой тематикой и проблематикой «восполняя отсутствие демократических свобод» (s. 105). Произведения, критически осмысляющие недавнее национальное прошлое (гражданская война и сопровождавшее ее братоубийство, конфликт Й.Б. Тито и И. Сталина, политические репрессии и пр.), оказывали влияние на читателей, высвобождая их сознание от ложных комплексов и навязываемых стереотипов, заставляя задуматься о происходящем. Таким образом, констатирует автор монографии, на излете югославского социализма национально-охранительная функция литературы сменяется политически-компенсаторной: в своих высших художественных достижениях литература становится проводником «свободомыслия, плюрализма и институтов политической демократии» (s. 103).

Третий, самый обширный раздел, посвященный многоаспектному рассмотрению литературного процесса в независимой Словении, вводит в научный обиход актуальный и чрезвычайно интересный фактический материал. Раздел состоит из двух частей: «Переходные годы» (литература 1990-х годов) и «Новое тысячелетие». В первой части раскрывается специфика литературной жизни в период демократизации на примере развития прозы, драматургии и поэзии. Литературоведческий очерк предваряет краткий экскурс в новейшую политическую историю Словении, в нем подчеркивается

особая роль творческой интеллигенции в словенской «бархатной» революции: так же как в Чехии, одной из особенностей словенской политической жизни в момент провозглашения суверенитета и сразу после стало активное участие в ней деятелей литературы и культуры (s. 109). Далее, в параграфе «Словенская литературная культура в переходный период» следует подробный разбор (фактически, рецензия) монографии Н.Н. Стариковой «Литература в социокультурном пространстве независимой Словении» (2018), которая, по утверждению Вирка, стала «комплексным» (s. 110), «новаторским» исследованием заявленной проблематики, в чем-то предвавшим проект «Под сенью Прешерна», поэтому «многие выводы автора (Н.Н. Стариковой. — *Н.С.*) могут быть использованы и в этом труде» (s. 116). Так, Вирк разделяет точку зрения российской коллеги о том, что изменение общественно-политических и экономических условий, развитие рыночных отношений, коммерциализация всех сфер деятельности оказали существенное влияние на словенскую литературную жизнь и всю ее инфраструктуру. В результате «литература в значительной степени потеряла свою некогда важную общественную репутацию и столкнулась с новой нелегкой задачей: заново определить свою социальную функцию» (s. 120). В прозе (которой в разделе уделено самое большое внимание) это нашло отражение на уровне тематики, проблематики и жанровой системы, характеризующейся словенскими литературоведами как «жанровый синкретизм» [13. S. 4] и «время автопоэтик» (s. 130). Эклектизм литературных произведений рассматриваемого периода, участие в литературной жизни представителей разных поколений отразились на структуре подачи рассматриваемого прозаического материала, довольно сложно поддающегося систематизации. Поэтому его изложение не всегда логично: гендерный критерий соседствует с тематическим, стилистический — с жанровым. Вирк предлагает «свой» репрезентативный ряд авторов, творчество которых, с его точки зрения, наиболее типично характеризует художественную атмосферу 1990-х. Ф. Лаиншек, М. Томшич и В. Жабот широко используют мифологический, этнокультурный или географический материал отдельных областей Словении (национальный вариант «магического» реализма), Д. Янчар и А. Хинг развивают исторический жанр, Э. Флисар — жанр романа-путешествия, Б. Боету-Боета — жанр антиутопии. Минимализм характерен для поэтики А. Блатника, склонность к политическим аллегориям — для проблематики Т. Перича. Как особая разновидность прозы, ранее находившаяся на периферии, начинают выступать тексты,

написанные женщинами, — Б. Швигель-Мера, Н. Пирьевец, К. Маринчич; некоторые из писательниц (М. Кумердей, М. Новак) продолжают экспериментировать с постмодернизмом. Включение в ткань повествования разговорного языка, социолектов характерно для А. Скубица и З. Хочевара. Общими знаменателями для всей этой мозаики, полагает Вирк, можно считать «последовательную аполитичность писательских позиций» и «печать постмодернизма» (s. 130), т.е. использование авторами-непостмодернистами его характерных приемов.

Состояние драматургии в переходный период, по мнению автора монографии, тоже имело свои особенности. К ним он относит практически полное отсутствие молодых драматургов, увеличение числа примитивных комедий и возвращение авторов к востребованным в предшествующие десятилетия сценическим формам — поэтической драме и драме абсурда. Первую успешно воплощали В. Тауфер и И. Светина, вторая привлекла Э. Флисара и Д. Поточняк. Едва ли не единственным исключением стала в это время драма Д. Йовановича «Антигона» (1993), в которой содержится прямая отсылка к актуальным военным событиям на Балканах.

Поэзии 1990-х годов автор посвящает всего несколько обзорных страниц (не приводя примеров), и делает вывод, что поэтическая практика большинства авторов переходного периода в разной степени связана с философией, эстетикой и поэтикой постмодернизма. В первую очередь это относится к творчеству М. Есиха и М. Деклевы, отдельные постмодернистские элементы характерны также для опусов Бориса А. Новака, С. Макарович, А. Дебеляка, А. Ихана и др.

Свои наблюдения о переходном периоде автор завершает кратким обзором содержания 50 номера журнала «Литература», вышедшего в 1995 г. и посвященного актуальному состоянию национальной словесности (тема номера — «Статьи о словенской литературной программе»). Участники этой полемики, видные поэты, писатели, литературоведы и критики, среди которых А. Блатник, М. Деклева, Я. Кос, М. Богатай, Т. Вирк, М. Юван, М. Кос, И. Осойник и другие, не сговариваясь, констатировали: в литературе упадок, кризис, аполитичность, ей угрожает маргинализация. Насколько этот прогноз сбывлся в XXI в. дает представление вторая часть раздела. Ее также открывает краткое введение, разъясняющее национальный общественно-политический контекст первых десятилетий третьего тысячелетия. Вхождение Словении в ЕС, НАТО, Шенгенскую зону повлекло за собой ряд новых политических, экономических и юридических

проблем (например, интеграция в европейские структуры сделала ее полноправной участницей мирового экономического кризиса 2008 г. со всеми его негативными последствиями) и активизировало некоторые уже известные, связанные как с псевдомифологизацией военного прошлого — противостояние партизан и домобранцев, бойцов словенской добровольческой армии, части которой воевали на стороне Вермахта, так и с последствиями распада СФРЮ («югостальгия», проблемы мигрантов, социальное расслоение общества) дискурсы. Как это сказалось на мироощущении многих словенских авторов, которые «устали погружаться в самих себя [...] и начали постепенно выглядывать наружу, смотреть на окружающий их мир» (s. 145), показано далее в параграфах о прозе, драматургии и поэзии. Ярким примером такой переориентации в сторону актуальных проблем словенского общества и их критики Вирк считает творчество А. Блатника, начинавшего в русле постмодернизма. Размышляя о развитии романной прозы, исследователь также отмечает в ней два новых явления: переосмысление национальной травмы, нанесенной словенцам гражданской войной, и введение в литературу темы «вычеркнутых», т.е. тех, кто в силу бюрократических причин оказался в независимой Словении лицами без гражданства.

Первое нашло воплощение в жанре военного романа. В годы югославского социализма тема братоубийства во время Второй мировой войны была табуирована, в суверенной Словении для писателей «в раскрытии всей правды о 1941–1945 гг. больше не существовало идейно-политических или уголовно-репрессивных преград» [8. С. 153], однако реалии 1990-х — экономическое переустройство жизни, военный конфликт на Балканах и сами особенности литературного процесса — сохранение в творчестве ряда авторов постмодернистских тенденций, замедлили рефлексию. Но уже в начале 2000-х годов, а затем и в 2010-е целая когорта писателей разных поколений и стилистических пристрастий публикует романы о событиях Второй мировой войны: Н. Пирьевец, Д. Янчар, З. Симич, Й. Сной, З. Кодрич, М. Хадерлап, М. Кресе, В. Мёдерндорфер, А. Ребула, В. Симонити. В этическом плане Вирк подразделяет их на три условные группы: произведения, в которых речь идет о ранее замалчиваемых эпизодах, связанных с неоправданной жестокостью противоборствовавших сторон, произведения, в которых подвиг антифашистов продолжает возвеличиваться, и, наконец, «нейтральные» тексты, авторы которых, не принимая ничью сторону, показывают трагическую судьбу личности в потоке

истории. К знаковым художественным явлениям, свидетельствующим о роли писателей диспуты в литературном процессе, он относит роман этнической словенки, проживающей в Австрии, М. Хадерлап «Ангел забвения» («Engel des Vergessens», 2011), написанный на немецком языке и посвященный австрийским словенцам — участникам антифашистского сопротивления.

Усиление писательского внимания к последствиям недавних кардинальных политических и социокультурных изменений, по мнению Вирк, в литературе ведет «к возвращению социально-критического вектора» (s. 145), о чем свидетельствуют романы М. Мацини, П. Главан и Д. Баука. Все они привлекают внимание к одной из самых злободневных проблем независимой Словении — лишению в 1992 г. статуса гражданина тысяч ни в чем не повинных людей, по сути, этнической чистке с применением административного ресурса, правда о которой годами замалчивалась или фальсифицировалась. Обращение к патологиям и аномалиям современного общества характерно и для драматургии рассматриваемого периода, переживающей определенный подъем: появляются новые авторы, среди них много женщин (С. Павчек, Ж. Мирчевска, М. Шилер, Е. Иванц, Т. Матевц и др.). По наблюдениям Вирк, лидирующие позиции теперь занимает политическая драма. В этом жанре, применяя элементы абсурда, гротеска, сатиры, успешно работают представители среднего поколения М. Зупанчич, В. Мёдерндорфер, Д. Поточняк, а также более молодые С. Семенич и Р. Вилчник. При этом сценическое искусство в целом утратило тот потенциал свободомыслия и энергию объединения, которые отличали его в эпоху тоталитаризма. Несколько иная картина сложилась в поэзии: с одной стороны, продолжают развиваться заявившие о себе ранее неоинтизмизм (П. Семолич, М. Видмар, К. Перат), городская поэзия (П. Чучник, У. Зупан, Г. Подлогар), неомодернизм и неоавангард (У. Прах, У. Крамбергер, С. Харламов), религиозная лирика (Б. Сенегачник, Г. Коциянчич), с другой — все чаще названные поэты «становятся аналитиками глобальных и локальных социальных уродств: потребительства, погони за успехом, насилия» [9. С. 181]. Поэтов волнуют темы беженцев, исламофобии, национальной вражды, социального расслоения. Важной вехой современного словенского стихосложения Вирк справедливо считает эпическую поэму поэта с выраженной гражданской позицией Бориса А. Новака «Врата безвозвратности: эпос» (2015–2017), включающую три тома: «Атласы ностальгии», «Время отцов» и «Обиталища душ», общим объемом 40 тыс. стихов. В ней

поэт реконструирует и верифицирует прошлое, воплощая его в поэтических образах. Связующим звеном повествовательной структуры всех книг является мотив странствия, который реализуется на трех уровнях: времени, места и памяти. Представленный событийный ряд связан с функционированием воспоминаний: лирический герой Новака путешествует по лабиринтам как услышанного, так и лично пережитого, создавая портрет Времени.

На основании проделанного анализа автор монографии формулирует ряд умозаключений и прогнозов. На протяжении нескольких веков художественное слово занимало в словенском обществе лидирующее положение, отвечало за самосознание нации, в период существования СФРЮ «являло собой пространство духовной и интеллектуальной свободы, предавая гласности запрещенные темы» (s. 192). После провозглашения суверенитета традиционное предназначение словенской литературы значительно изменилось: литература лишилась своего особого положения и ведущей общественной роли. Пальма первенства в постановке острых вопросов, открытии злободневных дискуссий перешла к средствам массовой информации, блогерам, правозащитникам, политикам. Теперь, обращаясь к противоречиям либерального капитализма, недостаткам парламентской демократии, проблемам «вычеркнутых», ксенофобии, гомофобии и т.д., литература не предлагает новаторских ракурсов, напротив, как правило, следует уже заявленной точке зрения (официальной или оппозиционной), привлекает внимание к медийно растиражированным суждениям. Усугубляет ситуацию и то, что словенское общество все еще расколото во взглядах на национальное прошлое, поэтому не приемлет идеологически нейтральных трактовок пережитых травм. Для Вирка очевидно, что сегодня словенская литература, остро нуждаясь в переосмыслении и актуализации своей социальной роли, находится в процессе поиска новой идентичности. Способствовать этому, по его мнению, может «присущий литературе имманентный этический потенциал, включающий воображение [...] и эмпатию» (s. 193), который, однако, словенская словесность пока должным образом не реализует. Будущее человечества за «расширением и совершенствованием этического сознания, ибо именно в дихотомии — этическое сознание индивидуума и коллективное бессознательное, — уверен автор монографии, — скрывается ответ на вопрос о роли любой, в том числе словенской, литературы в обществе» (s. 197).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словенская литература XX века / отв. ред. Н.Н. Старикова. М.: Индрик, 2014. 325 с.
2. Словенская литература от истоков до рубежа XIX–XX веков / отв. ред. Н.Н. Старикова. М.: Индрик, 2010. 248 с.
3. *Старикова Н.Н.* Литература в социокультурном пространстве независимой Словении. М.: Индрик, 2018. 392 с.
4. *Dovič M.* Zgodnje literarne reprezentacije nacionalne zgodovine in «slovenski kulturni sindrom» // *Primerjalna književnost*. 2007. Let. 30. S. 71–90.
5. *Juvan M.* «Slovenski kulturni sindrom» v nacionalni in primerjalni literarni zgodovini // *Slavistična revija*. 2008. Let. 56. № 1. S. 1–17.
6. *Kos J.* O ječah in nagradah // *Sodobnost*. 1992. Let. 40. № 10. S. 943–948.
7. *Kos J.* Teorija in praksa moderne slovenske proze // *Sodobnost*. 1975. Let. 23. № 3. S. 203–213; 303–315.
8. *Kos M.* Leta nevarnega življenja. Pet fragmentov o slovenski literaturi in drugi svetovni vojni. Ljubljana: Slovenska matica, 2019. 191 s.
9. *Novak Popov I.* Mlada slovenska poezija zadnjega desetletja // *Sodobna slovenska književnost: (1980–2010)* / ur. Alojzija Zupan Sosič. Ljubljana: Filozofska fakulteta, Oddelek za slovenistiko, Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik, 2010. S. 179–185.
10. *Pirjevec D.* Glavne karakteristike razvitka slovenačke literature // *Seminar on social and cultural problems*. Yugoslavia. Bohinj Lake. Ljubljana, 1963. S. 382–387.
11. *Pirjevec D.* Vprašanje o poeziji. Vprašanje naroda. Maribor: Obzorja, 1978. 186 s.
12. *Prijatelj I.* Kulturna in politična zgodovina Slovencev: 1848–1895. Ljubljana: Akademsko založba, 1940. Zv. 5. 218 s.
13. *Zupan Sosič A.* Zavetje zgodbe. Ljubljana: LUD Literatura, 2003. 224 s.

REFERENCES

- Dovič M.* Zgodnje literarne reprezentacije nacionalne zgodovine in «slovenski kulturni sindrom». *Primerjalna književnost*, 2007, let. 30, pp. 71–90.
- Juvan M.* «Slovenski kulturni sindrom» v nacionalni in primerjalni literarni zgodovini. *Slavistična revija*, 2008, let. 56, No 1, pp. 1–17.
- Kos J.* O ječah in nagradah. *Sodobnost*, 1992, let. 40, No 10, pp. 943–948.
- Kos J.* Teorija in praksa moderne slovenske proze. *Sodobnost*, 1975, let. 23, No 3, pp. 203–213; 303–315.

- Kos M. *Leta nevarnega življenja. Pet fragmentov o slovenski literaturi in drugi svetovni vojni*. Ljubljana, Slovenska matica Publ, 2019. 191 p.
- Novak Popov I. *Mlada slovenska poezija zadnjega desetletja. Sodobna slovenska književnost: (1980–2010)*, ed. Alojzija Zupan Sosič, Ljubljana, Filozofska fakulteta, Oddelek za slovenistiko, Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik Publ, 2010, pp. 179–185.
- Pirjevec D. Glavne karakteristike razvitka slovenačke literature. *Seminar on social and cultural problems. Yugoslavia. Bohinj Lake*. Ljubljana, 1963, pp. 382–387.
- Pirjevec D. *Vprašanje o poeziji. Vprašanje naroda*. Maribor, Obzorja Publ, 1978. 186 p.
- Prijatelj I. *Kulturna in politična zgodovina Slovencev: 1848–1895*. Ljubljana, Akademski založba Publ, 1940, vol. 5, 218 p.
- Slovenska literatura XX veka*, ed. N.N. Starikova, Moscow, Indrik Publ, 2014, 325 p. (In Russ.)
- Slovenska literatura od istokov do rubezha XIX–XX vekov*, ed. N.N. Starikova, Moscow, Indrik Publ, 2010, 248 p. (In Russ.)
- Starikova N.N. *Literatura v sociokulturnom prostoru nezavisimoy Slovenii*. Moscow, Indrik Publ, 2018, 392 p. (In Russ.)
- Zupan Sosič A. *Zavetje zgodbe*. Ljubljana, LUD Literatura Publ, 2003, 224 p.

Информация об авторе

Старикова Надежда Николаевна,
доктор филологических наук, профессор,
зав. Отделом современных литератур
Центральной и юго-Восточной Европы
Института славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1230-2244
E-mail: nstarikova@mail.ru

Information about the author

Nadezhda N. Starikova,
DSc. (Letters), profesor, Head of the Department
in the Institute of Slavic Studies of Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1230-2244
E-mail: nstarikova@mail.ru

Славяноведение, 2021, № 6, с. 140–142

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 6, pp. 140–142

DOI: 10.31857/S0869544X0017709-2

Рецензия / Book Review

М. Илиева. Българинът в своя езиков свят
(лингвокултурологично и етнопсихолингвистично изследване).
Велико Търново: УИ «Св. св. Кирил и Методий», 2021. 224 с.

М. Илиева. Болгарин в своем языковом мире
(лингвокультурологическое и этнопсихолингвистическое исследование)

© 2021 г. О.А. Дубовик

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

olgadubovik@gmail.com

Ссылка для цитирования: Дубовик О.А. М. Илиева. Българинът в своя езиков свят
(лингвокултурологично и етнопсихолингвистично изследване). Велико Търново, 2021.
224 с. // Славяноведение. 2021. No 6. С. 140–142. DOI: 10.31857/S0869544X0017709-2.

Maria Ilieva. Bulgarians in their language world
(Linguocultural and ethnopsycholinguistic study).
Veliko Tarnovo: University publishing house
«St. Cyril and st. Methodius», 2021, 224 pp.

© 2021. O.A. Dubovik

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

olgadubovik@gmail.com

Reference for citation: Dubovik O.A. Maria Ilieva. Bulgarians in their language world
(Linguocultural and ethnopsycholinguistic study). Veliko Tarnovo: University publishing house
«St. Cyril and st. Methodius», 2021, 224 pp. // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of
Sciences. = Slavyanovedenie. 2021. No 6. P. 140–142. DOI: 10.31857/S0869544X0017709-2.

В монографии профессора Великотърновского университета имени Св. Кирилла и Мефодия Марии Илиевой «Болгарин в своем языковом мире (лингвокультурологическое и этнопсихолингвистическое исследование)» рассматриваются фрагменты болгарского образа мира посредством в первую очередь анализа лингвистических фактов. Актуальность

исследования заключается в том, что концепты и структуры, формирующие ключевой макроконцепт ЧЕЛОВЕК в языковых картинах мира, не часто являются предметом детального изучения особенно в сопоставительном плане. Ставя во главу угла антропоцентрическую исследовательскую парадигму, автор показывает точку зрения болгарина на мир. Так, концепт

включается в национальную концептосферу, что представляет интерес для исследователей не только лингвистики, но и культурологии, истории, психологии и социологии.

Болгарский языковой мир ставит в центр ЧЕЛОВЕКА (МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА), а затем в конкретном плане обращается к локациям, в которых он обитает (ДОМ и СТРОЕНИЕ, ДЕРЕВНЯ и ГОРОД), а в абстрактном — к ценностным категориям (КРАСОТА и ГЛУПОСТЬ). Прекрасно осознавая невозможность исчерпывающе описать восприятие мира болгарин, автор акцентирует внимание на базовых фундаментальных концептах, включенных в ассоциативно-вербальную сеть.

При анализе используется терминологическая парадигма лингвокультурологии и этнопсихолингвистики. Теоретическая база автора исследования расширена за счет русской и польской научных литератур. Болгарские языковые и ассоциативные данные сопоставляются с аналогами из мира образов носителей других славянских языков. Таким образом появляется возможность выявления болгарской этнокультурной специфики восприятия определенных реалий при формировании базовых концептов МЪЖ, ЖЕНА, ДЕТЕ, СЕМЕЙСТВО, ДОМ и КЪЩА, СЕЛО и ГРАД, ПЪТ, КРАСОТА и ГЛУПОСТ.

Монография состоит из нескольких разделов. После знакомства с терминологическим аппаратом и достижениями междисциплинарных подходов в изучении языковых средств выделены три главы, представляющие основные понятия, названные соответственно «ПЕРСОНАЛИИ», «ЛОКАЦИИ» и «ЦЕННОСТИ». Определение именно этих категорий обусловлено анализом ядра языкового сознания болгарина, характеризующего специфику его представления о мире с опорой в основном на структуры оппозиции (много — мало; хорошо — плохо; да — нет; начало — конец; правда — ложь и др.), а также абстрактное восприятие мира.

Материал исследования богат и разнообразен. Начиная с введения клишированных текстов (паремии и фразеологизмы), толкований словарей, примеров из классических литературных произведений, средств массовой информации, жаргона, автор достигает уровня анализа данных свободного ассоциативного эксперимента, отражающих лингвистическую реальность. Ставится задача соотносить представления в традиционной картине мира с современными пониманиями, проследив динамику болгарского мировосприятия. Данные же свободного ассоциативного эксперимента с носителями болгарского языка сопоставляются с соответствующими данными с носителями

других славянских языков — в первую очередь русского и польского. Реализация второй задачи стала возможна благодаря опубликованным ассоциативным словарям, подготовленным по методике российской школы психолингвистических исследований (Балтова П., Ефимова А., Липовска А., Петрова К. Болгарски асоциативен речник. Прав и обратен. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2016, 148 с.; Gawarkiewicz, R., Pietrzyk I., Rodziejewicz B. Polski słownik asocjacyjny z suplementem. Szczecin, 2008, 291 s.; Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф.. Славянский ассоциативный словарь. Русский, белорусский, болгарский, украинский. М., 2004. 792 с.), с единым списком слов-стимулов, примерно идентичным подбором респондентов в один и тот же временной период. Для отслеживания дальнейшего развития концептов автор провела в 2020 г. собственный ассоциативный эксперимент, результаты которого комментируются в тексте монографии.

Каждый раздел представляемой монографии завершается заключениями, характеризующими динамику осмысления конкретного концепта. В результате представленной информации на основе анализа и сопоставлений автор монографии делает выводы о культурной коннотации концепта, что имеет важное практическое значение и представляется весьма полезным при осуществлении переводов с болгарского и на болгарский, а также для переосмысления некоторых лексических интерпретаций, в конечном счете позволяет по-новому трактовать различия и сходства в образах мира отдельных славянских народов.

Наиболее значительные результаты сделаны автором в завершающем разделе исследования. Это выводы о болгарском образе мышления о мире, характеризуемом рефлексией и умозрительностью. Носители болгарского языка в некоторых случаях показывают внешнюю точку зрения на концепт, являясь сторонними наблюдателями (например, в концептах ДОМ и ГОРОД), в других случаях — внутренне воспринимают концепт (например, СЕМЬЯ, ДЕРЕВНЯ). Для славистов особый интерес представляет констатация факта, что в базисных понятиях наблюдается определенная асимметрия при разделении мира между носителями разных славянских языков. Так, например, болгарские концепты МЪЖ и ЖЕНА соответствуют двум концептам в языковом сознании носителей русского и польского языков (МУЖЧИНА и МУЖ, ЖЕНЩИНА и ЖЕНА; MEŹCZYŻNA и MAŹ, KOBIEŹA и ŻONA). Автор отмечает, как трактование данных категорий меняется в процессе развития и использования языка — если

в традиционной болгарской картине мира МЪЖ и ЖЕНА рассматриваются прежде всего как члены семьи, т.е. в их социальной функции, то в картине мира современных носителей языка на первый план выдвигается физиологический статус. С другой стороны, при концептуализации места обитания семьи в болгарском языковом сознании два представления (материальное и абстрактное) также разделяются, что отражается на лингвистическом уровне: с одной стороны, это конкретное помещение, строение, здание, жилище — КЪЩА, с другой — абстрактное чувство дома, семьи и отношений в ней — ДОМ. В результате обнаруживаются на первый взгляд труднопереводимые в русском и польском языках конструкции, как *«Без деца домовете се превръщат в къщи»* (*«Без детей дом*

превращается в помещение»); *«Любовта е тази, която прави от къщата дом»* (*«Любовь — это то, что делает жилище домом»*); *«Мъжът строи къщата, жената прави от къщата дом»* (*«Мужчина создает строение, а женщина превращает его в дом»*); *«7 лесни начина да превърнете къщата в дом»* (*«Семь простых способов превратить жилище в дом»*) и т.п.

Несмотря на терминологический язык исследования, междисциплинарный характер делает его интересным как для специалистов, так и для широкого круга читателей. В конечном счете работа несет в себе послание, что мир многоцветен для носителей различных языковых культур, а интерес к другим, толерантность и позитивный заряд являются гарантиями взаимопонимания в современном глобализирующемся мире.

Информация об авторе

Дубовик Ольга Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории южных и западных
славян исторического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова, г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8962-3938
E-mail: olgadubovik@gmail.com

Information about the author

Olga A. Dubovik

Ph D. (History), assistant professor,
Lomonosov Moscow State University,
History Faculty, Department of History of
Southern and Western Slavs, Moscow,
Russian Federation;
ORCID: 0000-0002-8962-3938
E-mail: olgadubovik@gmail.com

Лингвистическая конференция в Институте болгарского языка БАН

© 2021 г. И.А. Седакова

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

irina.a.sedakova@gmail.com

Ссылка для цитирования: Седакова И.А. Лингвистическая конференция в Институте болгарского языка БАН // *Славяноведение*. 2021. № 6. С. 143–146. DOI: 10.31857/S0869544X0017710-4.

Linguistic Conference at the Institute for Bulgarian Language of the BAS

© 2021. I.A. Sedakova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

irina.a.sedakova@gmail.com

Reference for citation: Sedakova I.A. Linguistic Conference at the Institute for Bulgarian Language of the BAS // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2021. No 6. P. 143–146. DOI: 10.31857/S0869544X0017710-4.

Пятнадцатое мая считается «днем рождения» созданного в 1942 г. Института болгарского языка (ИБЯз БАН), и к этой дате начиная с 2012 г. приурочиваются ежегодные международные лингвистические конференции, на которые собираются исследователи болгарского и других языков из Болгарии и разных стран.

В 2021 г. конференция продолжалась два дня, 14 и 15 мая, и вместила в себя 46 докладов. Это была первая конференция в ряду «юбилейных», которая проходила онлайн, и организаторам потребовалось немало изобретательности, чтобы дать возможность выступить всем исследователям, чьи доклады были приняты. Ежегодные конференции выработали очень четкие правила по отбору докладчиков и публикации докладов. Внушительный программный комитет включает около 40 болгаристов и славистов из разных стран; они проводят «слепое рецензирование» текстов, которые после доработки издаются отдельными томами — или до конференции, или непосредственно сразу после нее. Так было и в этот раз: доклады изданы в двух томах, которые доступны для скачивания с сайта Института болгарского языка (Доклады от Международната годишна конференция на Института за български език «Проф. Любомир Андрейчин» (София, 2021) / сост. Св. Коева, М. Стаменов. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2021. Т. 1–2).

Для того чтобы дать возможность выступить авторам всех принятых докладов, организаторы конференции использовали своеобразное «ноу-хау» — приблизительно треть выступлений была записана предварительно и размещена на ютубе. В программе они были приписаны к соответствующей тематической секции. Таким образом, послушать доклады можно в любое время, а обсудить их — в рамках общей дискуссии (см. программу: <https://ibl.bas.bg/confibl2020/>).

Обсуждение актуальных проблем болгарской лингвистики проходило в рамках следующих основных направлений: современный язык, лексикология и лексикография, терминология и терминология, история болгарского языка, диалектология, этимология, ономастика, этнолингвистика. Кроме того, в качестве важных дискуссионных областей были обозначены общее и сопоставительное языкознание и компьютерные исследования.

В данной хронике невозможно охарактеризовать все выступления и поэтому остановлюсь на ключевых темах и тенденциях в развитии болгаристики, которые были очерчены в рамках докладов и дискуссий.

Конференцию открыла директор Института *Л. Антонова-Василева* (София), отметив особую значимость этого международного научного мероприятия, которое собирает ведущих болгаристов и славистов. Первым прозвучал доклад известного этимолога *Хр. Дейковой* (София) «Об употреблении, происхождении и проникновении одного арабско-турецкого заимствования в болгарском языке». Это выступление, в котором речь шла о неизменяемой лексеме *харам* (от тур. *harām* «запрещенное, непозволительное»), как и многие другие на конференции, затрагивало несколько смежных языковедческих дисциплин: этимологию, диалектологию, синтаксис, стилистику. Маркированное как народное и устаревшее *харам* фиксируется всеми словарями и остается в клишированных выражениях, проклятиях и фольклорных текстах. В тесных болгарско-турецких контактах *харам* было очень частотным словом, оно значительно расширило свою семантику и послужило основой для образования глаголов и существительных.

Вопросы диалектологии обсуждались во многих других докладах; это традиционно сильная часть болгаристики. Рассматривались вопросы презентации диалектной лексики в лексикографических трудах, семантики и морфологии, в том числе в говорах вне современных границ Болгарии: *Л. Антонова-Василева* (София) «Семантические диалектизмы в болгарских говорах в Албании и Косове»; *И. Гаравалова* (София) «Счетная форма в говоре с. Речане, Призренско». В дискуссии после докладов приводилось много примеров того, что диалекты остаются хранителями важных архаических черт, которые свидетельствуют и о древних межславянских связях (например, южноболгарские диалекты демонстрируют сходство с польскими и др.).

История болгарского языка — еще одна область активных изысканий лингвистов. *Елка Мирчева* (София) выступила с докладом «Редкие наименования родства в староболгарской письменности — *нетии*, *нестера* — в контексте названий племянника/племянницы в старославянских памятниках». Исследовательница привела неопубликованные ранее примеры использования лексем *нетии*, *нестера* и доказала их активное присутствие в болгарской письменности XIV в. Два доклада были посвящены лексическим обозначениям одежды в памятниках болгарской письменности: *В. Мичева*, *М. Цибранска-Костова* (София) «Концепт «одежда» в Бдинском сборнике 1360 г.»; *Т. Илиева* (София) «Мотивация слов тематической группы «одежда» в славянских письменных памятниках». Эти выступления, как и доклад *М. Цибранской-Костовой* (София) «Чужой среди своих: номинация и диспозиции безумия в юридических текстах Средневековья», ставили языковые факты в контекст экстралингвистической реальности, с привлечением данных народной традиционной культуры, и рассматривали их в рамках семиотических оппозиций.

Зарождение и функционирование этикетных формул в истории болгарского языка рассмотрела *Н. Николова* (Шумен), представив доклад «“Вашето честно писмо”, или об этикете в “Книге о письмах” братьев Ст. и Хр. Караминковых, 1850 г.».

Значительное число докладов было посвящено проблемам лексики, семантики, фразеологии и лексикографии. По этой тематике *Кьетилом Ло Хауге* (Осло) была прочитана пленарная лекция «Насколько дейктивен глагол *пристигам*». Обратившись к дефинициям *пристигам* ‘приходить, приезжать’ в болгарских словарях, ученый отметил, что ряд значений не вписывается в конкретные контексты, которые такие значения предполагают. И наоборот, употребление глагола в некоторых конструкциях не согласуется с определениями, данными ему в словарях.

Особое внимание уделялось формированию современного болгарского словаря с учетом заимствований и других процессов пополнения лексики. *Д. Иванова* (София) в докладе «Когда все руководители стали менеджерами (наблюдения над значением и употреблением лексемы *мѣниджър* в болгарском языке)» остановилась на подробном анализе одного слова, ставшего столь частотным в болгарском дискурсе. Доклад *Д. Благоевой* (София) и *С. Колковской* (София) «О некоторых актуальных процессах в болгарской лексике» был посвящен изменениям словарного состава болгарского языка за последние 15 лет. Докладчики рассмотрели использование различных способов создания новых слов, заимствования, неосемантизации и др. Особенно важным для современной болгаристики представляется изучение новых синонимических рядов и нюансов в значении и употреблении слов, близких по значению.

Цв. Георгиева (София) представила два доклада: «Гетеронимы и синонимы в болгарском языкознании» и «Дефиниции диалектных названий в двух болгарских толковых словарях». Исследовательница показала отсутствие единого взгляда на содержание терминов «гетероним» и «синоним» и роль этих языковых фактов в практике представления диалектизмов в лексикографических трудах. Сходной проблематике посвятили свой доклад Н. Костова и М. Кузмова (София) «О лексикографическом параметре способа организации материала в болгарских толковых словарях», сосредоточившись на способах представления словообразовательных гнезд в ряде болгарских толковых словарей разных лет.

Билияна Радева-Гезенчова (София) прочитала доклад «О дублетных прилагательных именах» и на ряде примеров показала, что в современном болгарском языке ранее синонимичные адъективы разошлись в значении и употреблении; они обозначают, соответственно, качественные и относительные прилагательные, а некоторые прилагательные из дублетной пары вышли из употребления. В совместном докладе «Атенуативные прилагательные в болгарском и украинском языках» И. Держански (София) и О. Сирук (София) на материале болгарско-украинского корпуса проанализировали словообразовательные модели, особенности сочетаемости прилагательных с семантикой неполноты и разной интенсивности в двух языках. Сопоставительному лексико-семантическому анализу болгарских и русских языковых фактов были посвящены доклады Д. Николовой (Шумен) «Структурные особенности ИТ-лексики рядового пользователя в русском и болгарском языках» и И. Седаковой (Москва) «Мягкий — твердый в болгарском и русском языках: семантика и лексическая сочетаемость».

Т. Кръстева (София) в докладе «Взгляд на некоторые глагольные устойчивые сравнения с модулями *живея, чувствам се*» привела результаты сопоставительного анализа русских и болгарских сравнительных оборотов с двумя глаголами — «жить» и «чувствовать». Хотя в русском языке подобных оборотов зафиксировано больше, в целом между двумя языками наблюдается значительное сходство образности сравнений. М. Котова (Санкт-Петербург) в докладе «Современные употребительные болгарские пословицы и восточнославянское паремнологическое ядро» сопоставила болгарские клишированные пословичные выражения с белорусскими, русскими и украинскими. Я. Сивилова (София) в докладе «Английские кальки в болгарской фразеологии» рассмотрела пути проникновения новейших идиом (серии, реклама, интернет).

К. Василева (Велико-Тырново) в своем докладе «Ассоциативное поле концепта *любовь* в современном болгарском языковом сознании» представила результаты психолингвистического эксперимента, направленного на выявление мужских и женских ассоциаций на синонимичные слова *любов* и *обич*. Хотя женщины дали большее разнообразие лексем в ответ на слово-стимул, в целом мужские и женские реакции сходны (доминирующей ассоциацией является *сильная*) и различаются только количественно (ассоциация *секс* у женщин — 15, у мужчин — 24 и др.). М. Стаменов (София) в докладе «Группы глаголов, обозначающих внутренние психические переживания. Попытка классификации» обратился к анализу лексики, передающей эмоции, и предложил вариант их семантической группировки.

Два доклада были посвящены ономастике. Г. Митринов (София) выступил на тему «Тенденции в развитии антропонимической системы с. Бял-Извор, Ардинско, по данным XVI и XVII вв.» и охарактеризовал систему личных имен болгар-христиан в исторической перспективе в одном селе в период османского владычества. Современному имйнаренчию посвятила свой доклад «Наблюдения над личными именами детей, родившихся в Бургасе в 2013–2018 гг.» М. Парзулова (Бургас), отметив увеличение количества имен «унисекс», одинаковых для мальчиков и девочек (типа *Алекс*), а также возврат к традиционным болгарским именам.

Морфологии, грамматике и синтаксису на конференции уделялось особое внимание. А.В. Цимерлинг (Москва) прочитал пленарную лекцию на тему «Обязательный местоименный эксприенцер и смена семантического типа», в которой слушателям был предложен обстоятельный сопоставительный анализ русских и болгарских конструкций с внутренним и внешним кодированием (дативно-предикативные структуры и др.). Исследователь показал, что, несмотря на значительные различия в поверхностно-синтаксических структурах (в частности, в использовании кратких местоимений в двух языках), предикатно-аргументные структуры нередко близки или совпадают. Доклад Е. Ивановой (Санкт-Петербург) «“Желательные” конструкции в болгарском языке и их русские соответствия» вписывался в проблематику, заданную А. Цимерлингом. Исследовательница провела сопоставительный анализ оптативных личных и безличных конструкций в русском и болгарском языках и показала нюансы в их семантике. К. Алексова (София) в докладе «Вариативность в негативной парадигме дубитатива в современном болгарском языке» обратилась к категории эвиденциальности в трех ее разновидностях (дубитатив, ренарратив и конклюдив). Наличие дублетов в дубитативных отрицательных конструкциях, по мнению автора, обусловлено недостаточной грамматикализацией этой категории.

С. Буров (Велико-Тырново) прочитал доклад «Беспредложие», в котором рассмотрел новейшие случаи отсутствия предлогов в обычно предложных именных и глагольных конструкциях. Эти

случаи он рассценивает как развитие синтетизма в именных конструкциях и, наоборот, как усиление аналитизма в глагольных словосочетаниях. Доклад *Р. Станчевой* (София) «Аккомодационные характеристики простых синтаксических групп, имеющих грамматический состав “существительное и предлог” (N – Pr)» ставил целью ознакомить слушателей с результатами формального описания конструкций «существительное с предлогом» и «предлог с существительным» для более точных характеристик синтаксических и семантических связей между предлогом и существительным.

В докладах *П. Быркаловой* (Пловдив) и *К. Колева-Костова* (Пловдив): «О природе и дефиниции сложного смешанного предложения», а также *Х. Крыстевой* (Пловдив) «О типизирующих механизмах в болгарских вопросительных предложениях. Исследование одного случая» затрагивались актуальные вопросы синтаксиса.

Сопоставительные темы по грамматике и синтаксису прозвучали в докладах *Б. Овчаровой* (София) «Некоторые вопросы использования артикля в болгарском и английском языках» и *Е. Митевой* (София) «Классификация по типу порядка слов в предложении в болгарском и словацком языках». Соположение синтаксиса, семантики и словообразования в качестве новаторской методологии представила в своем докладе «Аргументные и предикатные словообразовательные категории, выражающиеся формантом *-ик* в болгарском языке» *Л. Желева* (София). В сходном синкретическом ключе работает *Т. Рабова* (Велико-Тырново), представившая доклад «Дерексисы в болгарском языке – непереходное и некаузативное использование».

Компьютерная, корпусная и экспериментальная лингвистика – важная составная часть современной болгаристики и одно из самых сильных направлений ИБЯз. Известный специалист в этой области *С. Коева* (София) прочитала доклад на актуальную тему «К типологическому анализу комплементности в болгарском языке», где рассмотрела типы маркированности придаточных предложений, обозначив лексическую маркированность как самую релевантную. *А. Степанов* (Нова Горица, Словения), *И. Крънова* (Венеция) в докладе «О номинальной структуре некоторых дополнительных подчиненных предложений в болгарском языке. Экспериментальное изучение экстракции вопросительных слов» представили результаты своего проекта по изучению комплементности и подчиненности. *С. Лесева* (София) и *И. Стоянова* (София) работают с базой WordNet; методику своего исследования глагольной лексики они изложили в докладе «Семантическое описание глаголов изменения и иерархическая организация концептуальных фреймов».

Ряд докладов был посвящен проблемам языковой компетентности и обучению иностранным языкам – *Р. Манова* (София) «Модели общения при изучении болгарского языка как иностранного» *Е. Андонова* (София) «ВЕРБА: Болгарская адаптация вопросников по коммуникативному развитию»; би- и полилингвизму – *С. Лозанова* (София) и *И. Стоянова* (София) «К эффективной оценке языковой и коммуникативной компетентности у глухих детей в условиях двуязычия», *И. Штенгер*, *Т. Августинова* (Саарланд) «Полилингвальная обучаемость и время реагирования в славянских экспериментах по взаимопониманию» и переводам – *В. Петрова* (София) «Функции и способ работы инструментов по проверке качества человеческого перевода».

На заседаниях освещались также вопросы фонетики – *М. Пацева* (София) «Ударение на окончание у имен существительных в болгарском языке», и этнолингвистики – *С. Георгиева* (Одесса) «(Не)знакомый язык: осенние праздники у болгар Южной Украины».

Все доклады и выступления сопровождались оживленными дискуссиями, в которых лингвисты уточняли идеи докладчиков, высказывали свои возражения и дополнения. Таким образом, конференция позволила увидеть целостную картину развития болгаристики и, шире, лингвистики в Болгарии и других странах, а опубликованный сборник дал возможность глубже ознакомиться с актуальной проблематикой этих дисциплин.

Следующая конференция, по традиции, намечена на 15 мая 2022 г.

Информация об авторе

Седакова Ирина Александровна,
доктор филологических наук,
зав. отделом типологии
и сравнительного языкознания,
Институт славяноведения РАН,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID0000-0002-9252-5407
E-mail: irina.a.sedakova@gmail.com

Information about the author

Irina A. Sedakova,
DSc (Philology), Head of the Department
for typology and comparative linguistics,
Institute of Slavic Studies
of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID0000-0002-9252-5407
E-mail: irina.a.sedakova@gmail.com

Памяти Лидии Константиновны Гаврюшиной (1956–2020)

Ссылка для цитирования: Памяти Лидии Константиновны Гаврюшиной (1956–2020) // *Славяноведение*. 2021. № 6. С. 147–148.

Remembering Lidia Kostantinovna Gavrushina (1956–2020)

Reference for citation: Remembering Lidia Kostantinovna Gavrushina (1956–2020) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2021. No 6. P. 147–148.

Последний раз мы видели Лидию Константиновну 13 ноября 2019 г. в день закрытия международной конференции «Межславянские культурные связи. Результаты и перспективы исследований». Выглядела она вполне бодрой, и никто не мог предположить, что жить ей оставалось всего лишь год с небольшим. Хотя уже тогда она страдала от плохо поддающегося лечению перелома руки.

Вспоминается, что прежде, чем мы познакомились с Лидией Константиновной, до нас донесся слух, что одна юная, начинающая сербистка, получив длительную командировку в Сербию, очень быстро собрав там необходимый материал, сразу же вернулась домой. Многих из нас, воспринимавших пребывание за рубежом как подарок судьбы, это потрясло. Оказалось, что этой энтузиасткой своего дела при еще относительном равнодушии к другим радостям бытия оказалась Лидия Константиновна, ставшая крупным специалистом по истории древнесербской литературы и русско-сербским культурным связям. Впрочем, неожиданными событиями и поворотами в своей судьбе она удивит окружающих еще не раз.

Выпускница МГУ, аспирантка Института славяноведения, она в 1986 г. защитила кандидатскую диссертацию «Житийные повести о Савве Сербском и сербско-русские литературные связи», став через два года сотрудницей Института. На ее счету статьи в коллективных трудах Отдела истории славянских литератур, главы о древне-сербской и древне-хорватской литературах в книге «Очерки истории культуры славян» (М., 1996. Вып. 1); главы о сербской, хорватской и словенской литературах IX – начала XV вв. в трехтомной «Истории литератур западных и южных славян» (М., 1997. Т. I). Любимым объектом ее исследований, кому Лидия Константиновна хранила пожизненную верность, становится Савва Сербский, статьи о нем публикуются в российских и сербских изданиях. Это – «Русская рукописная традиция жития Саввы Сербского» (*Советское славяноведение*. 1984. № 1), «Житие Саввы Сербского в русской агиографии XVI в.» (Прилози поучovanju srpsko-ruskikh književnih vesa, X–XX vek. Novi Sad, 1993), «Еще одна русская редакция Жития святого Саввы Сербского» (Археографски прилози. Београд, 2002. Св. 22/23), «Два агиографа – две концепции идеального образа св. Саввы» (Герменевтика. М., 2005) и т.д. Однако Саввой Сербским ее научные интересы не ограничивались. Она изучала творчество Й. Добровского как основоположника славяноведения, духовные связи между Россией и Афоном, древнерусские тексты о Косовской битве и многое другое.

Лидия Константиновна выступала на XI Международном конгрессе славистов (Братислава, 1993 г.) – доклад «К проблеме исторического развития жанра жития в средневековых литературах Сербии и Руси», и на XIII в Любляне (М., 2003) – доклад «О некоторых богословско-дидактических аспектах средневековой сербской агиографии XIII–XIV вв.».

После завершения конгресса в Братиславе Лидия Константиновна вместе со своим супругом, священником, отправляются в Польшу, в Краков, где 1 ноября 1993 г. появляется на свет их дочь Катенька. Она часто станет ходить вместе с матерью, влюбленной в русскую природу и мастерски ее фотографировавшей, в походы. Фотографии Лидии Константиновны украшают обложки двух

научных сборников Отдела истории славянских литератур: «Россия в глазах славянского мира» (М., 2007) и «Славянский мир в глазах России» (М., 2011).

С течением времени Лидия Константиновна стала серьезно заниматься пластами древнерусской культуры, сохраненной старообрядцами, а конкретно — липованами: см. ее статью «К истории русского духовного стиха о расставании души с телом» («Липоване», научный альманах. Одесса-Измаил, 2010). Отсюда ее периодические экспедиции в Румынию, в липованские села, где она чувствовала себя как дома, обзавелась близкими знакомыми, опрашивала в поисках нужных сведений местных жителей, познавала быт и обычаи старообрядцев.

Прочитируем ее рукописные записи, подготовленные в мае 2018 г. для «круглого стола» о зарубежных конференциях и командировках. «На Балканах, в Румынии, по сей день живут старообрядцы, сохранившие, благодаря своей духовной стойкости, известной изолированности от “мира” и “компактному” проживанию традиции, многие из которых в российских деревнях порой полностью или частично утрачены. Их называют липованами, — пишет она, — Мои экспедиции в эти края начались в 2005 году. Принимала меня тогда поповская семья — отец Федот и матушка Прасковья. Отец Федот (его уже нет в живых) — батюшка веселый, шутник, он даже отчасти участвовал в фольклорных посиделках, которые помогала организовывать его супруга, хотя и напоминал, что попу это не положено. [...] Гостеприимство здешних старообрядцев (в Румынии вообще) просто поражает и трогает до глубины души. Однажды нас просто “подобрали” на автобусной остановке, узнав, что мы приехали на храмовый праздник и деваться нам некуда. Так мы и попали сразу в гущу народной жизни и культуры. Русские традиции гостеприимства отличаются не только старшее, но и среднее поколение, воспитанное в вере, — хотя люди эти вполне “светские” с виду. В последнее время в липованских селах стали строить новые клубы, или “камины” (как их называют по-румынски), своего рода “культурные центры” общин, оборудованные на вполне современном уровне. Там есть гостевые комнаты, там собираются и местные жители — представители среднего поколения — на репетиции. К счастью, наследие прадедов, хотя и не в полном объеме, но передается молодежи. И все-таки заглянуть в седую старину может лишь тот, кому удастся поговорить с людьми самого почтенного возраста. Мои экспедиции за прошедшие несколько лет не ограничивались Румынией. Интереснейшая встреча произошла у нас на службе в поморской общине в окрестностях Нижнего Новгорода. Оказалось, что и многомиллионный город может служить местом для полевых изысканий. Вот и приходится спешить...». Она и спешила...

Жизнь Лидии Константиновны оборвалась на взлете, в расцвете творческих сил. Ее персональный отчет о научной работе за последний, 2020 год, отличается богатством и разнообразием реализованного. Это и статья о культуре русских липован в сборнике Международного научного симпозиума в Бухаресте, и статьи на русском и английском языках для Виртуального Музея Славянских Культур об Исае Сербском, писателе и переводчике XIV в.; о Феодосии, сербском книжнике конца XIII — начала XIV в.; Доментиане, сербском агиографе XIII в.; Данииле II, архиепископе сербском; Протопопе Аввакуме; о духовных стихах в русской и славянской традиции. Последней ее работой стал перевод на русский язык сложнейшей статьи сербского профессора Александры Попин «Боговник» Исмета Реброньи для коллективного труда Отдела истории славянских литератур. Лидия Константиновна работала над этим переводом на исходе сил, с помощью своего супруга, священнослужителя, давно благодаря ей овладевшего сербским языком.

Нам будет не хватать (уже не хватает) Лидии Константиновны Гаврюшиной, скромного, немногословного человека, уникального специалиста, настоящего ученого, преданного своему делу.

Коллеги и друзья

Славяноведение, 2021, № 6, с. 149–150

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 6, pp. 149–150

Памяти Галины Парфеньевны Нешименко
(1933–2021)

© 2021 г. Г.П. Пилипенко

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

glebpilipenko@mail.ru

Ссылка для цитирования: Пилипенко Г.П. Памяти Галины Парфеньевны Нешименко (1933–2021) // *Славяноведение*. 2021 № 6. С. 149–150.

In memory of Galina Parfenyevna Neshchimenko
(1933–2021)

© 2021. G.P. Pilipenko

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

glebpilipenko@mail.ru

Reference for citation: *Pilipenko G.P. In memory of Galina Parfenyevna Neshchimenko // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2021. No 6. P. 149–150.*

22 марта 2021 г. ушла из жизни доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН Галина Парфеньевна Нешименко.

Галина Парфеньевна родилась в 1933 г. в Уфе. В 1955 г. окончила славянское отделение филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, где основной ее специальностью была богемистика. В 1959 г. окончила аспирантуру Института славяноведения РАН. В своей кандидатской диссертации «Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке», защищенной в 1961 г., Г.П. Нешименко занималась проблемами словообразования, областью языкознания, которой будут посвящены в дальнейшем многие ее работы и в которую она внесла значительный вклад. Так, в 1968 г. была опубликована монография «История именного словообразования в чешском литературном языке конца XVIII–XX в. (прилагательное)». Уже здесь наметился ее интерес к историческим процессам в области деривации. В этой работе привлекался материал архивов Института чешского языка Чешской академии наук. Кроме того, проводилось сопоставление с другими славянскими языками; подобные типологические параллели автор использовала и в работах по другим областям лингвистики. Докторская диссертация Галины Парфеньевны «Очерк демуниативной деривационной системы в истории чешского литературного языка (конец XIII – середина XX в.)», защищенная в Институте славяноведения РАН в 1978 г., продолжила словообразовательную тематику, значительно расширив ее в исторической перспективе – были привлечены данные чешского языка начиная с XIII в. Диссертация составила основу для одноименной монографии, опубликованной в Праге в 1980 г.

Интерес Г.П. Нешименко к социолингвистической проблематике наметился с середины 1980-х годов. Результатом стала публикация двух монографий: «Этнический язык: Опыт функциональной дифференциации: на материале сопоставительного изучения славянских языков»

(опубликована в Мюнхене в 1999 г.) и «Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепции» (вышла в издательстве «Наука» в Москве в 2003 г.). Автора интересовала функциональная дифференциация этнического языка. В частности, была предложена новая коммуникативная концепция членения этнического языка; при описании этнического языка разработаны оппозиции «центр — периферия», «языковая экономия — языковая вариативность». В центре внимания Галины Парфеньевны в первую очередь была чешская языковая ситуация, однако проводилось сопоставление и с языковой ситуацией в России, Болгарии и в других славянских странах. Помимо теоретической значимости, монографии несут в себе и практическую ценность — выработанные подходы могут быть использованы при прогнозировании и оценке языковых ситуаций.

Галина Парфеньевна является основоположником и инициатором нового направления в Институте славяноведения РАН — изучение актуальных этнокультурных и этноязыковых проблем современности, в котором сочетаются методы классической лингвистики и социолингвистические подходы. Благодаря ее научно-организационной работе вышли в свет коллективные монографии «Язык — Культура — Этнос» (М., 1994), «Язык как средство трансляции культуры» (М., 2000), «Встречи этнических культур в зеркале языка» (М., 2002), «Глобализация — этнизация: этноязыковые и этнокультурные процессы» в двух томах (М., 2006), «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности» в двух томах (М., 2014, 2017). К сотрудничеству и участию были приглашены ученые как из славянских, так и из неславянских стран, что позволило существенно расширить спектр рассматриваемых языковых ситуаций. В опубликованных трудах анализируются проблемы идентичности, формирования новых государств и изменение языковой политики, затрагиваются различные аспекты двуязычия, диглоссии, переключения кодов. Охват таких разных по своей типологии ситуаций и глубина осмысления проблематики делают эти труды ценным источником не только для филологов, но и для представителей других гуманитарных специальностей. Помимо публикации указанных изданий ею были организованы «круглые столы», предваряющие работу над книгами.

Галина Парфеньевна принимала участие в работе Международных съездов славистов, проходивших в Варшаве в 1973 г., Софии в 1988 г., Братиславе в 1993 г., Кракове в 1998, Любляне в 2003 г., Минске в 2013 г. Она была активным членом трех комиссий при Международном комитете славистов (комиссия по социолингвистике, комиссия по словообразованию, комиссия по славянским литературным языкам).

Типологическое изучение славянских языков являлось еще одним направлением, которое Г.П. Нешименко развивала в своих трудах. Здесь можно упомянуть такие знаковые работы, как «Сопоставительное изучение славянского словообразования» (М., 1987), а также «Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков» (Варшава, 1991; М., 1994). Общее научное наследие Галины Парфеньевны составляет более 370 публикаций.

Помимо научной деятельности Галина Парфеньевна была опытным переводчиком-синхронистом, переводила на многочисленных собраниях и форумах высшего уровня; является переводчиком с чешского языка на русский книги Милослава Стингла «Империя Инков. Слава и смерть “Сыновей Солнца”», вышедшей в Москве в 1984 г.

Необходимо отметить и деятельность Галины Парфеньевны в педагогической сфере. Она активно читала лекции, вела семинары и преподавала чешский язык в МГУ им. М.В. Ломоносова, Дипломатической академии МИД РФ, МГИМО. Галина Парфеньевна руководила работой аспирантов в Институте славяноведения РАН, под ее руководством были защищены две кандидатские диссертации. В зарубежных университетах (Брно, Прага, Львов, Краков) она читала лекции и проводила семинары. Г.П. Нешименко являлась членом диссертационных советов в Институте славяноведения РАН и на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

Галина Парфеньевна останется в памяти ее коллег и учеников как исследователь, преданный славистике, с очень широким кругозором, нестандартно мыслящий ученый, предлагающий новые подходы в лингвистике, и как отзывчивый и добрый человек.

Информация об авторе:

Пилипенко Глеб Петрович,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Отдела славянского языкознания
Института славяноведения РАН.
Москва, Российская Федерация.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5422-0039>
E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Information about the author

Gleb P. Pilipenko,
PhD (Philology)
Senior research fellow of the Department
of Slavic languages, Institute of Slavic Studies
of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5422-0039>
E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Славяноведение, 2021, № 6, с. 151–152

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 6, pp. 151–152

Памяти Александра Александровича Гугнина
(1941–2021)

© 2021 г. Н.Н. Старикова

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

nstarikova@mail.ru

Ссылка для цитирования: *Старикова Н.Н.* Памяти Александра Александровича Гугнина (1941–2021) // *Славяноведение*. 2021 № 6. С. 151–152

In memory of Alexander Aleksandrovich Gugin
(1941–2021)

© 2021. N.N. Starikova

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

nstarikova@mail.ru

Reference for citation: *Starikova N.N.* In memory of Alexander Aleksandrovich Gugin (1941–2021) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2021. No 6. P. 151–152.

15 июня 2021 г. не стало доктора филологических наук, профессора, выдающегося литературоведа-германиста и слависта А.А. Гугнина, это большая утрата не только для Полоцкого университета, где он последние десятилетия работал, но и для российской славистики.

Уроженец белорусского города Полоцка, выпускник филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, защитивший кандидатскую диссертацию по проблемам романтизма в немецкой литературе (1976), А.А. Гугнин был филологом разносторонних дарований: литературоведом, переводчиком, редактором, педагогом. В его послужном списке редакторская работа в журнале «Иностранная литература», издательствах «Прогресс» и «Радуга», участие в качестве составителя, переводчика, автора предисловий во многих русских изданиях авторов Германии, Австрии, Швейцарии, статьи и обзоры о творчестве немецкоязычных писателей.

В середине 1980-х годов судьба связала А.А. Гугнина с нашим институтом, тогда Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, где он, литературовед-германист, начал изучать серболужицкую литературу. Исследования в этой области, во многом инновационные для отечественного славистического литературоведения, легли в основу его докторской диссертации «Основные этапы развития серболужицкой литературы в славянско-германском контексте» (1998) и монографий «Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней» (1997), «Серболужицкая литература XX века в славянско-германском контексте» (2001). А.А. Гугнин входил в авторские коллективы этапных литературоведческих трудов Института, создав главы о литературе ГДР в двухтомной «Истории литератур восточной Европы после Второй мировой войны» (1995–2001) и главы о серболужицкой литературе в трехтомной «Истории литератур западных и южных славян» (1997–2001). В течение долгого времени он был членом редколлегии журнала «Славяноведение».

По инициативе А.А. Гугнина и при поддержке В.А. Хорева в 1990-е годы в Институте был воссоздан центр славяно-германских исследований, к его работе были привлечены видные отечественные филологи, историки-германисты и слависты, установлены связи со славистическими кафедрами европейских университетов, начала издаваться одноименная серия научных трудов. А.А. Гугнин пользовался огромным авторитетом не только у российских и белорусских, но и у европейских коллег, являлся членом престижных гуманитарных институций, среди которых Международное общество Гёте в Веймаре, Общество Гёльдерлина в Тюбингене, Матица серболужицкая в Будишине (Баутцене).

Автор свыше 500 печатных трудов, А.А. Гугнин на протяжении многих лет совмещал научную работу с преподаванием. В 1990-е годы он преподавал и несколько лет возглавлял кафедру теории и истории мировой литературы в Московском государственном открытом педагогическом университете, с 1999 по 2015 г. возглавлял кафедру мировой литературы и культурологии Полоцкого государственного университета, подготовил десятки квалифицированных специалистов, среди которых кандидаты и доктора филологических наук. Он безвозмездно передал родному вузу личную библиотеку в 20 000 томов на русском, белорусском, английском, немецком, французском, латинском языках, был основателем и издателем книжной серии «Проблемы истории литературы», ставшей дискуссионной площадкой для коллег и учеников.

А еще Сан Саныч, как называли его соратники, друзья и студенты, был страстным собирателем книг, настоящим эрудитом, человеком высокой культуры и позитивной энергии. Он любил жизнь во всех ее проявлениях. И писал об этом стихи.

Светлая память большому ученому, педагогу и человеку!

От лица коллег и друзей Надежда Старикова.

Информация об авторе

Надежда Николаевна Старикова,
доктор филологических наук, профессор,
зав. Отделом современных литератур
Центральной и Юго-Восточной Европы
Института славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1230-2244
E-mail: nstarikova@mail.ru

Information about the author

Nadezhda N. Starikova,
DSc (Letters), professor,
Head of the Department
of Contemporary Literatures
of Central and South-Eastern Europe,
Institute of Slavic Studies
of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1230-2244
E-mail: nstarikova@mail.ru

УКАЗАТЕЛЬ

Славяноведение, 2021, № 6, с. 153–156

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 6, pp. 153–156

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2021 году

СТАТЬИ

<i>Агапкина Т.А.</i> Коллекции украинского магического фольклора в архивных собраниях РГО и ОЛЕАЭ. С. 55.....	№ 6
<i>Бабулин И.Б.</i> Состав и численность русского войска в Чудновском походе 1660 года. С. 26...	№ 2
<i>Баринков И.И.</i> «Белоруссия» Вальтера Егера: история одной книги. С. 64.....	№ 1
<i>Белова О.В., Ясинская М.В.</i> Аббревиатуры и формулы в мемориальной эпиграфике Подляского воеводства. С. 68.....	№ 6
<i>Валенцова М.М.</i> Этимологические методы в этнолингвистических исследованиях мифологической лексики. С. 38.....	№ 6
<i>Вашенко Д.Ю.</i> Словацкие темпоральные наречия группы «редко»: возможные семантические различия в свете корпусных данных. С. 73.....	№ 1
<i>Вендина Т.И.</i> Мотивационный признак диалектного слова в зеркале аналитической диалектологии. С. 87.....	№ 6
<i>Виноградова Л.Н.</i> Русская народная демонология и ее региональные особенности. Часть 1. Духи природных и домашних локусов. Персонификация смерти и болезней. С. 102.....	№ 2
<i>Виноградова Л.Н.</i> Русская народная демонология и ее региональные особенности. Часть 2. Поверья о чёрте. Демонологизация умерших. Люди со сверхъестественными способностями. С. 102.....	№ 4
<i>Вишняков Я.В.</i> Два взгляда на сербскую политику. Н.В. Чарыков и П.А. Капнист о внутртриполитическом положении Сербского королевства и Балкан начала XX века. С. 5.....	№ 5
<i>Ганин А.В.</i> Генерал Ф.Е. Махин в годы Второй мировой войны в Югославии. С. 20.....	№ 3
<i>Дробышева М.М.</i> Почему на стенах Софии Киевской оставляли надписи о «козе»? С. 99.....	№ 6
<i>Задорожнюк Э.Г.</i> Вацлав Гавел: контуры изменчивого мировоззрения (к 85-летию со дня рождения). С. 16.....	№ 1
<i>Задорожнюк Э.Г.</i> Вацлав Клаус: чешский политик общеевропейского масштаба (К 80-летию со дня рождения). С. 33.....	№ 5
<i>Калугин В.</i> Загадка Франциска Скорины и источник Острожской библии. С. 80.....	№ 2
<i>Коноплянко К.С.</i> Генезис анабаптизма в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском в 1550–1560 годах. С. 8.....	№ 2
<i>Корзо М.А.</i> Сюжет <i>consolation mortis</i> у Симеона Полоцкого: несколько штрихов к источникам вдохновения богослова. С. 93.....	№ 2
<i>Косьчельняк К.</i> Попытка взятия Познани саксонско-российско-польскими войсками под командованием Иоганна Рейнгольда Паткуля в 1704 году. С. 43.....	№ 2
<i>Кочегаров К.А.</i> Польный гетман литовский Григорий Огинский и царь Петр I в конце 1708 – первой половине 1709 годов. С. 56.....	№ 2
<i>Кочегаров К.А.</i> Польный гетман Григорий Огинский, литовские республиканцы и Россия в первые месяцы после Полтавской победы. С. 12.....	№ 4
<i>Лебедева Н.С., Терехова Н.Г.</i> Польская секция Коминтерна от переворота Пилсудского до Большого террора. С. 5.....	№ 3
<i>Ломоносов М.Ю.</i> Слободан Милошевич между левыми и правыми: расстановка сил, политическая борьба, стратегия убеждения. С. 29.....	№ 1
<i>Мамедов И.М.</i> Идеиное измерение политики Турции в XX – начале XXI века. С. 44.....	№ 1
<i>Накишова М.Т.</i> К истории Почепского дела князя А.Д. Меншикова. С. 40.....	№ 4
<i>Оксенюк А.А., Хутарев-Гарнишевский В.В.</i> К происхождению запорожского кошевого атамана Петра Калнышевского и семьи Калусовских. С. 60.....	№ 4

Пак Н.В. Еще раз к вопросу о редакциях Жития Антония Римлянина. С. 79	№ 4
Пивоваренко А.А. Этнический состав населения Истрии с конца XIX до начала XXI века. С. 36	№ 3
Пилько Н.С. Новейшая история Республики Словения в современных работах словенских исследователей. С. 55	№ 1
Плотникова А.А. Специфика хорватской народной мифологии. С. 24	№ 6
Прудовский П.И. Судьба польско-литовских пленных по Андрусовскому перемирию 1667 г. и миграции населения между Россией и Речью Посполитой. С. 29	№ 4
Сазонова Л.И. Симеон Полоцкий драматург: новые аспекты изучения. С. 5	№ 6
Силкин А.А. «Ночью по ВЧК арестован товарищ заведующий»: ликвидация Центрального югославянского бюро при ЦК РКП(б) в 1921 году. С. 16.....	№ 5
Улуян А.А. Фламандское эхо Греческой революции. Gazette van Gend и начальный этап «греческих событий» (январь – декабрь 1821 года) С. 3	№ 1
Флоря Б.Н. Второй Литовский Статут 1556 о межконфессиональных отношениях в Великом княжестве Литовском. С. 3	№ 2
Флоря Б.Н. Гетман и старшина в Левобережном гетманстве в годы правления Демьяна Многогрешного (1669–1672). С. 5	№ 4

ВРАТА ЦАРЕГРАДА: КОНСТАНТИНОПОЛЬ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ СЛАВЯН

Аржакова Л.М. Константинополь в «Путешествии в Стамбул» Иосифа Бродского. С. 102	№ 5
Белов М.В. Храм св. Саввы в Белграде: репликация константинопольской Софии в эпоху мировых катаклизмов. С. 67	№ 5
Кочукова О.В., Кочуков С.А. Образ Константинополя в стихотворениях на страницах российской прессы в период русско-турецкой войны 1877–1878 годов. С. 79	№ 5
Лескинен М.В. Сюжет об «Олеговом щите» в русской культуре XIX – начала XX века. С. 49	№ 5
Яблоков Е.А. (Москва). А все-таки оно вернется («Три Рима» в пьесе М.А. Булгакова «Бег». С. 91	№ 5

СООБЩЕНИЯ

Амелина А.В. Утопичность в романе Марии Майеровой «Площадь республики». С. 57 ...	№ 3
Белосусов С.С. Славянские вынужденные переселенцы в Астраханской губернии в годы Первой мировой войны: проблема жизнеобеспечения и адаптации. С. 94	№ 1
Борисов С.А. Контактные явления в языке этнических чехов сербского Баната. С. 64	№ 3
Гиуртзидис А.С. Греко-сербское соглашение 1867 года и роль российской дипломатии. С. 125	№ 5
Ибраимова Э.Н. Русские архитекторы-эмигранты и архитектурные конкурсы в межвоенном Белграде. С. 105	№ 1
Короткова Д.А. Эволюция взглядов Леона Василевского на белорусский вопрос. С. 50 ..	№ 3
Косик В.И. Достоевский: Восточный вопрос. С. 85	№ 1
Останчук О.А. «Азбучные войны» в истории и современности славянских языков: заметки на полях книги Артура Стемплевского. С. 110	№ 6
Ростовцева Ю.А. Странничество героев Киево-печерского патерика (на материале печатной редакции 1661 года). С. 131	№ 2
Ростовцева Ю.А. Мотивы странничества в житиях Христа ради юродивых (Прокопий Устюжский, Исидор Твердислов, Василий Блаженный). С. 117	№ 4
Свиридонова А.И. Восстановление старообрядческой церковной иерархии: от Буковины до Москвы. С. 111	№ 5
Черчук О.И. Интернациональный компонент есо- в составе сложных слов чешского языка. С. 89	№ 3
Чиварзина А.И. Этнолингвистическая экспедиция в Миячию (Северная Македония). С. 80.	№ 3

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Лазарев Я.А., Изшин В.С. Интеграция Малой России и ее статус в трудах Г.Ф. Карпова (1839–1890). С. 115	№ 2
--	-----

Левченко В.В. «Мы были в Одессе у своих, но здесь остаемся навсегда между чужими»: письма И.В. Ягича одесским ученым. С. 104	№ 3
Селиверстов С.В. «Истинный славизм» раннего В.И. Ламанского и полемика с позицией А.С. Пушкина (конец 1850-х годов). С. 94	№ 3

IN MEMORIAM

Носкова А.Ф. Творческий путь историка. Памяти Валентины Сергеевны Парсадановой. С. 133	№ 3
Носов Б.В. История русской общественной мысли XIX — начала XX века в научном наследии Анджея Валицкого. С. 121	№ 3

РЕЦЕНЗИИ

Адельгейм И.Е. A. Gajewska. Zagłada i gwiazdy. Przeszłość w prozie Stanisława Lema. С. 147	№ 3
Баринов И.И. H. Ilgiewicz. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnieoraz Szkoła Nauk Politycznych w Wilnie (1930–1939). С. 117	№ 1
Белова О.В. А.А. Лазарева. Толкование сновидений в народной культуре. С. 129	№ 6
Вернер И.В. J. Barton, R. Dittmann. Český obrozenec překládá Písmo: překladatelské dílo Františka Novotného z Luže – edice Janova evangelia. С. 136	№ 2
Гусев Н.С. Ю. Константинова. Българите в османския Солун. С. 130	№ 4
Дубовик О.А. М. Илиева. Българинът в своя езиков свят (лингвокултурологично и етнопсихолингвистично изследване). С. 140	№ 6
Егорова К.Б. Корольов Г.О. Федеративні проекти в Центральнo-Східній Європі: від ідеологічної утопії до реальної політики (1815–1921 pp.). С. 147	№ 5
Косик В.И. Ю. Златкова. Константин Леонтиев и Балканите. С. 121	№ 1
Косик В.И. П. Мангачев. Акад. Димитър Михалчев – между философията и дипломатията. С. 150	№ 5
Ламм М.А. Н.В. Якавенка. Мастацкі пераклад з роднасных моў у гісторыі беларускай літаратуры. С. 154	№ 3
Марич Б., Керкез Др. Наш језик. У част професора Срета Танасића. С. 137	№ 4
Медведева Т.В. Русский травелог XVIII — начала XX века: аннотированный указатель / под ред. Т.И. Печерской. С. 125	№ 1
Мельникова К.В. Л.Ю. Пахомова. Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). С. 138	№ 5
Новосельцев Б.С. Й. Пирьевец. Тито и товарищи. С. 143	№ 3
Старикова Н.Н. T. Virk. Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja. С. 133	№ 6
Толстая С.М. M. Rak. Jan Karłowicz w świetle materiałów archiwalnych. Dialektologia, etnolingwistyka i lituanistyka. С. 123	№ 6
Хаванова О.В. J.M. Bak, G. Pálffy. Crown and Coronation in Hungary 1000–1916 A.D. С. 127	№ 4
Черчук О.И. Отечественная богемистика в новом тысячелетии: Сборник научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Александры Григорьевны Широковой. С. 134	№ 4
Шевченко К.В. Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров участников Венгерского похода 1849 года. С. 142	№ 5
Ясинская М.В. Br. Balloch. Lučice na oknah: naš svet pouan naposebnosti (il nostro mondo pieno di meraviglia). С. 150	№ 3

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Александрова А.К., Мамедов И.М. Конференция «Россия – Турция – Греция: возможности диалога на Балканах». С. 129	№ 1
Копченова И.В. Конференция «Смех и юмор в славянской и еврейской культуре». С. 139	№ 2
Новосельцева Л.К. Круглый стол «Прекрасный голубой Дунай: водный рубеж, транспортная артерия, художественный образ». С. 153	№ 5

<i>Седакова И.А.</i> Лингвистическая конференция в Институте болгарского языка БАН. С. 143	№ 6
<i>Станков Н.Н.</i> Научная конференция. Международные отношения в Центральной и Юго-Восточной Европе в XX–XXI веках. С. 127	№ 1
<i>Станчев М.Г., Страшнюк С.Ю., Шкабура Я.И.</i> Международная научная конференция «Балканы в международных отношениях от Поздней античности до эпохи глобализации» (Х Дриновские чтения). С. 142	№ 4

ЮБИЛЕИ

<i>Пекунова И.С.</i> К юбилею Владимира Антоновича Дыбо. С. 157	№ 3
<i>Полонский Д.Г.</i> К юбилею Анатолия Аркадьевича Турилова. С. 147	№ 4

НЕКРОЛОГИ

<i>Волокитина Т.В.</i> Памяти Михаила Абрамовича Бирмана (1919–2020). С. 159	№ 3
<i>Будагова Л.Н.</i> Памяти Регины Фридриховны Дорониной (1924–2019). С. 156	№ 5
<i>Сазонова Л.И.</i> Памяти Ханса Роте (1928–2021). С. 150	№ 4
<i>Старикова Н.Н.</i> Памяти Александра Александровича Гугнина (1941–2021). С. 151	№ 6
<i>Пилипенко Г.П.</i> Памяти Галины Парфеньевны Нешименко (1933–2021). С. 149	№ 6
Памяти Лидии Константиновны Гаврюшиной (1956–2020). С. 147	№ 6